ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2006 Том 12

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 9

Главный редактор
Н.М. РАССАДИН

Редакционная коллегия:

О.П. Акаев, Н.Ф. Басов, П.Н. Белкин, А.М. Белов, С.К. Булдаков, Н.П. Гибало, И.А. Едошина, А.Г. Кирпичник (зам. главного редактора), **А.Н. Коврижных** (отв. секретарь), **В.П. Лебедев, Ю.В. Лебедев, В.Н. Маин, В.Л. Миловидов, М.И. Скаржинский, А.И. Субетто, А.И. Тимонин, Г.М. Травин, Н.П. Фетискин, В.В. Чекмарев, М.С. Шалумов**

Учредитель
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

3 **Пухов Н.М., Марков В.Н., Исаев П.П.**
Мировое и спинорное представление релятивистской кинематики

11 **Секованов В.С., Забара В.С.**
О вычислении универсальной константы Фейгенбаума методом Ньютона

13 **Криницын И.Г., Османова Г.О.**
Некоторые морфофизиологические особенности особей Plantago lanceolata L. в двух луговых популяциях в окрестностях г. Йошкар-Олы

19 **Кормановская Е.Б.**
Роль физической тренированности в повышении защитно-адаптационного потенциала курсантов

21 **Мурадова Л.В., Сиротина М.В.**
Наследственная обусловленность адаптивного потенциала коров костромской породы

23 **Кривошеин В.В.**
Разведение ленского осетра в тепловодной аквакультуре

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

25 **Грабова О.Н.**
Эволюционно-институциональный анализ динамики экономических отношений: постановка проблемы

29 **Гурьева О.Ю.**
О роли философии в методологии экономической науки

31 **Дидык В.В., Емельянова Е.Е., Серова Н.А.**
Социально-экономические интересы региона при реализации проектов освоения нефтегазовых ресурсов арктического шельфа

35 **Ульченко М.В.**
Роль территориальных органов Федеральной службы государственной статистики РФ в региональной системе статистики (на примере Мурманской области)

38 **Калина Н.А.**
Механизмы обеспечения экономической безопасности России в условиях интеграции в мировое хозяйство

42 **Палаш С.В.**
Институты и информация

45 **Кошелева Е.А.**
Миграционные процессы и возникающие проблемы в Костромской области

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

48 **Коршунова О.С.**
Педагогические условия политического воспитания школьников в транзитивном обществе

52 **Лаврентьева З.И.**
Методологические основы исследования реабилитации как педагогического феномена

62 **Ласько П.А.**
Современные проблемы социальной структуры общества

64 **Ромм Т.А.**
Современные гуманитарные подходы – основа осмысления феномена социального воспитания

70 **Никифоров О.В.**
О создании системы оценки подготовленности выпускников педагогического вуза при переходе на компетентностный подход

74 **Раудсик Е.А.**
Сельский лицей как инновационный тип образовательного учреждения

ФИЛОЛОГИЯ

78 **Ганцовская Н.С.**
Статус костромского акающего острова в свете данных исторической диалектологии и лексикологии

80 **Мураткина Е.Л.**
Проблема жизни и смерти в творчестве Л.Н. Толстого и Ч. Диккенса

86 **Очкасова М.Р.**
К вопросу о принципах художественного перевода лексики и фразеологии (на материале произведений Л.Н. Толстого как писателя-билингва)

90 **Чаплыгина Т.Л.**
Арсений Тарковский и Анна Ахматова

ИСТОРИЯ

95 **Маин В.Н., Иванченко Н.Ю.**
Планы немецкого командования по установлению оккупационного режима на территории советского Северо-запада

99 **Максимова К.Г.**
Российская историография о социальной модернизации России конца XIX – начала XX вв.

105 **Рыбкин А.А.**
Новый этап политического терроризма в России в начале XX века

ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

109 **Завязкин В.Е.**
Историческая ментальность и произведение искусства

115 **Грецкий М.Н., Лягушев Г.Е.**
Западный марксизм

119 **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

«Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова» отражает основные результаты научной, педагогической, методической и воспитательной деятельности коллектива университета, а также публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Журнал включен в перечень периодических научных и научно-технических изданий, рекомендуемых ВАК РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Н.М. Пухов, В.Н. Марков, П.П. Исаев

МИРОВОЕ И СПИНОРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕЛЯТИВИСТСКОЙ КИНЕМАТИКИ

Данная статья имеет методологический и методический характер и является развитием идей сформулированных ранее в [1]. Основной результат, полученный в той статье, заключается в том, что из основных фундаментальных симметрий A физического вакуума как прямое и естественное следствие вытекает релятивистский закон преобразования скоростей

$$\vec{V}_{13} = \frac{\vec{V}_{12} + \vec{V}_{23} + \Delta\vec{V}}{1 + \frac{1}{c^2}\vec{V}_{12}\cdot\vec{V}_{23}}, \qquad (1)$$

где $\vec{V}_{12}$ – скорость относительного движения 1-го объекта относительно 2-го, $\vec{V}_{23}$ – 2-го относительно 3-го, а $\vec{V}_{13}$ – 1-го относительно 3-го.

Иногда релятивистский закон преобразования скоростей (1) называют законом «сложения» скоростей $\vec{V}_{12}$ и $\vec{V}_{23}$ по аналогии с классическим правилом *сложения* скоростей

$$\vec{V}_{13} = \vec{V}_{12} + \vec{V}_{23} \qquad (2)$$

Однако надо иметь в виду, что оба «закона» (1) и (2) представляют явления принципиально различного характера и онтологически не сводятся друг к другу. Классический закон *сложения* скоростей (2) выражает геометрическое «сложение» перемещений классической материальной точки в аффинном евклидовом пространстве $E^{(3)}$. Релятивистский закон *преобразования* скоростей (1) представляет результат *композиции* квантово-релятивистских «состояний движения» $\left|\vec{V}_{12}\right\rangle$ и $\left|\vec{V}_{23}\right\rangle$, соответствующих процессам *распространения* этих объектов в реальном вакууме. Цель этой статьи – показать онтологическое родство между релятивистскими и квантовыми аспектами единой квантово-релятивистской физики. Субстанциональной базой этого единства является физический вакуум, проявляющий квантово-релятивистские свойства.

Релятивистский закон преобразования скоростей далее мы будем понимать как *закон преобразования* особого пространства $V^{(3)}$ – пространства реляционных скоростей объектов, распространяющихся в вакууме по законом квантово-релятивистской физики. В абстрактном плане такое преобразование будем обозначать

$$\hat{F}\left(\vec{V}\right): V^{(3)} \to V^{(3)},$$
$$\hat{F}\left(\vec{V}\right): \vec{x} \to \vec{y} = \frac{\vec{x} + \vec{V} + \Delta\vec{V}}{1 + \frac{1}{c^2}\vec{x}\cdot\vec{V}}. \qquad (3)$$

и назовем его бустом[1]. Совокупность всех таких допустимых преобразований образует особую алгебраическую систему – *псевдогруппу релятивистских бустов*, которую обозначим символом *Boost*.

Объединим групповое пространство $V^{(3)}$ и группу *Boost*, которая в нем действует, согласно (3), в единую алгебро-геометрическую буст-структуру

$$B \equiv \left\langle V^{(3)}, Boost \right\rangle \qquad (4)$$

С точки зрения сугубо геометрической (в силу геометрических свойств *boost*-преобразований) она представляет собой проективную структуру, в которой реализуется проективная модель Кэли-Клейна геометрии Лобачевского.

Тот факт, что B (4) является проективной структурой, позволяет ее реализовать в виде особого (кинематического) пространства Минковского. В проективной геометрии[2] любое проективное пространство $V^{(3)}$ можно представить аффинной моделью, размерность пространства в которой увеличивается на единицу. Далее вместо 3-х мерного вектора $\vec{V} \in V^{(3)}$ мы будем использовать однородные проективные координаты $\vec{L}$ и T, которые будут определять *проективный фактор* $\vec{V}$ в виде отношения

$$\vec{V} \equiv \vec{L}/T, \qquad (5)$$

где $\vec{L}$ – суть смещение волнового пакета $\left|\vec{V}\right\rangle$ в физическом вакууме за время $T \equiv c\Delta t$ [3]. Это соотношение сопоставляет всякой реляционной скорости $\vec{V} \in V^{(3)}$ кинематическую пару $\left\langle T, \vec{L}\right\rangle$. В обрат-

© Н.М. Пухов, В.Н. Марков, П.П. Исаев, 2006

ную сторону правило (5) по заданной скорости $\vec{V}$ определяет соответствующую ей пару $\langle T_{\vec{V}}, \vec{L}_{\vec{V}} \rangle$ *не однозначно*, а только лишь с точностью до произвольного проективного множителя $\lambda \neq 0$.

Положим

$$\frac{\vec{V}_{12}}{c} \equiv \vec{x}\,, \ \frac{\vec{V}_{13}}{c} \equiv \vec{y}\,, \ \frac{\vec{V}_{23}}{c} \equiv \vec{V}\,, \qquad (5a)$$

тогда релятивистский закон преобразования скоростей запишется в виде

$$\vec{y} = \frac{\vec{x} + \vec{V} + \Delta\vec{V}}{1 + \vec{x}\cdot\vec{V}}\,, \qquad (6)$$

где $$\Delta\vec{V} \equiv \vec{x}^{\perp}\left(\sqrt{1-V^2} - 1\right). \qquad (6a)$$

Объединим все кинематические пары $\langle T_{\vec{V}}, \vec{L}_{\vec{V}} \rangle$ (5) в единое четырехмерное линейное векторное пространство 4-х мерных комплексов

$$X_{\vec{V}} \equiv \langle T_{\vec{V}}, \vec{L}_{\vec{V}} \rangle \equiv \langle T, L_x, L_y, L_z \rangle \equiv \langle x_0, x_1, x_2, x_3 \rangle\,, \qquad (7)$$

$$\{\vec{X}_{\vec{V}}\}_{\vec{V}\in V^{(3)}} \equiv M\,, \qquad (7a)$$

которое будем называть пространством Минковского. Подчеркнем, что так определенное пространство M – это пространство кинематического типа, т.е. пространство кинематических пар $\langle T, \vec{L} \rangle$.

Введение однородных проективных координат $\langle x_0, x_1, x_2, x_3 \rangle$ (7), определяемое по правилу

$$\left.\begin{aligned} \hat{\pi} : \vec{x} = \vec{L}_x / T_x \mapsto X \equiv \langle T_x, \vec{L}_x \rangle \\ \hat{\pi} : \vec{y} = \vec{L}_y / T_y \mapsto Y \equiv \langle T_y, \vec{L}_y \rangle \end{aligned}\right\}, \qquad (8)$$

индуцирует гомоморфизм

$$\hat{\pi} : V^{(3)} \to M \qquad (9)$$

и порождает представление

$$\hat{\pi} : \vec{y} = \vec{F}\left(\vec{x}, \vec{V}\right) \mapsto Y = \hat{\Lambda}\left(\vec{V}\right)\cdot X \qquad (8б)$$

действия релятивистского закона преобразования скоростей в пространстве Минковского M (7*а*). Действительно, преобразование $\hat{F}\left(\vec{V}\right): V^{(3)} \to V^{(3)}$ после проективной «замены переменных» (8) индуцирует однородное линейное преобразование

$$\left.\begin{aligned} \hat{\Lambda}\left(\vec{V}\right): M \to M \\ \hat{\Lambda}\left(\vec{V}\right): X \to Y \end{aligned}\right\}, \qquad (9)$$

действующее в M по правилу

$$y_\nu = \sum_{\mu=0}^{3} \Lambda^{\mu}_{\nu} \cdot x_\mu \equiv \Lambda^{\mu}_{\nu} x_\mu\,;\ \mu, \nu = 0, 1, 2, 3\,, \qquad (9a)$$

где $\Lambda^{\mu}_{\nu} \equiv \Lambda^{\mu}_{\nu}\left(\vec{V}\right)$ – матричные элементы линейного оператора $\hat{\Lambda}\left(\vec{V}\right)$ в базисе пространства M.

Представим векторный параметр $\vec{V}$ преобразования (9) в виде

$\vec{V} \equiv V \cdot \vec{n}$, где

$$\vec{n} \equiv n_x \cdot \vec{i} + n_y \cdot \vec{j} + n_z \cdot \vec{k}\,,\ n_x^2 + n_y^2 + n_z^2 = 1. \qquad (10)$$

С учетом (6) и (8) для матрицы $\hat{\Lambda}\left(\vec{V}\right)$, определяющей индуцированные преобразования (9) и (9а), мы получаем

$\hat{\Lambda}\left(\vec{V}\right) \equiv \left\| \Lambda^{\mu}_{\nu} \right\| =$

ν \ μ	0	1	2	3
0	α	$\beta \cdot n_x$	$\beta \cdot n_y$	$\beta \cdot n_z$
1	$\beta \cdot n_x$	$1 + A \cdot n_x n_x$	$A \cdot n_x n_y$	$A \cdot n_x n_z$
2	$\beta \cdot n_y$	$A \cdot n_y n_x$	$1 + A \cdot n_y n_y$	$A \cdot n_y n_z$
3	$\beta \cdot n_z$	$A \cdot n_z n_x$	$A \cdot n_z n_y$	$1 + A \cdot n_z n_z$

где $\alpha \equiv \dfrac{1}{\sqrt{1-V^2}}$; $\beta \equiv \dfrac{V}{\sqrt{1-V^2}}$; $A \equiv (\alpha - 1)$. $\qquad (11a)$

Легко убедиться, что преобразования (9а) с матрицей коэффициентов $\hat{\Lambda}\left(\vec{V}\right)$ (11) являются специальными лоренцевыми преобразованиями пространства M или *boost*-преобразованиями этого пространства. Из (9а) и (11) следует, что *boost*-преобразования, действующие в пространстве M, оставляют инвариантной и форм-инвариантной следующую квадратичную форму

$$\| X \|_M^2 \equiv T^2 - L^2 = x_0^2 - \left[x_1^2 + x_2^2 + x_3^2\right]. \qquad (12)$$

Величину $\| X \|_M^2$ далее будем рассматривать как *норму* 4-е вектора $X \in M$ и называть ее лоренцевой нормой вектора X.

Если в (11) параметр преобразования удовлетворяет условию $\left|\vec{V}\right| < 1$, то всевозможные *boost*-преобразования $\Lambda\left(\vec{V}\right): M \to M$, определяемые релятивистским законом (11), образуют псевдогруппу *Boost* преобразований этого пространства. Для того чтобы это множество преобразований включить в настоящую группу его надо дополнить всевозможными пространственными вращениями. Полную группу пространственных вращений мы обозначим символом *Rot*. Прямое произведение псевдогруппы *Boost* и группы *Rot* образует

полную группу преобразований пространства M. Эту группу обычно называют полной группой Лоренца и обозначают символом Lor. Группа Lor – это группа всевозможных линейных преобразований $\hat{\Lambda}: M \to M$, которые сохраняют лоренцеву норму $\| X \|_M^2$ для любого 4-е вектора $X \in M$. Последнее определение позволяет дать строгое и точное определение такой математической структуры как линейное, векторное, действительное, «кинематическое» пространство Минковского $\mathcal{M}$. Таким пространством фактически является *пара*

$$\mathcal{M} \equiv \langle M, Lor \rangle, \tag{13}$$

где Lor – группа автоморфизмов этого пространства, оставляющая инвариантной и форм-инвариантной лоренцеву норму (12) для любого вектора X из этого пространства.

Обратим внимание на то, что последнее определение не является бессмысленной математической абракадаброй. В алгебро-геометрической структуре $\mathcal{M}$, называемой пространством Минковского, *закодированы* специфическим образом физические свойства и структура процессов движения материальных объектов в физическом вакууме.

Из определения полной группы Лоренца следует, что для любого $\hat{\Lambda} \in Lor$ должно выполняться условие

$$\left(\det \hat{\Lambda}\right)^2 = 1 \text{ и } \det \hat{\Lambda} = \pm 1.$$

Преобразования $\hat{\Lambda}: M \to M$, для которых $\det \hat{\Lambda} = 1$, называются *специальными* преобразованиями Лоренца. Если для преобразования $\hat{\Lambda}$ выполняется условие $\Lambda_0^0 > 0$, то его называют *ортохронным*. Специальные ортохронные преобразования или *собственные* преобразования Лоренца, образуют в Lor подгруппу, которую называют собственной группой Лоренца L.

Для нас особый интерес будет представлять математическая структура

$$\mathcal{M} \equiv \langle M, L \rangle, \tag{13a}$$

которая реализует мировое представление действия фундаментальных физических симметрий $\mathcal{A}$. При традиционном подходе к основаниям релятивистской физики, как правило, за основу берется мировая структура $\mathcal{M}$. Обычно считается, что теоретически ядром релятивистской физики является специальная группа Лоренца. Однако это далеко не так и к рассмотрению этого вопроса мы и приступаем.

В теории групп Ли, к которым относится и группа L, имеет место следующая теорема:

«Для любой связной группы Ли L, существует единственная (с точностью до изоморфизма), связная и односвязная группа $\tilde{L}$, которая локально изоморфна L».

Группу $\tilde{L}$ называют универсальной накрывающей исходной группы L. Существует единственный проектирующий и накрывающий гомоморфизм

$$\tilde{\Pi}: \tilde{L} \to L. \tag{14}$$

Ядром гомоморфизма $\tilde{\Pi}$ является нормальный дискретный делитель группы $\tilde{L}$. Мощность этого делителя называется кратностью накрытия.

Согласно теореме для специальной группы Лоренца L из (13*a*) *должна существовать* ее универсальная накрывающая $\tilde{L}$. Ниже мы покажем, что для специальной группы Лоренца таковой является группа $SL(2;C)$. В математической терминологии эту группу называют специальной линейной комплексной группой ранга 2. В сущности, она представляет собой совокупность линейных преобразований 2-х мерного *комплексного* линейного пространства с определителями равными единице. Поскольку она по существу совпадает с $\tilde{L}$ (для группы L), то далее везде будем обозначать ее символом $\tilde{L}$ и называть *универсальной группой Лоренца*. Таким образом,

$$SL(2;C) \equiv \tilde{L}. \tag{15}$$

Именно эта группа в дальнейшем и будет представлять для нас главный интерес, поскольку является центральной фигурой в релятивистской физике. Пространство фундаментального представления группы $\tilde{L}$ из (15) является 2-х мерным комплексным векторным пространством. В контексте рассматриваемых нами проблем это пространство принято называть пространством *релятивистских спиноров*. Каждый такой «спинор», понимаемый как комплексный вектор, обозначим как $\vec{s}$, а само пространство Σ

$$\Sigma \equiv \{\vec{s}_\alpha\}_{\alpha \in A}. \tag{16}$$

Если в Σ фиксировать некоторый базис $\{\vec{\sigma}_1, \vec{\sigma}_2\}$, то всякий спинор из Σ однозначно представляется в виде следующей линейной комбинации:

$$\vec{s} = \zeta^1 \cdot \vec{\sigma}_1 + \zeta^2 \cdot \vec{\sigma}_2, \tag{16a}$$

где координаты этого вектора $\langle \zeta^1, \zeta^2 \rangle$ (по отношению к фиксированному базису) являются ком-

плексными числами: $\zeta^1, \zeta^2 \in C$. По отношению к этому же базису всякое «универсальное преобразование Лоренца», т.е. оператор $\tilde{\Lambda} \in \tilde{L}$, будет представляться комплексной квадратной матрицей размером 2×2.

Именно по этой причине универсальная группа Лоренца $\tilde{L}$ является комплексной группой Ли комплексной размерности 3. Последнее утверждение означает следующее, существуют три независимых комплексных параметра: $\vec{\zeta} \equiv \langle \zeta^1, \zeta^2, \zeta^3 \rangle$, $\zeta^i \in C$, i=1, 2, 3, такие, что они однозначно параметризуют всякое $\tilde{\Lambda} \in \tilde{L}$.

В группе $\tilde{L}$, понимаемой как некая определенная операторная структура, существует специальный «базис» (т.е. система образующих):

$$\vec{\tau} \equiv \left\langle \hat{\tau}_1 \equiv \begin{Vmatrix} 0 & 1 \\ 1 & 0 \end{Vmatrix}; \hat{\tau}_2 \equiv \begin{Vmatrix} 0 & -i \\ i & 0 \end{Vmatrix}; \hat{\tau}_3 \equiv \begin{Vmatrix} 1 & 0 \\ 0 & -1 \end{Vmatrix} \right\rangle \qquad (17)$$

С использованием системы $\vec{\tau}$ из (17) любой элемент $\tilde{\Lambda}(\vec{\zeta}) \in \tilde{L}$ может быть представлен в виде следующей операторной экспоненты

$$\tilde{\Lambda}(\vec{\zeta}) \equiv \exp\left[\frac{i}{2}\vec{\tau}\cdot\vec{\zeta}\right], \qquad (18)$$

где $\vec{\tau}\cdot\vec{\zeta} \equiv \zeta^1\cdot\hat{\tau}_1 + \zeta^2\cdot\hat{\tau}_2 + \zeta^3\cdot\hat{\tau}_3$.

Из условия $\det\tilde{\Lambda} = 1$ следует, что группа $\tilde{L}$ (как топологическое многообразие) является связным и односвязным подмногообразием в C^4 и тем самым для нее выполняется условие теоремы.

Покажем, что $\tilde{L}$ действительно 2-х кратно накрывает группу L. Фиксируем в $\sum$ некоторый базис $\langle \vec{\sigma}_1, \vec{\sigma}_2 \rangle$. По отношению к этому базису всякий спин-вектор $\vec{s} \in \Sigma$ представится 2-х мерным координатным вектором

$$\vec{s} \equiv \begin{bmatrix} \zeta^1 \\ \zeta^2 \end{bmatrix} \text{ и } \vec{s}^* \equiv \left[\bar{\zeta}^1\ \bar{\zeta}^2\right], \qquad (19)$$

где $\vec{s}^*$ – дуальный (эмитово-сопряженный) объект. Символом (*) далее мы будем обозначать операцию эрмитова сопряжения, а символом $(\bar{\bullet})$ операцию комплексного сопряжения.

По отношению к тому же базису всякое $\tilde{\Lambda} \in \tilde{L}$ представляется квадратной комплексной матрицей размера 2×2:

$$\tilde{\Lambda} \equiv \left\| \Lambda^a_b \right\| \equiv \begin{Vmatrix} a \equiv \tilde{\Lambda}^1_1 & b \equiv \tilde{\Lambda}^1_2 \\ c \equiv \tilde{\Lambda}^2_1 & d \equiv \tilde{\Lambda}^2_2 \end{Vmatrix}. \qquad (20)$$

Матрицы $\tilde{\Lambda}$ будем называть спин-матрицами. В символике $\tilde{\Lambda}^a_b$ индексы a и b принято называть спинорными индексами. Эти индексы пробегают всего два значения a=1, 2; b=1, 2. Для обозначения элементов спин-матриц $\tilde{\Lambda}$ (20) (из определенных технических соображений) будем использовать *тройную* систему обозначений:

$$\begin{cases} \tilde{\Lambda}^1_1 \equiv a, \tilde{\Lambda}^1_2 \equiv b, \tilde{\Lambda}^2_1 \equiv c, \tilde{\Lambda}^2_2 \equiv d & (\alpha) \\ a \equiv \lambda_1, b \equiv \lambda_2, c \equiv \lambda_3, d \equiv \lambda_4 & (\beta) \end{cases} \qquad (21)$$

Все $\lambda_i \in C, \quad i = 1, 2, 3, 4$.

С использованием введенной системы обозначений любая спин-матрица $\tilde{\Lambda} \in \tilde{L}$ изобразится в виде

$$\tilde{\Lambda} \equiv \begin{Vmatrix} a & b \\ c & d \end{Vmatrix}, \qquad (21a)$$

где $\det\tilde{\Lambda} \equiv (a\cdot d - b\cdot c) = 1$ для всякой $\tilde{\Lambda} \in \tilde{L}$.

Совокупность $\langle \lambda_1, \lambda_2, \lambda_3, \lambda_4 \rangle$, при рассмотрении некоторых вопросов, удобно рассматривать как 4-х мерный координатный комплексный вектор и соответственно:

$$\vec{\lambda} \equiv \begin{bmatrix} \lambda_1 \\ \lambda_2 \\ \lambda_3 \\ \lambda_4 \end{bmatrix}, \text{ а } \vec{\lambda}^* \equiv \left[\bar{\lambda}^1\ \bar{\lambda}^2\ \bar{\lambda}^3\ \bar{\lambda}^4\right], \qquad (22)$$

где $\vec{\lambda}$ и $\vec{\lambda}^*$ – два дуальных координатных комплексных 4-е вектора.

С пространством $\sum$ и группой его автоморфизмов $\tilde{L}$ тесно связана еще одна математическая структура. Забегая вперед, назовем ее пространством Паули и обозначим $\prod$.

С алгебраической точки зрения пространство Паули представляет собой алгебру эрмитовых матриц размером 2×2. Эта алгебра в своей модульной подструктуре является 4-х мерным действительным векторным пространством. Фиксируем в $\prod$ стандартный базис, который задается системой матриц Паули

$$E_\Pi \equiv \left\langle \begin{matrix} \tilde{e}_0 \equiv \begin{Vmatrix} 1 & 0 \\ 0 & 1 \end{Vmatrix}; \tilde{e}_1 \equiv \begin{Vmatrix} 0 & 1 \\ 1 & 0 \end{Vmatrix}; \\ \tilde{e}_2 \equiv \begin{Vmatrix} 0 & -i \\ i & 0 \end{Vmatrix}; \tilde{e}_3 \equiv \begin{Vmatrix} 1 & 0 \\ 0 & -1 \end{Vmatrix} \end{matrix} \right\rangle. \qquad (23)$$

По отношению к базису E_Π всякий элемент $\tilde{X} \in \Pi$ представится в виде следующей линейной комбинации

$$\widetilde{X} \equiv X^{\mu}\widetilde{e}_{\mu} = \begin{Vmatrix} (x^0+x^3) & (x^1-ix^2) \\ (x^1+ix^2) & (x^0-x^3) \end{Vmatrix}, \qquad (24)$$

где $x^0, x^1, x^2, x^3 \in R$ – суть координаты вектора $\widetilde{X}$ в этом базисе, а $i=\sqrt{-1}$ – «мнимая» единица.

Из (24) видно, что для всякого $\widetilde{X} \in \Pi$ имеет место следующее интересное «метрическое» соотношение

$$\det \widetilde{X} \equiv (x^0)^2 - \left[(x^1)^2+(x^2)^2+(x^3)^2\right]. \qquad (25)$$

Последнее обстоятельство позволяет определить в Π скалярное произведение и норму, что превращает его в нормированное линейное векторное пространство. Определим к E_{Π} дуальный базис E^*_{Π}, задаваемый следующими правилами

$$E^*_{\Pi} = \left\{\underline{e}^{\alpha}\right\};\ \underline{e}^0 \equiv \widetilde{e}_0;\ \underline{e}^{\alpha} \equiv -\widetilde{e}_{\alpha},$$
$$\text{для } \alpha = 1, 2, 3 \qquad (26)$$

Используя E^*_{Π} из (26), для всякого $\widetilde{X} \equiv x^{\mu}\widetilde{e}_{\mu}$ найдем сопряженный к нему элемент

$$\underline{X} \equiv x_{\mu}\underline{e}^{\mu}, \text{ где } x_{\mu} \equiv x^{\mu}. \qquad (27)$$

Очевидно, что

$$\underline{X} = \begin{Vmatrix} (x^0-x^3) & -(x^1-ix^2) \\ -(x^1+ix^2) & (x^0+x^3) \end{Vmatrix}. \qquad (27a)$$

Перенормируем элемент $\underline{X}$ из (27*а*) по правилу

$$\widetilde{X}^{-1} \equiv \frac{1}{\det \underline{X}} \cdot \underline{X}. \qquad (27б)$$

Легко видеть, что для любого $\widetilde{X} \in \Pi$ выполняется соотношение

$$\widetilde{X} \cdot \widetilde{X}^{-1} \equiv \hat{I}, \qquad (28)$$

где $\hat{I}$ – единичная 2×2 матрица.

Определим теперь в Π *скалярное произведение* (*)

$$\widetilde{X} * \widetilde{Y} = \frac{1}{2} Spur\left\{\widetilde{X} \cdot \underline{Y}\right\} = x^0y^0 - \left[x^1y^1 + x^2y^2 + x^3y^3\right] \qquad (29)$$

Из этого определения следует, что

$$\left\|\widetilde{X}\right\|^2_{\Pi} \equiv \widetilde{X} * \widetilde{X} = \frac{1}{2} Spur\left\{\widetilde{X} \cdot \underline{X}\right\} = \det \widetilde{X}. \qquad (29a)$$

Алгебра эрмитовых матриц Π с введенной в ней нормой, определяемой соотношением (29*а*), превращается в нормированную композиционную алгебру, которую принято называть алгеброй релятивистских кватернионов. Та же самая алгебра, но понимаемая только как линейное векторное пространство над полем R со скалярным произведением, определяемым по правилу (29), превращается в нормированное линейное векторное пространство над полем R. Такое пространство и называют пространством Паули. Пусть $\widetilde{\pi}\left(\widetilde{L}\right)$ – суть группа внутренних автоморфизмов, которая сохраняет норму $\left\|\widetilde{X}\right\|^2_{\Pi}$ (29*а*) в этом пространстве.

Оказывается, что группа $\widetilde{\pi}\left(\widetilde{L}\right)$ индуцирована действием $\widetilde{L}: \Sigma \to \Sigma$ и механизм этого индуцирования мы раскроем чуть позднее.

Строго говоря, пространством Паули надо называть структуру:

$$\mathbf{\Pi} \equiv \left\langle \Pi; \widetilde{\pi}\left(\widetilde{L}\right)\right\rangle. \qquad (30)$$

Это пространство интересно тем, что оно является изометрической моделью пространства Минковского (13*а*). Эта изометрия

$$\pi : M \to \mathbf{\Pi} \qquad (31)$$

определяется весьма простым отображением базиса $E_M \equiv \left\{\vec{e}_{\mu}\right\}$ пространства Минковского в базис $E_{\Pi} \equiv \left\{\widetilde{e}_{\mu}\right\}$ пространства Паули

$$\pi : \vec{e}_{\mu} \mapsto \widetilde{e}_{\mu}, \qquad (31a)$$

причем

$$\pi : X \equiv x^{\mu}\vec{e}_{\mu} \mapsto \widetilde{X} \equiv x^{\mu}\widetilde{e}_{\mu}, \qquad (31б)$$

так что координатные величины справа и слева (в X и в $\widetilde{X}$) тождественно совпадают. При этих условиях

$$X \cdot Y = \left[\widetilde{X} \equiv \pi(X)\right] * \left[\widetilde{Y} \equiv \pi(Y)\right], \qquad (31в)$$

что и доказывает: «отображение Паули является изометрией». Наличие изометрии показывает, что пространства M и $\mathbf{\Pi}$ суть различные модели одной и той же алгебро-геометрической структуры. Если выразить последнюю мысль более просто, то в сущности она утверждает, что пространства M и $\mathbf{\Pi}$ ничем принципиально не отличаются друг от друга.

В подобном случае в абстрактной высшей алгебре говорят: алгебро-геометрические структуры M и $\mathbf{\Pi}$ *изоморфны,* их отличие состоит только в способе описания (представления) этой базовой (исходной) структуры. Однако, изменение способа описания структуры весьма существенно с точки зрения выявления некоторых содержательных моментов. Так, например, 4-х мерное пространство Минковского M не позволяет выявить спинорную структуру квантово-релятивистской кинематики. Пространство же Паули $\mathbf{\Pi}$ для этих целей как бы специально и приспособлено.

Реализовав в M базис в виде системы матриц Паули, мы по существу внесли в него дополнительную алгебраическую структуру – структуру алгебры релятивистских кватернионов, которая естественно согласована с метрической структурой пространства M. Из проведенного нами рассмотрения легко усматривается следующая цепочка гомоморфизмов (т.е. структурных соответствий между различными формами представления одной и той же математической структуры):

$$|\vec{x}\rangle \overset{p}{\mapsto} X_{\vec{x}} \overset{\pi}{\mapsto} \widetilde{X}. \qquad (32)$$

Представление квантово-релятивистских состояний движения материальных объектов в физическом вакууме посредством релятивистских кватернионов позволяет приблизиться к осуществлению онтологического синтеза квантовой и релятивистской «сторон» процесса движения объектов в вакууме. Последнее обстоятельство собственно и позволяет построить накрывающий гомоморфизм:

$$\widetilde{\pi} : \widetilde{L} \to L, \qquad (32a)$$

который назовем гомоморфизмом Паули.

Итак, пусть группа $\widetilde{L}$ стандартно действует в Σ. Выясним, какие преобразования она индуцирует в П. С этой целью рассмотрим в П так называемый изотропный конус: $Iso(\prod) \subset \prod$. Это подмногообразие в П определяется условиями

$$Iso\,(\Pi) \equiv \left\{ \widetilde{X} \in \Pi \,\middle|\, \left\| \widetilde{X} \right\|_{\Pi}^{2} = 0 \right\}. \qquad (33)$$

Оказывается, что всякий элемент из этого множества однозначно представляется в виде тензорного произведения двух релятивистских спиноров $\vec{s}$ и $\vec{s}^{*}$, а именно

$$\widetilde{X} = \vec{s} \otimes \vec{s}^{*} \equiv \begin{bmatrix} \zeta^{1} \\ \zeta^{2} \end{bmatrix} \otimes \left[\bar{\zeta}^{1} \;\; \bar{\zeta}^{2} \right] \equiv \begin{Vmatrix} \zeta^{1}\bar{\zeta}^{1} & \zeta^{1}\bar{\zeta}^{2} \\ \zeta^{2}\bar{\zeta}^{1} & \zeta^{2}\bar{\zeta}^{2} \end{Vmatrix} \qquad (33a)$$

При этом (как легко убедится) всякий изо-спинор $\widetilde{X}$ (33*a*) при $\widetilde{\Lambda} : \Sigma \to \Sigma$ *индуцированным* образом *должен* будет преобразовываться по правилу:

$$\widetilde{\pi}\left(\widetilde{\Lambda}\right) : \widetilde{X} \mapsto \widetilde{X}' = \widetilde{\Lambda} \cdot \widetilde{X} \cdot \widetilde{\Lambda}^{*}. \qquad (34)$$

Поскольку все подмножество $Iso(\prod)$ является системой образующих для всего пространства $\prod$, то индуцированный закон преобразования $\widetilde{\pi}\left(\widetilde{\Lambda}\right)$ (34) по «линейности» переносится на все пространство $\prod$. Последний факт означает, что всякое спин-преобразование $\widetilde{\Lambda} \in \widetilde{L}$, канонически действуя в Σ, индуцирует преобразование

$$\widetilde{\pi}\left(\widetilde{\Lambda}\right) : \Pi \to \Pi, \qquad (35)$$

действующее во всем пространстве Паули по правилу (34). Такие преобразования, реализующиеся в пространстве П в соответствии с (34), будем называть индуцированными преобразованиями Паули. Они образуют группу, которую назовем индуцированной группой Паули L_{Π}. Группа L_{Π} изоморфна группе $\widetilde{L}$. С другой стороны, поскольку всякое преобразование $\widetilde{\pi}\left(\widetilde{\Lambda}\right)$ сохраняет в $\prod$ и норму и скалярное произведение, то очевидно, что такие преобразования являются автоморфизмами пространства $\prod$. Поскольку же $M \cong \Pi$, то группа автоморфизмов пространства $\prod$ локально будет изоморфна группе L. Таким образом

$$L \overset{loc}{\cong} L_{\Pi}, \; L_{\Pi} \cong \widetilde{L} \text{ и } L \overset{loc}{\cong} \widetilde{L}, \qquad (35a)$$

т.е. действительно группа $\widetilde{L}$ локально изоморфна группе L! Это очень важное обстоятельство, поскольку из приведенной выше теоремы следует, что если такой изоморфизм существует, то он единственен. Итак, в абстрактно-теоретическом плане, мы доказали, что группа $\widetilde{L}$ действительно является универсальной накрывающей группы L. Ниже мы покажем, что $\widetilde{L}$ накрывает L двукратно.

Соответствие между группами L и $\widetilde{L}$ мы будем называть гомоморфизмом Паули. Построим этот гомоморфизм явным образом. Пусть

$$\widetilde{\pi} : \widetilde{L} \to L \qquad (35a)$$

искомый гомоморфизм Паули.

Из (34) видно, что преобразование $\widetilde{\pi}\left(\widetilde{\Lambda}\right) \in L_{\Pi}$ линейно по координатам $\left\{x^{\mu}\right\}$ $\widetilde{X}$, что дает нам право написать

$$X'^{\mu} = \Lambda^{\mu}_{\nu} X^{\nu}; \; \mu, \nu = 0, 1, 2, 3, \qquad (36)$$

где Λ^{μ}_{ν} – матричные элементы матрицы $\hat{\Lambda} \in L$. В силу функциональной зависимости между $\hat{\Lambda}$ и $\widetilde{\Lambda} \in \widetilde{L}$ ясно, что всякий элемент матрицы $\left\| \Lambda^{\mu}_{\nu} \right\| \equiv \hat{\Lambda}$ должен как-то зависеть от элементов *(a, b, c, d)* матрицы $\widetilde{\Lambda} \equiv \begin{Vmatrix} a & b \\ c & d \end{Vmatrix}$. Найдем эту зависимость $\Lambda^{\mu}_{\nu} = \Lambda^{\mu}_{\nu}(a, b, c, d) = ?$

Так как $X'^{\mu} = \Lambda^{\mu}_{\nu} X^{\nu}$ и

$$\widetilde{X}' = \begin{Vmatrix} (x'^{0} - x'^{3}) & (x'^{1} - ix'^{2}) \\ (x'^{1} + ix'^{2}) & (x'^{0} + x'^{3}) \end{Vmatrix}, \qquad (37)$$

то имеем

$$\widetilde{X}' = \hat{\Lambda}_\nu X^\nu \text{, где } \hat{\Lambda}_\nu \equiv \begin{Vmatrix} \left(\Lambda^0_\nu + \Lambda^3_\nu\right) & \left(\Lambda^1_\nu - i\Lambda^2_\nu\right) \\ \left(\Lambda^1_\nu + i\Lambda^2_\nu\right) & \left(\Lambda^0_\nu - \Lambda^3_\nu\right) \end{Vmatrix}. \quad (38)$$

С другой стороны

$$\widetilde{X}' = \widetilde{\Lambda} \cdot \widetilde{X} \cdot \widetilde{\Lambda}^* = \widetilde{\Lambda}_\nu x^\nu \text{, где } \widetilde{\Lambda}_\nu \cong \widetilde{\Lambda} \cdot \widetilde{e}_\nu \cdot \widetilde{\Lambda}^*. \quad (39)$$

Приравнивая $\hat{\Lambda}_\nu x^\nu$ и $\widetilde{\Lambda}_\nu x^\nu$ из (38) и (39), получаем систему матричных уравнений

$$\hat{\Lambda}_\nu = \widetilde{\Lambda}_\nu \text{; } \nu = 0, 1, 2, 3, \quad (40)$$

разрешая которые относительно Λ^μ_ν, мы и найдем функции $\Lambda^\mu_\nu\left(a, b, c, d\right)$.

Вычисления показывают, что элементы Λ^μ_ν матрицы $\hat{\Lambda}$ представляются в виде билинейных эрмитовых форм от векторов $\vec{\lambda}$ и $\vec{\lambda}^*$ из (22)

$$\Lambda^\mu_\nu = \frac{1}{2}\vec{\lambda}^* \cdot \hat{\lambda}^\mu_\nu \cdot \vec{\lambda}. \quad (41)$$

В (41) $\hat{\lambda}^\mu_\nu$ – суть структурные матрицы, определяющие гомоморфизм Паули. Эти матрицы вычисляются по следующему правилу

$$\hat{\lambda}^\mu_\nu \equiv \widetilde{e}^\mu \overset{c}{\otimes} \overline{e}_\nu, \quad (42)$$

где символом $\overset{c}{\otimes}$ обозначено кронекеровское произведение базисных матриц, определяемых условиями

$$\widetilde{e}^\mu \equiv \widetilde{e}_\mu, \ \overline{e}_\nu \equiv \overline{\left(\widetilde{e}_\nu\right)}. \quad (43)$$

Для пояснения определенных выше правил вычисления Λ^μ_ν, вычислим матричный элемент Λ^1_3 как функцию элементов *(a, b, c, d)*

$$\Lambda^1_3 = \frac{1}{2}\vec{\lambda}^* \cdot \hat{\lambda}^1_3 \cdot \vec{\lambda} \quad (41a),$$

где

$$\hat{\lambda}^1_3 = \widetilde{e}^1 \overset{c}{\otimes} \overline{e}_3 = \begin{Vmatrix} 0 & 1 \\ 1 & 0 \end{Vmatrix} \overset{c}{\otimes} \begin{Vmatrix} 1 & 0 \\ 0 & -1 \end{Vmatrix} = \left\Vert \begin{array}{cc|cc} 0 & 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & -1 \\ \hline 1 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & -1 & 0 & 0 \end{array} \right\Vert, \quad (44)$$

Естественно, что все матрицы $\hat{\lambda}^\mu_\nu$ имеют размер 4×4. Эти матрицы и становятся «метрическими тензорами» соответствующих эрмитовых форм

$$\Lambda^1_3 = \frac{1}{2}\vec{\lambda}^* \cdot \hat{\lambda}^1_3 \cdot \vec{\lambda} = \frac{1}{2}\left(a\overline{c} - b\overline{d} + c\overline{a} - d\overline{b}\right). \quad (45)$$

Аналогичным образом вычисляются все остальные элементы матриц $\hat{\Lambda} = \left\Vert \Lambda^\mu_\nu \right\Vert$, где Λ^μ_ν рассматриваются как функции матричных элементов соответствующей матрицы $\widetilde{\Lambda} \equiv \begin{Vmatrix} a & b \\ c & d \end{Vmatrix}$

$$\widetilde{\pi} : \widetilde{\Lambda} \mapsto \hat{\Lambda}\left(a, b, c, d\right). \quad (46)$$

Обратим внимание на то, что именно формулы (41) и (42) определяют гомоморфизм Паули в явном виде. Используя эти формулы можно определить все матричные элементы Λ^μ_ν $\left(\mu, \nu = 0, 1, 2, 3\right)$, как функции комплексных параметров *(a,b,c,d)*. Результаты таких вычислений приведены в таблице.

Поскольку $\widetilde{\Lambda}$ по отношению к соответствующей $\hat{\Lambda}\left(\widetilde{\Lambda}\right)$ из (41) является как бы «корнем квадратным» из $\hat{\Lambda}$, то легко видеть, что $\widetilde{L}$ накрывает L двукратно, т.е. $Ker\ \left(\widetilde{\pi}\right) = \left\{+\hat{I}_2, -\hat{I}_2\right\}$ является дискретной группой второго порядка, содержащей лишь два элемента $+\hat{I}_2$ и $-\hat{I}_2$.

Итак, гомоморфизм Паули $\widetilde{\pi} : \widetilde{L} \to L$ позволяет явно для всякой $\widetilde{\Lambda} \in \widetilde{L}$ (по правилам (41) и (42))

Таблица

Структурная таблица, представляющая действие гомоморфизма Паули $\widetilde{\pi} : \widetilde{\Lambda} \mapsto \hat{\Lambda}\left(\widetilde{\Lambda}\right)$

$$\lambda \equiv \left\langle \lambda_1, \lambda_2, \lambda_3, \lambda_4 \right\rangle; \quad \lambda_1 \equiv a, \quad \lambda_2 \equiv b, \quad \lambda_3 \equiv c, \quad \lambda_4 \equiv d.$$

$$\hat{\Lambda}\left(\widetilde{\Lambda}\right) = \frac{1}{2}\hat{B}\left(\vec{\lambda}\right); \quad \mu, \nu = 0, 1, 2, 3; \quad \widetilde{\Lambda}\left(\vec{\lambda}\right) = \begin{Vmatrix} \lambda_1 & \lambda_2 \\ \lambda_3 & \lambda_4 \end{Vmatrix}$$

$\nu \rightarrow$, $\mu \downarrow$

$$\hat{B}\left(\vec{\lambda}\right) = \begin{array}{|c|c|c|c|} \hline \lambda_1\overline{\lambda}_1 + \lambda_2\overline{\lambda}_2 + \lambda_3\overline{\lambda}_3 + \lambda_4\overline{\lambda}_4 & \lambda_1\overline{\lambda}_2 + \lambda_2\overline{\lambda}_1 + \lambda_3\overline{\lambda}_4 + \lambda_4\overline{\lambda}_3 & i\left(\lambda_1\overline{\lambda}_2 - \lambda_2\overline{\lambda}_1 + \lambda_3\overline{\lambda}_4 - \lambda_4\overline{\lambda}_3\right) & \lambda_1\overline{\lambda}_1 - \lambda_2\overline{\lambda}_2 + \lambda_3\overline{\lambda}_3 - \lambda_4\overline{\lambda}_4 \\ \hline \lambda_1\overline{\lambda}_3 + \lambda_2\overline{\lambda}_4 + \lambda_3\overline{\lambda}_1 + \lambda_4\overline{\lambda}_2 & \lambda_1\overline{\lambda}_4 + \lambda_2\overline{\lambda}_3 + \lambda_3\overline{\lambda}_2 + \lambda_4\overline{\lambda}_1 & i\left(\lambda_1\overline{\lambda}_4 - \lambda_2\overline{\lambda}_3 + \lambda_3\overline{\lambda}_2 - \lambda_4\overline{\lambda}_1\right) & \lambda_1\overline{\lambda}_3 - \lambda_2\overline{\lambda}_4 + \lambda_3\overline{\lambda}_1 - \lambda_4\overline{\lambda}_2 \\ \hline i\left(-\lambda_1\overline{\lambda}_3 - \lambda_2\overline{\lambda}_4 + \lambda_3\overline{\lambda}_1 + \lambda_4\overline{\lambda}_2\right) & i\left(-\lambda_1\overline{\lambda}_4 - \lambda_2\overline{\lambda}_3 + \lambda_3\overline{\lambda}_2 + \lambda_4\overline{\lambda}_1\right) & \lambda_1\overline{\lambda}_4 - \lambda_2\overline{\lambda}_3 - \lambda_3\overline{\lambda}_2 + \lambda_4\overline{\lambda}_1 & i\left(-\lambda_1\overline{\lambda}_3 + \lambda_2\overline{\lambda}_4 + \lambda_3\overline{\lambda}_1 - \lambda_4\overline{\lambda}_2\right) \\ \hline \lambda_1\overline{\lambda}_1 + \lambda_2\overline{\lambda}_2 - \lambda_3\overline{\lambda}_3 - \lambda_4\overline{\lambda}_4 & \lambda_1\overline{\lambda}_2 + \lambda_2\overline{\lambda}_1 - \lambda_3\overline{\lambda}_4 - \lambda_4\overline{\lambda}_3 & i\left(\lambda_1\overline{\lambda}_2 - \lambda_2\overline{\lambda}_1 - \lambda_3\overline{\lambda}_4 + \lambda_4\overline{\lambda}_3\right) & \lambda_1\overline{\lambda}_1 - \lambda_2\overline{\lambda}_2 - \lambda_3\overline{\lambda}_3 + \lambda_4\overline{\lambda}_4 \\ \hline \end{array}$$

построить $\hat{\Lambda} = \tilde{\pi}(\tilde{\Lambda})$. Интересно получить правило, которое для всякой $\hat{\Lambda} \in L$ позволяло бы найти ей соответствующую $\tilde{\Lambda} = \tilde{\pi}^{-1}(\hat{\Lambda})$.

Подобная задача оказывается намного более сложной, чем построение $\hat{\Lambda} = \tilde{\pi}(\tilde{\Lambda})$. Однако здесь имеется одна возможность, которая позволяет разрешить и обратную задачу спинорного представления. Любое преобразование Лоренца $\hat{\Lambda} : M \to M$ всегда однозначно можно разложить в произведение «чистого» буста $\hat{B}$ и «чистой» ротации $\hat{R}$, т.е.

$$\hat{\Lambda} = \hat{B} \cdot \hat{R}. \tag{47}$$

Оказывается, что соответствие Паули

$$\tilde{\pi} : \tilde{L} \to L \tag{48}$$

прослеживается для бустов и ротаций в «ту» и «другую» стороны конструктивно и однозначно.

Используя формулу (18) для представления любой эрмитовой матрицы, можно показать [3, с. 117], что всякий буст в спинорном представлении будет выражаться следующим релятивистским кватернионом (49) где $\vec{V} \equiv V \cdot \vec{n}$; $\vec{n} = n_x \cdot \vec{i} + n_y \cdot \vec{j} + n_z \cdot \vec{k}$, а $r \equiv 1/\sqrt{1-V^2}$, $\alpha \equiv \sqrt{1+V}$, $\beta \equiv \sqrt{1-V}$. Подстановка элементов спин-матрицы (49) в формулы, представленные таблицей, позволяет восстановить буст-матрицу (11), представляющую *boost*-преобразование в мировом представлении, по элементам буст-матрицы (49)

Аналогичные действия позволяют для любой «чистой» ротации $\hat{R}(\varphi, \vec{n}) \in Rot$ построить ее спинорное представление $\tilde{R}(\varphi, \vec{n}) \in SL(2, C)$. Здесь $\vec{\varphi} = \varphi \cdot \vec{n}$ параметр *rot*–преобразования: $\vec{n}$ – направление оси около которой совершается вращение, а φ - угол, на который совершается поворот (50).

Любая ротация (т.е. пространственное вращение) в спинорном представлении по отношению к фиксированному базису реализуется унитарным гамильтоновым кватернионом типа (50).

В линейной алгебре доказывается [4, с. 372], что любая спин-матрица $\tilde{\Lambda} \in SL(2, C) \equiv \tilde{L}$ однозначно разлагается в произведение эрмитовой матрицы (релятивистский кватернион) $\tilde{B}$ с $\det \tilde{B} = 1$ и унитарной матрицы (гамильтонов кватернион) $\tilde{R} \in SU(2)$, так что для всякой $\tilde{\Lambda} \in \tilde{L}$ имеет место разложение

$$\tilde{\Lambda} = \tilde{B} \cdot \tilde{R}, \tag{51}$$

что и заканчивает построение обратного отображения $\tilde{\pi}^{-1} : L \to \tilde{L}$.

Итак, мы построили цепочку соответствий (гомоморфизмов) $Boost \xrightarrow{p} Lor \xrightarrow{\tilde{\pi}} SL(2, C)$, которая позволяет связать релятивистский закон преобразования скоростей (1) со спинорной структурой физического вакуума.

Спинорное представление релятивистской кинематики позволяет установить онтологическую связь и зависимость релятивистской и квантовой граней единой квантово-релятивистской физической реальности. В частности, из этого синтеза естественным образом возникает теоретический конструкт, который называют «волной де Бройля». Это глубокая и далеко идущая тема, но выходящая за рамки этой статьи.

Примечания

[1] Буст от английского *boost*, что означает прибавление (движения), разгонка, ускорение.

[2] По поводу различных аспектов проективной геометрии, а также введения однородных проективных координат см., например [2].

[3] Далее будем использовать так называемые безразмерные скорости, которые получаются из обычных скоростей путем деление последних на релятивистскую постоянную *C*.

$$\tilde{B}(V, \vec{n}) = (\pm 1) \cdot \frac{\sqrt{r}}{2} \cdot \left\| \begin{array}{c|c} [(\alpha+\beta)+(\alpha-\beta)n_z] & (\alpha-\beta)(n_x - in_y) \\ \hline (\alpha-\beta)(n_x + in_y) & [(\alpha+\beta)-(\alpha-\beta)n_z] \end{array} \right\| \tag{49}$$

$$\tilde{R}(\varphi, \vec{n}) = (\pm 1) \cdot \left\| \begin{array}{c|c} \left[\cos\frac{\varphi}{2} + i \cdot \sin\frac{\varphi}{2} \cdot n_z\right] & -\sin\frac{\varphi}{2} \cdot (n_y - in_x) \\ \hline \sin\frac{\varphi}{2} \cdot (n_y + in_x) & \left[\cos\frac{\varphi}{2} - i \cdot \sin\frac{\varphi}{2} \cdot n_z\right] \end{array} \right\| \tag{50}$$

Библиографический список

1. *Пухов Н.М., Марков В.Н., Исаев П.П.* Закон движения релятивистских частиц как следствие проявления и действия фундаментальных физических симметрий вакуума // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.

2. *Берже М.* Геометрия. Т. 1. – М.: Мир, 1984.

3. *Боголюбов Н.Н., Логунов А.А., Оксак А.И., Тодоров И.Т.* Общие принципы квантовой теории поля. – М.: Наука, 1987.

4. *Постников М.М.* Линейная алгебра. – М.: Наука, 1986.

В.С. Секованов, В.С. Забара

О ВЫЧИСЛЕНИИ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КОНСТАНТЫ ФЕЙГЕНБАУМА МЕТОДОМ НЬЮТОНА

Преамбула. *В данной статье рассматривается алгоритм Ньютона для нахождения универсальной константы Фейгенбаума и результат сравнивается с вычислением данной константы по алгоритму, связанному с символической динамикой.*

Как правило известны две универсальные константы. Это число π, равное отношению длины окружности к диаметру и число *e*, являющееся пределом последовательности: $\left\{\left(1+\frac{1}{n}\right)^n\right\}_{n=1}^{\infty}$. Однако существуют и другие замечательные константы. Одна из них была открыта в 1978 году Митчеллом Фейгенбаумом.

Опишем алгоритм ее вычисления с помощью метода Ньютона. Альтернативный алгоритм нахождения данной константы изложен в [2].

Пусть мы имеем функцию $u=f(x,y)$. Причем каждая из переменных x,y в свою очередь является функцией от переменной t на некотором промежутке: $x=\varphi(t)$, $y=\phi(t)$. Если непрерывны частные производные u'_x, u'_y, и x'_t, y'_t существуют, то существует и производная сложной функции $f(\varphi(t),\phi(t))$, которая вычисляется по формуле:

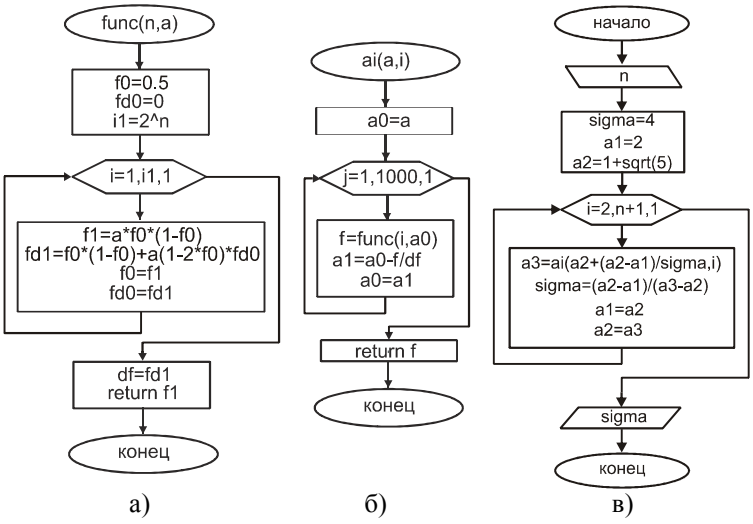
$$\frac{du}{dt}=\frac{\partial u}{\partial x}\cdot\frac{dx}{dt}+\frac{\partial u}{\partial y}\cdot\frac{dy}{dt} \qquad (1)$$

Рассмотрим отображение $f(x,a)=a\cdot x\cdot(1-x)$, $a\in(0;4]$, где переменная x является функцией от a: $x=x(a)$. По формуле (1) имеем:

$$\frac{df}{da}=\frac{\partial f}{\partial x}\cdot\frac{dx}{da}+\frac{\partial f}{\partial a}\cdot\frac{da}{da}=\frac{\partial f}{\partial x}\cdot\frac{dx}{da}+\frac{\partial f}{\partial a}.$$

То есть $\frac{df}{da}=a\cdot(1-2\cdot x)\cdot x'_a+x\cdot(1-x)$.

При нахождении универсальной константы Фейгенбаума нас будут интересовать сверхустойчивые орбиты периода 2^n, n=0, 1, 2, ...



а) б) в)

Рис.

© В.С. Секованов, В.С. Забара, 2006

То есть при значениях параметров $a=A_n$ мы имеем $f^{(2^n)}(A_n, x_0) = x_0$, где $x_0=\frac{1}{2}$ – абсцисса вершины параболы $f(x,a)=f(x,a)=a\cdot x\cdot(1-x)$, $a\in(0;4]$. Согласно формуле Ньютона

$$A_{n+1} = A_n - \frac{f^{(2^n)}(A_n, x_0) - x_0}{\left(f^{(2^n)}(A_n, x_0)\right)'}.$$

Как оказалось, существует предел $\delta = \lim_{n\to\infty} \frac{A_n - A_{n-1}}{A_{n+1} - A_n}$ для достаточно широкого класса так называемых унимодальных отображений. Причем для каждого такого отображения δ=4,669201...

Приведенные на рисунке блок-схемы поясняют работу трех модулей:

а) находятся 2^n-ные итерации функции и ее производной; задаем начальное значение для функции и производной; начальное значение функции равно x_0, начальное значение производной всегда равно 0, поскольку орбита сверхустойчивая; далее идет цикл от 1 до 2^n, для нахождения соответствующих значений функции и ее производной. Затем возвращается результат; значение производной сохраняется в глобальную переменную;

б) по формуле $A_{n+1} = A_n - \frac{f^{(2^n)}(A_n, x_0) - x_0}{\left(f^{(2^n)}(A_n, x_0)\right)'}$ вычисляются методом итераций Ньютона значения $A_n(n=1,2,\ldots,)$, используя начальное приближение A_0; нахождение A_n происходит в результате проведения 1000 итераций; далее возвращаем значение функции;

в) тело программы; вводим n, затем задаем начальное приближение δ, значения a для циклов периода 1 и 2 ($i=0$ и 1 соответственно); начиная с цикла периода 4 до цикла периода 2^{n+1}, вычисляем δ; формула $a_3 \approx a_2+(a_2-a_1)/sigma$ взята из [1]. Простая паскаль-программа, реализующая данный алгоритм, дает достаточно точные значения δ, приведенные в таблице 1.

```
{$N+}
uses crt;
var df:extended;n:integer;
{-----------------------------------------------------}
function func(a:extended;i:integer):extended;
var j:integer;i1:longint;f0,f1,fd0,fd1:extended;
begin
 i1:=1;
 for j:=1 to i do
 i1:=i1*2;
 f0:=0.5;
 fd0:=0;
 for j:=1 to i1 do begin
 f1:=a*f0-a*f0*f0;
 fd1:=a*fd0+f0-f0*f0-2*a*f0*fd0;
 f0:=f1;
 fd0:=fd1;
 end;
 df:=fd1;
 func:=f1;
end;
{-----------------------------------------------------}
function ai(a0:extended;i:integer):extended;
var a1,f:extended; j:integer;
begin
 for j:=1 to 1000 do begin
 f:=func(a0,i);
 a0:=a0-(f-0.5)/df;
 end;
```

Таблица 1

P	A	δ
4	3,498561699327702	4,708943013540503
8	3,554640862768825	4,680770998010695
16	3,566667379856269	4,662959611114103
32	3,569243531637110	4,668403925918401
64	3,569795293749945	4,668953740967621
128	3,569913465422349	4,669157181328751
256	3,569938774233305	4,669191002485832
512	3,569944194608065	4,669199470549194
1024	3,569945355486469	4,669201134582508
2048	3,569945604111078	4,669201509495784
4096	3,569945657358857	4,669201587461211

Таблица 2

f(a, x)	f'(a, x)	A_0	A_1	x_0
$1-ax^2$	$-x^2-2axx'$	0	1	0
$ax(1-x)$	$ax'(1-2x)+x(1-x)$	2	$1+\sqrt{5}$	0,5
$a\sin(\pi x)$	$\sin(\pi x)+a\pi\cos(\pi x)x'$	0,5	0,777733766	0,5
$a-x^2$	$1-2xx'$	0	1	0
$a+x^2$	$1+2xx'$	0	1	0

```
 ai:=a0;
end;
{-----------------------------------------------------}
var a1,a2,a3,sigma:extended;
 i:integer;
begin
 clrscr;
 readln(n);
 sigma:=4;
 a1:=2;
 a2:=1+sqrt(5);
 for i:=2 to n+1 do
 begin
 a3:=ai(a2+(a2-a1)/sigma,i);
 sigma:=(a2-a1)/(a3-a2);
 writeln(sigma:18:15, a3:18:15);
 a1:=a2;
 a2:=a3;
 end;
 readln;
end.
```

Значения δ, вычисленные по выше приведенной программе, совпадают с соответствующими значениями полученными в [2].

Приводим таблицу 2, где размещены функции, их производные и значения A_0 и A_1, с помощью которых вычисляются по выше приведенной программе значения $A_n(n=2,3,...)$.

Библиографический список

1. *Кроновер Р.* Фракталы и хаос в динамических системах. – М.: Постмаркет, 2000. – 352 с.

2. *Секованов В.С.* Методическая система формирования креативности студента университета в процессе обучения фрактальной геометрии. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. 2006. – 279 с.

И.Г. Криницын, Г.О. Османова

НЕКОТОРЫЕ МОРФОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСОБЕЙ *PLANTAGO LANCEOLATA* L. В ДВУХ ЛУГОВЫХ ПОПУЛЯЦИЯХ В ОКРЕСТНОСТЯХ Г. ЙОШКАР-ОЛЫ

В настоящее время проблема сохранения биоразнообразия является одной из актуальных. Для ее решения необходимо изучение адаптационных процессов на разных уровнях организации – от организменного до ценотического. В связи с этим для знания биологии конкретного вида растения необходимы комплексные исследования: – выявление анатомических, эколого-морфологических и физиологических особенностей, исследование структуры ценопопуляций и т.д.

Объектом исследования является один из пластичных видов рода *Plantago* L., короткокорневищный травянистый поликарпик – подорожник ланцетолистный (*Plantago lanceolata* L.). В Республике Марий Эл *P. lanceolata* встречается по всей территории, в светлых разреженных лесах, на полянах, лугах, по краям полей, на пустырях [Абрамов, 1995].

Цель работы – изучить некоторые морфофизиологические особенности особей *P. lanceolata*, произрастающих на лугах с разным хозяйственным использованием.

Материал и методы

Сбор материала проводили в природных ценопопуляциях (ЦП) луговых фитоценозов Республики Марий Эл. Для исследования было выбрано два луга с разным хозяйственным использованием: луг с нерегулярным сенокошением близ Сосновой рощи (ЦП 1) и луг сенокосного и пастбищного использования близ Дубовой рощи (ЦП 2). В каждой ЦП произвольным методом было заложено по 10 площадок размером 50x50 см. Растения *P. lanceolata* с площадок выкапывали, а в лабораторных условиях определяли онтогенетические состояния особей [Жукова,

© И.Г. Криницын, Г.О. Османова, 2006

Османова, 1997]. По количественным признакам (высота растений, длина листьев, длина и ширина листовой пластинки, количество генеративных побегов, длина колоса) проводили сравнительно-морфологический анализ особей *P. lanceolata*. Определение биомассы листьев и подземных органов *P. lanceolata* проводили с использованием электронных весов «HL–100». Рассчитывали среднюю биомассу листьев и подземных органов на одну особь, а также содержание макроэлементов (фосфора и азота) в биомассе каждой онтогенетической группы и каждой ЦП.

Определение содержания общего азота и фосфора в листьях *P. lanceolata* проводили методом сухого озоления. С этой целью нами были взяты сухие растительные образцы разных онтогенетических состояний. Из ЦП 1 – растения молодых генеративных (g1), старых генеративных (g3), субсенильных (ss) состояний, а из ЦП 2 – виргинильных (v), g1, зрелых генеративных (g2) и g3 состояний. К сожалению, использовать для опыта растения других онтогенетических состояний не представлялось возможным, в виду отсутствия достаточного количества особей необходимой повторности. Определение общего фосфора проводили по «синему» фосфорно-молибденовому комплексу, а общего азота с помощью реактива Неслера [Воскресенская, Грошева, 1994]. В качестве эталонов использовали стандартные образцы растительных материалов злаковой травосмеси СБМТ–01 [Свидетельство №1485, 1978].

В качестве интегральных характеристик структуры популяций использовали следующие демографические показатели: плотность ЦП; индекс возрастности (Δ) А.А. Уранова [1975]; индекс восстановления Л.А. Жуковой [1985]; среднюю эффективность популяции (ω) [Животовский, 2001]. Тип ЦП определяли, используя классификации Т.А. Работнова [1950], А.А. Уранова и О.В. Смирновой [1969] и классификацию «дельта-омега» Л.А. Животовского [2001]. Оценку местообитаний *P. lanceolata* проводили по экологическим шкалам Л.Г. Раменского с соавт. [Раменский и др., 1956] с использованием программного комплекса «ECOSCALE» [Комаров и др., 1991].

В работе использовали стандартные статистические характеристики: среднее арифметическое, ошибка среднего арифметического, минимальные и максимальные значения в выборке, однофакторный дисперсионный анализ [Биометрия. …, 1982]. В работе принят уровень значимости 0, 05.

Результаты

Оценка местообитаний исследуемых ценопопуляций *P. lanceolata* в Сосновой и Дубовой рощах по четырем экологическим шкалам Л.Г. Раменского с соавт. [1956] – шкале увлажнения (FE), переменности увлажнения (VF), шкале почвенного богатства и засоленности (NS) и пастбищной дигрессии (PD) показала, что по шкале увлажнения местообитания приурочены к широкому диапазону водообеспечения от сухо, свеже-лугового до влажно-лугового, имеют переменно обеспеченное и умеренно переменное увлажнение. По шкале активного богатства почвы и засолённости в изученных местообитаниях *P. lanceolata* имеет тенденцию к более высокому почвенному богатству. Исследуемые местообитания подорожника ланцетолистного в Сосновой и Дубовой рощах испытывают слабое (ЦП 1) и сильное (ЦП 2) влияние выпаса. Экологические пространства местообитаний обследованных в Республике Марий Эл ЦП *P. lanceolata* полностью укладываются в диапазоны экологического ареала этого вида по шкалам Л.Г. Раменского с соавт. [1956].

Растения по-разному реагируют на сенокошение и вытаптывание. Наиболее чувствительным к механическому давлению является *P. lanceolata*, а более устойчивыми видами – *P. media* и *P. major* [Blom, Husson, Westhoff, 1979].

Между биологическими особенностями растений и явлением отавности существует определенная взаимосвязь. На процесс формирования новых розеточных побегов оказывают влияние сроки скашивания, высота отчуждения (линия среза), сохранение фотосинтетической поверхности, изменение запаса питательных веществ в течение вегетационного периода. Степень развития корневой системы материнского растения имеет большое значение в развитии дочерних розеточных побегов. Многократное скашивание, в свою очередь, оказывает отрицательное влияние на состояние подземных органов, лишая их запаса пластичных веществ и ограничивая их рост. Поэтому для понимания природы растительного организма необходимо учитывать не только степень развития надземных органов, но и подземных. Отрастание отавы способствует продолжительности вегетации растений при регулярном скашивании. Короткокорневищные растения по-разному реагируют на отчуждение надземной массы. У некоторых видов при скашивание новые розеточные побеги

не формируются. Побеги, образовавшиеся в основании засохшего материнского побега, осенью подсыхают и дальнейшего развития не получают. Побеги, развернувшиеся из верхушечных почек корневищ, способны продолжать свой рост весной. У некоторых растений на оставшемся побеге после покоса сохраняются зеленые листья. Иногда из пазушных почек образуются небольшие вегетативные побеги. Подсыхание цветоносных побегов к периоду сенокошения не оказывает стимулирующего влияния на образование новых побегов. Отрастание новых побегов может идти за счет почек на сохранившихся после скашивания остатках вегетативных побегов или только за счет почек возобновления. При развертывании побегов из почек зоны кущения или образуются удлиненные вегетативные и цветоносные побеги, отмирающие к концу вегетативного периода, или – укороченные вегетативные побеги, способные продолжать свое развитие следующей весной. При сенокошении вследствие удаления генеративных побегов все питательные вещества идут на отрастание новых побегов, которые развиваются из пазушных почек на сохранившихся от покоса остатках вегетативных побегов или почек возобновления, расположенных в основании побега. В том случае, если срез прошел очень низко (2–3 см), отрастание идет, главным образом, за счет почек возобновления. Сенокошение в конце цветения – в начале плодоношения стимулирует в основном преждевременное раскрытие почек возобновления.

Сравнительно-морфологический анализ особей *P. lanceolata* из ЦП 1 и ЦП 2 выявил отличия в морфологической структуре вегетативных и генеративных органов растений. Луг в Сосновой роще (ЦП 1) подвергается нерегулярному сенокошению, поэтому высота травостоя варьирует от 30 до 50 см., а местами достигает до 70 см. (проективное покрытие – 100%). На этом лугу особи *P. lanceolata* – однорозеточные. Листья в розеточном побеге располагаются вертикально, что вполне подтверждается данными полученными голландскими исследователями [Plantago. …, 1992]. Длина листовой пластинки составляет от 10,26±0,12 до 23,53±0,32 см., а максимальная ширина листовой достигала 3,15±0,69 см. Количество листьев у особей подорожника ланцетолистного в ЦП 1 – от 3,0±0,08 до 5,87±0,82. Высота генеративных побегов варьирует от 15,88±1,92 до 34,99± 1,69 см, колос имеет четко выраженную цилиндрическую форму. Так как луг скашивается нерегулярно и не используется в качестве пастбища, то и рост почек возобновления происходит медленно, по-видимому, этим и объясняется отсутствие в этой ценопопуляции многорозеточных особей *P. lanceolata*.

Участок в Дубовой роще весной заливается талыми водами, а летом – используется в качестве сенокоса и пастбища. В связи с этим, высота травостоя на этом участке невелика и составляет от 10 до 30 см, а проективное покрытие – до 80 %. В травостое доминируют короткокорневищные и кистекорневые травянистые поликарпики, большинство из них имеют розеточный тип побега (*Alchemilla* sp., *Leontodon autumnalis* L., *Filipendula ulmaria* (L.) Maxim., *Geum rivale* L., *G. urbanum* L., *Ranunculus acris* L., *R. auricomus* L. и др.). Кроме *P. lanceolata* здесь произрастает *P. media* L. и единично встречается *P. major* L.. Заносу семян *P. major* на луг, скорее всего, способствует выпасаемый там крупный рогатый скот. Висследуемой ЦП особи *P. lanceolata* характеризуются низкорослостью. Листья в розеточном побеге мелкие и узкие, плотно прижаты к земле. Длина листовой пластинки варьирует от 5,2±0,03 до 10,54±0,72см., а ширина – от 0,52±0,04 до 1,66±0,10 см. Генеративные растения подорожника ланцетолистного имеют небольшое количество генеративных побегов. Длина стрелок не превышает 8–12 см. Форма колоса варьирует от почти шаровидной до цилиндрической, а его длина – от 0,81±0,02 до 1,58±0,11 см. Регулярное сенокошение один-два раза в год и использование этого луга в качестве пастбища, стимулирует рост почек возобновления, а это, в свою очередь, приводит к формированию многорозеточных растений.

Хозяйственная деятельность человека, а так же интенсивное использование лугов в качестве пастбища сказывается не только на размерных признаках растений, но отражается и на биомассе растений как надземной, так и подземной. У особей *P. lanceolata* разных онтогенетических состояний в ЦП 1 и 2 нами определена биомасса листьев и подземных органов. Средняя биомасса листьев *P. lanceolata* на одну особь в ЦП 1 выше у старых генеративных особей (рис. 1), а в ЦП 2 – у листьев виргинильных растений и составляет 0,65 и 0,61 гр., соответственно (рис. 2). Биомасса подземных органов у *P. lanceolata* в этих же состояниях имеет максимальные значения. Средняя биомасса листьев (на одну особь) и подземных органов у молодых генеративных растений *P. lanceolata* имеет низкие значения (0,2 и 0,3 гр.). Количество зрелых генеративных растений

P. lanceolata в ЦП 2 была представлена небольшим количеством особей, однако, средняя биомасса на одну особь достаточно велика, по сравнению с другими онтогенетическими группами и составляет 1,55 гр. Средняя биомасса листьев и подземных органов на онтогенетическую группу выше у g3 особей *P. lanceolata* в ЦП 1. По-видимому, это можно объяснить крупными размерами растений в этом местообитании (рис. 3). В ценопопуляции 2 (Дубовая роща) максимальное значение биомассы листьев на онтогенетическую группу приходится на g1 растения, а под-

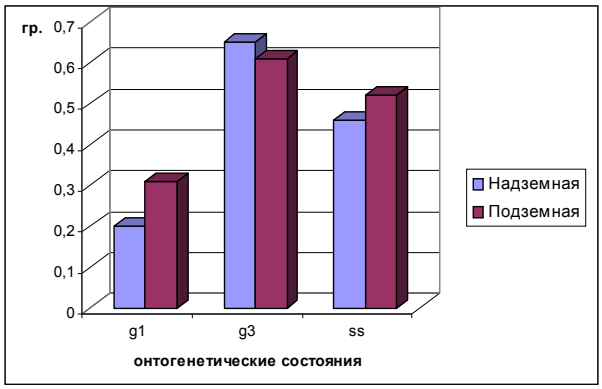


Рис. 1. Средняя биомасса листьев и подземных органов *P. lanceolata* на одну особь в ценопопуляции 1

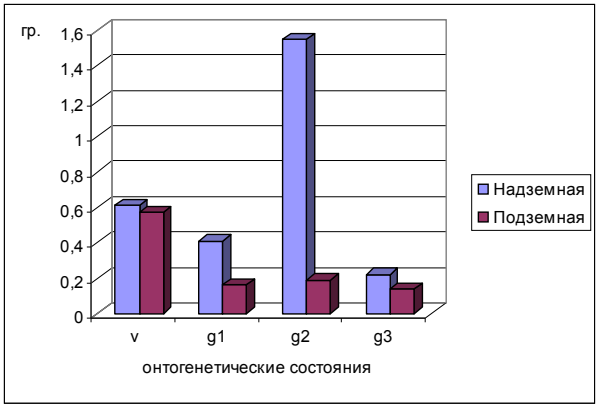


Рис. 2. Средняя биомасса листьев и подземных органов *P. lanceolata* на одну особь в ценопопуляции 2

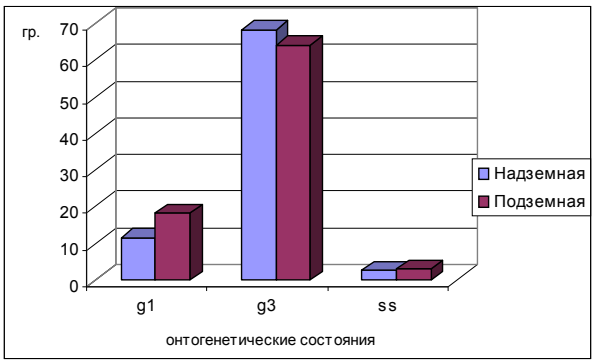


Рис. 3. Средняя биомасса листьев и подземных органов *P. lanceolata* на онтогенетическую группу в ценопопуляции 1

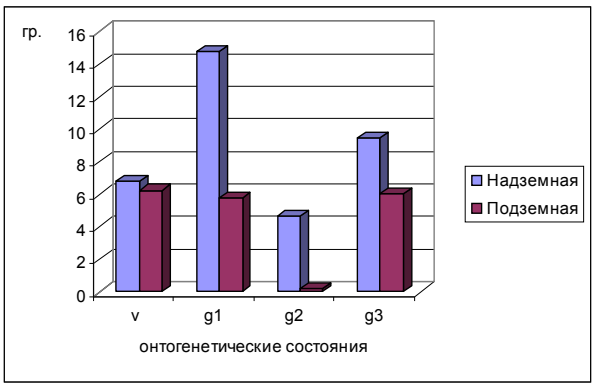


Рис. 4. Средняя биомасса листьев и подземных органов *P. lanceolata* на онтогенетическую группу в ценопопуляции 2

земных органов – на растения *P. lanceolata* виргинильного онтогенетического состояния (рис. 4).

Весьма актуальным является анализ содержания химических элементов не только на разных уровнях организации живой материи – отдельных органах и особях, но и у разных онтогенетических групп и ценопопуляций конкретных видов в различных экологических условиях. Для конкретного биогеоценоза немаловажное значение имеет общее накопление фитомассы и химических элементов в каждой онтогенетической группе и ценопопуляции в целом.

Нами определено содержание фосфора и азота в листьях особей *P. lanceolata* в пересчете на онтогенетическую группу в ЦП 1 и 2. По полученным результатам видно, что содержание фосфора и азота у особей *P. lanceolata* в ЦП 1 наиболее высокое в старом генеративном состоянии, на их долю приходится 64,16 мг и 673,63 мг, соответственно. Наименьшие значения содержания этих минеральных элементов в ЦП 1 (Сосновая роща) в субсенильном онтогенетическом состоянии (P – 1,63 мг, N – 18,34 мг). В ЦП 2 (Дубовая роща) у молодых генеративных растений *P. lanceolata* по сравнению с особями средневозрастного генеративного состояния содержание фосфора и азота тоже было высоким. Молодые генеративные особи *P. lanceolata* в ЦП 2 характеризовались большим содержанием фосфора (8,41 мг), а в ЦП 1 оно ниже и составляет 6,73 мг. Содержание этого элемента у особей в старом генеративном состоянии наиболее высокое в ЦП 1 (64,16 мг), а в ЦП 2 – 6,15 мг. Максимальное содержание азота у особей *P. lanceolata* в ЦП 1 наблюдалось у старых генеративных растений и составило 673,63 мг, а в ЦП 2 у растений в этом же состоянии ниже (61,87 мг). Накопление фитомассы ЦП *P. lanceolata*, по-видимому, определяется как экзогенными (содержанием биогенных элементов в почве), так и эндогенными факторами – плотностью и этапом развития ценопопуляций.

Ценопопуляция *P. lanceolata* на суходольном лугу в Сосновой роще (ЦП 1) является полночленной нормальной. В спектре доминирует группа особей в g3 состоянии (48,6%). Доля участия g1 растений, по сравнению с другими онтогенетическими группами, тоже высока и составляет 26,5%. В целом, в этой ЦП, преобладают особи генеративного периода, что составляет 86,5%. Индекс восстановления низкий – 10,2. Поскольку максимум в возрастном спектре приходится на g3 растения, то по классификации нормальных популяций А.А. Уранова и О.В. Смирновой [1969], данная ЦП является старой. Хотя по полученному значению коэффициента возрастности (0,529) ЦП 1 в Сосновой роще правомерно назвать зрелой (рис. 5). Однако существующая в популяционной биологии классификация нормальных ЦП, позволяет разграничить ЦП лишь с одним максимумом [Работнов, 1950 а; Рысин, Рысина, 1966; Жукова, 1967 а, б; 1968; Уранов, Смирнова, 1969; Рысин, Казанцева, 1975; Ценопопуляции растений…, 1976; Жукова, 1981], но в ЦП с небольшой выборкой этот максимум может быть смещён. Кроме того, нередко встречаются возрастные спектры с двумя максимумами, поэтому нами была использована классификация «дельта-омега» [Животовский, 2001], основанная на совместном использовании индекса возрастности (Δ) А.А. Уранова [1975] и средней эффективности (ω). Согласно этой классификации ЦП *P. lanceolata* в Сосновой роще является зрелой (Δ=0,529; ω=0,71).

Ценопопуляция *P. lanceolata* в Дубовой роще (ЦП 2) также является нормальной, но неполночленной, так как отсутствуют ювенильные особи. В спектре доминирует группа старых генеративных растений (рис. 5). Значение индекса восстановления в ЦП 2 выше, чем в ЦП 1 и составляют 17,0 и 15,0, соответственно. Индекс возрастности А.А. Уранова [1975] равен 0,505. Судя по доминированию в спектре старых генеративных особей ЦП *P. lanceolata* в Дубовой роще так же является старой. По классификации «дельта-омега» эта популяция является переходной (рис. 5).

Локальный максимум в обеих ЦП приходится на молодые генеративные растения, однако, их судьба складывается по-разному. По-видимому, не все g1 растения переходят в g2 состояние, большинство из них пропускают его и переходят в g3 онтогенетическое состояние, последние преобладают в ценопопуляциях. Этим и объясняется бимодальный тип спектра. Не высокая доля зрелых генеративных растений, очевидно, связана и с другими причинами: на лугу с высоким травостоем (ЦП 1) – с низкой освещенностью и высокой конкуренцией, а в ЦП 2 – с регулярным сенокошением и вытаптыванием во время выпаса. Следовательно, на структуру ценопопуляций *P. lanceolata* оказывают влияние как биотические, так и абиотические факторы.

Выводы

1. Результаты обработки геоботанических описаний местообитаний *P. lanceolata* по экологическим шкалам Л.Г. Раменского с соавт. [1956] показали, что *P. lanceolata* является эврибионтным по шкале активного богатства почвы и засоленности, а по шкале увлажнения, переменности увлажнения и шкале пастбищной дигрессии он занимает промежуточное положение.

2. Содержание азота и фосфора изменяется в зависимости от этапа онтогенеза, оно максимально в листьях старых генеративных растений *P. lanceolata* в обеих ценопопуляциях. Содержание азота выше у молодых генеративных растений *P. lanceolata* в Сосновой роще (ЦП 1), а фосфора – в Дубовой роще (ЦП 2).

3. Анализ демографических параметров, показал, что индексы выше в ЦП 2, а значения индексов возрастности в обеих ценопопуляциях имеют сходные значения. По-видимому, это можно объяснить комплексным воздействием экологических факторов и биологическими особенностями вида.

4. По классификации «дельта-омега» Л.А. Животовского [2] ЦП 1 является зрелой, а ЦП 2 – переходной; по ранее предложенным классификациям А.А. Уранова и О.В. Смирновой [13] обе ценопопуляции характеризуются как старые.

5. Накопление фитомассы ЦП подорожника ланцетолистного, по-видимому, определяется как экзогенными факторами (содержанием биогенных элементов в почве), так и эндогенными – плотностью и этапом развития ценопопуляций.

Библиографический список

1. *Воскресенская О.Л., Грошева Н.П.* Руководство к большому практикуму Ч. 1. – Йошкар-Ола,

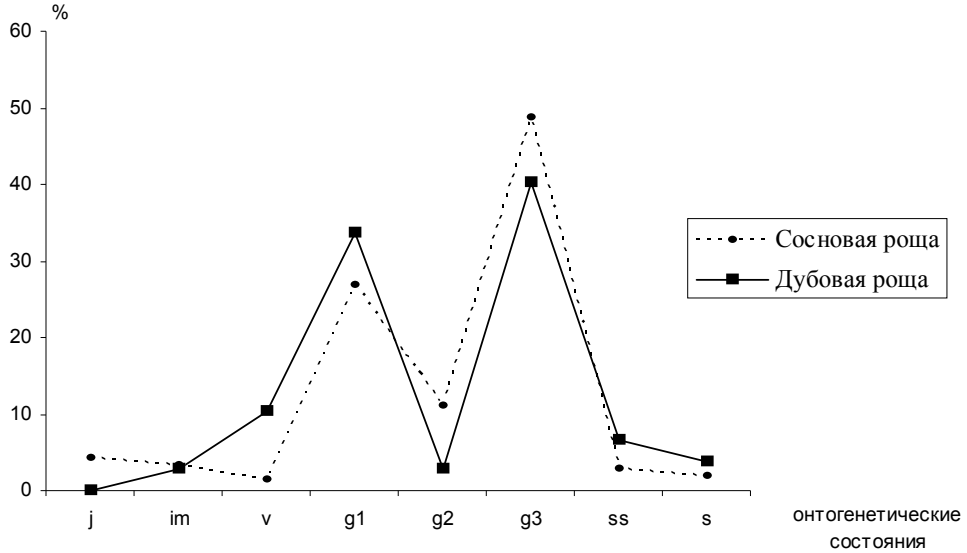


Рис. 5. Возрастной спектр ценопопуляций *P. lanceolata*

1994. – 62 с.

2. *Животовский Л.А.* Онтогенетические спектры, эффективная плотность и классификация популяций растений // Экология. – 2001. – №1. – С. 3–7.

3. *Жукова Л.А.* Изменение возрастного состава популяций луговика дернистого на окских лугах при разной продолжительности выпаса // Онтогенез и возрастной состав популяций цветковых растений. – М.: Наука, 1967. – С. 114–131.

4. *Жукова Л.А.* Возрастной состав популяций луговика дернистого на окских лугах при разных способах их использования // Вопросы биологии и экологии доминантов и эдификаторов растительных сообществ. Учен. зап. Пермского пед. ин-та. – 1968. – С. 15–21.

5. *Жукова Л.А.* Онтогенез и возрастной состав ценопопуляций луговика извилистого на северо-западе Европейской части СССР // Вопросы оптимизации растительного покрова Верхневолжья. – Калинин: КГУ, 1981. – С. 15–18.

6. *Жукова Л.А.* Популяционная жизнь луговых растений. – Йошкар-Ола: РИИК «Ланар», 1995. – 224 с.

7. *Комаров А.С., Ханина Л.Г., Зубкова Е.В., Губанов В.С., Фомин В.Г.* О компьютерной реализации наиболее трудоемких методов обработки геоботанических описаний // Биол. науки. – 1991. – №8. – С. 45–51.

8. *Работнов Т.А.* Жизненный цикл многолетних травянистых растений в луговых ценозах // Тр. БИН АН СССР. Сер. 3. Геоботаника. – М.; Л., 1950. – Вып. 6. – С. 7–204.

9. *Раменский Л.Г., Цаценкин И.А, Чижиков О.Н.* Экологическая оценка кормовых угодий по растительному покрову. – М.: Сельхозгиз, 1956. – 472 с.

10. *Рысин Л.П., Казанцева Т.Н.* Метод ценопопуляционного анализа в геоботанических исследованиях // Бот. журн. – 1975. – Т. 60. – №2. – С. 199–209.

11. *Рысин Л.П., Рысина Г.П.* Опыт популяционного анализа лесных сообществ // Бюлл. МОИП. Отд. биол. – 1966. – Т. 71. – Вып. 1. – С. 84–94.

12. *Уранов А.А.* Возрастной состав фитоценопопуляций как функции времени и энергетических волновых процессов // Биол. науки. – 1975. – №2. – С. 17–29.

13. *Уранов А.А., Смирнова О.В.* Классификация и основные черты развития популяций многолетних растений // Бюлл. МОИП. Отд. биол. – 1969. – Т. 74. – Вып. 1. – С. 119–134.

14. Ценопопуляции растений (основные понятия и структура). – М.: Наука, 1976. – 216 с.

15. *Жукова Л.А., Османова Г.О.* Онтогенез подорожника ланцетолистного (*Plantago lanceolata* L.) // Онтогенетический атлас лекарственных растений. Учеб. пособие. – Йошкар-Ола, 1997. – С. 174–177.

16. *Blom C.W.P.M., Husson L.M.F., Westhoff V.* Effects of trampling and soil compaction on the occurence of some *Plantago* species in coastal sand dunes. IV a. The vegetation of two dune grasslands in relation to physical soil factors // Proc K. Ned Akad Wet, Ser C, Biol Med Sci. – 1979. – V. 82. – P. 245–273.

17. Plantago: a multidisciplinary study / Kuiper P.J.C., Bos M. (eds). – Berlin: Springer Verlag, 1992. – 362 p.

Е.Б. Кормановская

РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ ТРЕНИРОВАННОСТИ В ПОВЫШЕНИИ ЗАЩИТНО-АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА КУРСАНТОВ

Преамбула. *В данной работе рассматриваются вопросы оценки физиологической работоспособности курсантов I курса ВА РХБЗ в зависимости от уровня их физической подготовленности на момент поступления в военное учебное учреждений.*

Физическое состояние здоровья молодого поколения в настоящее время является главной государственной задачей, решение которой в условиях пониженной двигательной активности человека невозможно.

Резистентность относится к числу важнейших функциональных интегральных характеристик организма и является показателем его устойчивости к различным воздействиям. Среди многочисленных социальных, физических, химических и биологических факторов, способных обусловить нарушения защитных функций организма, особое значение придается стрессовым воздействиям и гипокинезии. Все зависит от продолжительности и характера действия данных факторов. При длительной гипокинезии наступает детренированность ряда органов и систем, происходит уменьшение силы мышц, статической и динами-

© Е.Б. Кормановская, 2006

Таблица

Антропометрические данные и функциональные показатели систем организма (n=70 человек)

Рост, см	Вес, кг	ЖЕЛ, абс. л	ЖИ, мл/кг	Восстановление ЧСС, с.
I группа				
182,5 ± 0,42	77,0 ± 0,5	4,85± 0,02	63,0 ± 0,03	52 ± 0,2
II группа				
180,5 ± 0,45	76,5 ± 0,48	4,3 ± 0,02	55,8 ± 0,1	74 ± 0,46

Разность по ЖЕЛ высоко достоверна (P < 0,001).

ческой выносливости, меняются функции нервной системы, имеют место нарушения белкового и водно-солевого обменов, снижается уровень тканевого дыхания [6].

Повышение защитно-адаптационного потенциала организма как одного их факторов, определяющих качество жизни, относится к числу основных проблем экологии человека. Проявление признаков, характеризующих индивидуальное здоровье, на 65,5% определяется пятью факторами, которые с учетом их взаимосвязи с признаками могут быть обозначены как циркуляторный гомеостаз, вегетативный гомеостаз, кардиореспираторный резерв, физическое развитие и психосоциальная адаптивность. Дальнейшее развитие этот подход получил в работах, где было предложено определять «качество здоровья» физиологическими резервами организма – максимальной производительностью органов при сохранении качественных пределов их фукнций. Этот подход был разработан в работах [1–5].

Со времени подписания Императорского Указа в 1731 году и до современных административных регламентов обучение и воспитание в кадетских корпусах было нацелено на то, чтобы «…поддерживать в каждом из кадет: здоровье, силу и бодрость тела и духа, строгую дисциплину ума и воли, любознательность и склонность к умственному труду». В приведенном перечне здоровье стоит на первом месте. В то же время здоровье у курсантов ВА РХБЗ подвергается серьезному испытанию в связи со спецификой высших военных учебных заведений, работающих в режиме полного дня с расширенной общеобразовательной (профессиональное обучение) и военной подготовками. Наряду с этим, повышенные физические и психо-эмоциональные нагрузки со временем приводят к значительной активации адаптационных механизмов физиологических систем организма (сердечно-сосудистой, дыхательной, костно-мышечной и др.).

В связи с этим целью наших исследований явилась оценка физической работоспособности курсантов I курса ВА РХБЗ в зависимости от уровня их физической подготовленности на момент поступления в военное учебное заведение. Для решения поставленной цели, в задачу наших исследований входило обследование курсантов первого года обучения ВА РХБЗ (средние показатели за 2004–2006 учебные годы), занимающихся до поступления определенными видами спорта и имеющих спортивный разряд и нетренированных курсантов. Группы формировались с учетом антропометрических данных (рост, масса тела) и возраста (17–18 лет).

Росто-весовые показатели у исследуемых групп курсантов существенных различий не имели в связи с целенаправленным подбором и учетом идентичности антропометрических данных: 70 человек, занимающихся до поступления в ВА РХБЗ тем или иным видом спорта (рукопашный бой, борьба, бокс лыжный и гиревой спорт, легкая атлетика, хоккей, футбол), именуемые I группа и 70 человек нетренированных, именуемые II группа (табл.). Рост измеряли на ростомере, массу тела – на медицинских весах. Жизненную емкость легких регистрировали в двух попытках, стоя, сухим спирометром с последующим расчетом жизненного индекса. Жизненная емкость легких – ЖЕЛ – объем воздуха, который можно полностью выдохнуть из легких после максимального вдоха. Индивидуальные значения ЖЕЛ интерпретировали путем сопоставления полученных при исследовании величин с должными. В качестве критерия скорости восстановительных процессов в организме исследуемых использовали время восстановления частоты сердечных сокращений (ЧСС) после 20 приседаний за 30 секунд.

Как видно из таблицы курсанты, занимающиеся спортом, имеют преимущество в показателях ЖЕЛ (на 11,3%) и восстановления ЧСС (на 42,3%). Было отмечено, что у физически подготовленных курсантов системное артериальное давление во время выполнения нагрузочных тес-

тов возрастало в меньшей степени, чем у нетренированных. По результатам комплексной оценки в среднем за три года (2004–2006) среди обследуемых нетренированных курсантов 60% были отнесены ко II группе здоровья в связи с признаками склонности к продолжительным, частым заболеваниям (37,2%) и наличием скрытых или начинающихся дисфункций различных органов и систем (22,8%). К I группе здоровья (практически здоровые) было отнесено лишь 40% обучаемых. Занимающиеся спортом курсанты 100% входили в первую группу здоровья.

Неспецифическая резистентность организма у лиц, систематически занимающихся физическими упражнениями, становится существенно выше. Подтверждением этого служит проведенный сравнительный анализ заболеваемости, который показал, что у спортсменов частота первичной обращаемости на 78,6%, трудопотери на 18,4%, а госпитализация – на 66,8% ниже, чем у нетренированных лиц. Таким образом, рациональные физические упражнения ускоряют становление относительно устойчивой адаптации и являются эффективным средством профилактики различных заболеваний, и в первую очередь, острых респираторных вирусных инфекций.

Подавляющее большинство обследованных нетренированных курсантов на момент поступления в ВА РХБЗ характеризуются низким адаптационным потенциалом. Однако проведенный анализ состояния здоровья курсантов за период с 2004 года по 2006 год позволяет сделать вывод, что систематическая физическая активность способствует развитию адаптационных механизмов и расширяет функциональные возможности организма. Так, к III курсу обучения число здоровых курсантов (I группа здоровья) возросло в 2,8 раза.

Таким образом, систематические занятия оздоровительной направленности являются наиболее эффективными для повышения общей и специальной работоспособности и имеют высокую биологическую оценку. Однако нельзя забывать, что чрезмерные физические нагрузки у нетренированного контингента наоборот, вызывают угнетение защитных функций организма, что в конечном счете ведет к срыву адаптационных механизмов и увеличению заболеваемости. Умение найти рациональную форму ориентации тренировочной нагрузки и реализовать ее в рамках конкретного времени является важнейшей задачей в физической и профессиональной подготовках курсантов в ВА РХБЗ.

Библиографический список

1. *Анохин П.К.* Биология и нейрофизиология условного рефлекса. – М.: Медицина, 1968. – 546 с.

2. *Анохин П.К.* Общие принципы формирования защитных приспособлений организма // Вестн. АМН СССР. – 1962. – №4 – С. 16–26.

3. *Апанасенко Г.Л.* Физиологические основы физической подготовки личного состава подводных лодок // Воен.-мед. журнал. – 1978. – №2. – С. 82–84.

4. *Баевский Р.М.* Временная организация функций и адаптационно-приспосо-бительная деятельность организма // Теоретические и прикладные аспекты временной организации биосистем. – М.: Наука, 1976. – С. 88–111.

5. *Казначеев В.П.* Современные аспекты адаптации. – Новосибирск: Наука, 1980. – 191 с.

6. *Коваленко Е.А.*, *Гуровский Н.Н.* Гипокинезия. – М.: Медицина, 1980. – 320 с.

Л.В. Мурадова, М.В. Сиротина

НАСЛЕДСТВЕННАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ АДАПТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА КОРОВ КОСТРОМСКОЙ ПОРОДЫ

Вся совокупность признаков и свойств живого организма – его фенотип – формируется на основе взаимодействия генотипа и среды. Эффект этого взаимодействия обуславливается свойственной организму генетически детерминированной нормой реагирования на факторы среды – адаптивным потенциалом, который влияет на реализацию генетического потенциала в фенотипе. Наследственная обусловленность адаптивного потенциала, как и других признаков и свойств живой системы, формируется в процессе эволюционного преобразования под влиянием изменений условий существования во времени или в пространстве.

В результате длительной заводской селекции возникает несоответствие между генетическим и адаптивным потенциалом. Связано это, прежде всего, с тем, что основополагающим признаком при отборе и дальнейшей селекции животных является высокая молочная продуктивность,

© Л.В. Мурадова, М.В. Сиротина, 2006

которая отрицательно коррелирует с продолжительностью хозяйственного использования и влияет на воспроизводительные способности. В результате происходит неполная реализация наследственного потенциала по многим признакам, животные хуже развиваются, у них снижается продуктивность и жизнеспособность.

Мы проанализировали влияние удоя матерей на продуктивные показатели их дочерей (табл.1). Лучшие показатели по первой лактации были у коров с продуктивностью матерей свыше 6000 кг молока, а пожизненная продуктивность и срок использования коров – выше у дочерей, продуктивность матерей которых была до 5000 кг молока.

При анализе наследственной обусловленности продуктивности у лучших коров стада (средний удой – 6375 кг молока) мы получили аналогичные результаты (табл. 2).

В.А. Кисловский писал: «Если корова дала высокий удой, то это несомненное доказательство того, что ее генотип способен обеспечить столь высокую продуктивность. Если ее дочери не дают таких же высоких удоев, то это подтверждает генетически давно доказанную истину, что свойства организма определяются его генотипом как целым. Дочери же получают лишь половину генотипа матери». К сказанному можно добавить, что не всегда в эту «половину» входит лучшие свойства родителей.

Проанализировав влияние отцов на продуктивность дочерей, мы установили, что коэффициент корреляции между удоем матери быка и средним удоем его дочери составляет 0,37, а между удоем матери быка и пожизненной продуктивностью дочери – 0,07. При определении влияния родителей на продолжительность хозяйственного использования (ПХИ) дочерей установлено, что коэффициент корреляции отрицательный и составляет -0,35 между удоем М и ПХИ дочери и -0,28 между удоем МО и ПХИ дочери.

Таким образом, повышение генетического потенциала продуктивности, не сопровождающееся селекцией по адаптивному потенциалу нерентабельно, т.к. влечет за собой сокращение срока хозяйственного использования животных и способствует неполной реализации наследственного потенциала продуктивности. Признаки, характеризующие адаптивный потенциал животных относятся к категории сложных и контролируются не одним, а многими генами во взаимодействии с внешней средой. При этом степень проявления этих признаков зависит от комбинации различных вариантов этих генов. Поэтому в настоящее время встал вопрос о необходимости введения в селекцию оценки животных по адаптивному потенциалу, чтобы направить селекционные программы на создание успешного сочетания определенного генетического потенциала по продуктивности с адаптивным потенциалом, соответствующим условиям кормления, содержания и разведения животных.

Библиографический список

1. *Охапкин С.К., Дунин И.М., Рожков Ю.И.* Селекция и эволюционный процесс.– М.: Изд-во ВНИИплем, 1995.–218 с.

2. *Раушенбах Р.* Экогенез домашних животных.– М.: Наука, 1985.– 200 с.

Таблица 1

Зависимость некоторых показателей дочерей от уровня продуктивности их матерей

Продукт-ть матерей, кг	Кол-во пар	Средняя продуктивность дочерей, кг		
		По 1 лактации	Пожизненная	Срок исп-ния, лакт
До 5000	206	4337,6±66,6	**30988,5±1035,8**	**5,04±0,12**
5000–6000	99	4409,9±85,3	28416,7±1235,4	4,74±0,16
6000 и более	67	**4490,6±134,3**	29433,9±1717,1	4,84±0,2

Таблица 2

Зависимость некоторых показателей лучших коров от уровня продуктивности их матерей

Продукт-ть матерей, кг	Кол-во пар	Средняя продуктивность дочерей, кг		
		По 1 лактации	Пожизненная	Срок исп-ния, лакт
До 5000	5	5271,8±543,7	**61930,0±4178,7**	**9,04±0,9**
5000–6000	5	5109,8±377,6	56079,0±3504,9	8,0±0,9
6000 и более	9	**5298,7±334,4**	61236,8±2650,9	7,8±0,5

В.В. Кривошеин

РАЗВЕДЕНИЕ ЛЕНСКОГО ОСЕТРА В ТЕПЛОВОДНОЙ АКВАКУЛЬТУРЕ

Сибирский осетр (ленский) – чисто пресноводная речная и озерная рыба, обитающая во всех бассейнах рек Сибири, один из наиболее перспективных объектов товарного выращивания. В систематическом отношении сибирский осетр подразделяется на 3 подвида: западносибирский – Обь-Иртышского бассейн; восточносибирский – реки Сибири от Енисея до Калымы; байкальский осетр – озеро Байкал. По весовым характеристикам выделяется байкальский осетр. В настоящее время масса зрелых самок достигает 12 кг, а в прошлом попадались экземпляры до 150 кг. Сегодня случаи поимок зрелых особей носят единичный характер.

Рыбоводные работы с ленским осетром впервые начал проводить профессор МГУ В.Д. Лебедев, высказавший предположение о повышенной адаптационности и жизнестойкости вида. На первом этапе ленский осетр рассматривался как объект акклиматизации пресноводных водоемов европейской части России. Состояние популяций и биологические особенности осетра в реке Лене изучаются с 1960–1962 гг. Первые три года проводили транспортировку икры авиатранспортом до Москвы в изотермических ящиках при температуре 7–9°С, а затем икра доставлялась в Санкт-Петербург, Кострому, Конаково [1]. Подрощенных мальков в последующем выпускали в Горьковское, Куйбышевское водохранилища, в Ладогу, озеро Селигер и другие водоемы. Так в Горьковское водохранилище до 1975 года было выпущено 648600 особей [2]. В последующие годы отмечалась встречаемость данного вида осетров в уловах, темп роста которых в новых условиях их акклиматизации оказался значительно выше чем в маточных водоемах. С восьмидесятых годов прошлого века рыбоводные работы в товарных хозяйствах ведутся в основном с ленской популяцией осетров, и большинство исследований касается этого вида. По данным ряда исследований перевод молоди ленского осетра с живых кормов на искусственные следует проводить в конце первой декады. Как показали многолетние производственные опыты, данный вид осетровых наиболее перспективным является в тепловодном товарном осетроводстве. Если в течение всего цикла выращивания поддерживается температура воды 20–25°С, то за 12–14 месяцев возможно получать рыбу массой до двух кг. В западноевропейских странах (Италия, Франция, Германия) не имеющих промысловых запасов промысловых рыб, ленский осетр интенсивно используется в промышленных масштабах в аквакультуре.

Спектр питания сибирского осетра широк, включая ракообразных, личинок насекомых, червей, моллюсков. Кроме того, в пище взрослых осетров постоянно встречается мелкая донная рыба. Именно характер питания сибирского осетра и отсутствие природного инстинкта ската в море дают основание рассматривать его в качестве перспективного объекта осетрового хозяйства в пресноводных водоемах. Это создает предпосылки использования ленского и байкальского осетров на сбросных теплых водах. Товарное выращивание ленского осетра в открытых бассейнах на теплой воде площадью 50 м^2. на Волгореченском рыбхозе показало высокую эффективность их рыбоводных и биологических показателей. В настоящее время имеется маточное поголовье ленского осетра, который разводится в чистоте, а также используется в гибридизации с другими видами осетровых в качестве отцовской и материнской форм.

Температура воды в бассейнах летом достигает 21,8–28,5°С в отдельные периоды температура может повышаться до 30–32°С, а в зимний период 7,5–9,1°С в отдельные периоды до 4,5°С. Кормление осетров в теплый период года проводят три раза в сутки. Зимой один раз в сутки. Рацион состоит из гранулированных кормов двухлеткам в летний период скармливают до 4–5%, более старших возрастов до 3–4%, а в зимний период 2–3,5% от массы тела осетров. Затраты корма составляют в среднем у двухлеток 1,6–1,7, а у трехчетырехлеток 3,5–3,6 кг в расчете на 1 кг прироста ихтиомассы.

По сравнению с естественными условиями обитания данных осетров в реке Лене интенсивность роста в тепловодной аквакультуре в условиях Верхней Волги выше в 7,3–8,5 раз. Так, в природных условиях ленские осетры в возрасте 10 лет достигают массы 1,6–1,8 кг, в то время как в бассейновой тепловодной аквакультуре в 2–2,5 года. По темпу роста и эффективности использования гранулированных кормов ленские осетры в теп-

© В.В. Кривошеин, 2006

Таблица

Рост ленского осетра в тепловодных условиях

Возраст	Кол-во рыб	Масса рыб M±м	Лимит Lim	Коэффициент вариабельности C.v%
Сеголетки 0+	530	11,5±2,4	6,7–15,7	31,4
Годовики 1+	410	409±37	288–516	24,6
Двухлетки 2+	384	1611±21	1044–3050	28,1
Трехлетки 3+	356	2794±47	2540–4870	21,8
Четырехлетки 4+	318	3970±169	3375–6850	18,4
Пятилетки 5+	287	5860±143	5290–10670	23,6

ловодных условиях их разведения сходны с карпом. Выявлено, что в зимний период в бассейновой аквакультуре исследуемый вид осетров интенсивно потребляет корм и прирост может составлять до 30–35% от летнего периода. Следует отметить высокую сохранность маточного поголовья осетров.

В двухлетнем возрасте ленские осетры достигают живой массы в среднем 1611 г. при лимите от 1044 до 3050 гр. Коэффициент изменчивости в этой возрастной группе составил 28,1%. К пяти годам средняя масса рыб составила 5860 г., а отдельные особи достигали 10670 при изменчивости 23,6%. Таким образом следует отметить, что ленский осетр характеризуется сравнительно интенсивным приростом с возрастом.

Половое созревание самцов в бассейнах с теплой водой наступает в 3 года (до 40% особей) остальные в 4 года, а самки в возрасте 4–5 лет, в то время как в природных условиях в 7–10 лет соответственно. Икру от самок получают прижизненным способом, при температуре воды 12–15°С. Плодовитость самок достигает 42–63,7 тыс. штук икринок от одной особи. Процент оплодотворения достигает 75–83%. Период инкубации продолжается 11–12 суток при температуре воды от 15 до 17°С. На активное питание личинки переходят на 12–14 день после выклева. Первоначальным кормом для личинок использовались науплии артемии, селезенка и сухой стартовый комбикорм с содержанием протеина 58%, жира 15%, фосфора 1,6%.

Следует отметить, что при выращивании молоди ленских осетров температурный режим воды в цехе выращивания должен быть на уровне 18–23°С, а режим кормления через полтора два часа с момента активного питания до двадцатидневного возраста, меняя набор кормов (артемии – селезенка – сухой корм – селезенка и т.д.), что позволяет получать максимальные ежедневные приросты и высокую сохранность молоди. Учитывая возможность получения половых продуктов от маточного поголовья ленских осетров при прижизненном методе, в условиях тепловодной аквакультуры на протяжении ряда лет от одних и тех же особей, можно проводить индивидуальный учет плодовитости, оплодотворенности икры, выход личинок, их выживаемость от отдельных маток и производителей. На основании чего проводить отбор и подбор родительских пар в целях улучшения экстерьерных и рыбоводных показателей данного вида осетров в условиях индустриальной тепловодной биотехнологии. Следует также отметить, что у ленских осетров высокая адаптация и пластичность при их искусственном разведении, которые выдерживают высокую плотность посадки (взрослые особи до 20 экземпляров на один кв.м.бассейна). Также выдерживают повышенную температуру воды до 30–32°С, при этом сохраняющих интенсивный темп роста при кормлении сухими гранулами и более раннее половое созревание по сравнению с естественными условиями их обитания. Разведение данного вида осетров экономически целесообразно как в целях сохранения его генофонда, так и перспективным для товарного осетроводства в тепловодных хозяйствах, что подтверждают последние данные отечественных и зарубежных специалистов.

Библиографический список

1. *Малютин В.С.* Ленский осетр – основной объект товарного рыбоводства // Рыбоводство и рыболовство. – 2000. – №1. – С. 16–17.

2. *Бердичевский Л.С.* и др. Итоги рыбоводно-акклиматизационных работ с сибирским осетром // Биологические основы осетроводства. – М.: Наука, 1983. – С. 259–269.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

О.Н. Грабова

ЭВОЛЮЦИОННО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Сложность и острота противоречий, складывающихся в экономическом и социальном развитии России и мира, требуют глубокого теоретического осмысления. Эти противоречия системны. Но особый конфликтный потенциал в этой системе обуславливается экономическими отношениями. Они интегрированы и неразрывно связаны с системой всех социальных отношений, которые в совокупности способны порождать разных масштабов и силы конфликты. При определенных условиях они могут трансформироваться в катаклизмы или породить устойчивые неэффективные равновесия. Особый механизм преодоления противоречий – система институтов, направленных на достижение компромисса в обществе и его поступательное развитие. Не случайно, явные достижения ряда стран с социально ориентированной экономикой связывают с эффективными институтами, на базе которых развиваются неантагонистические, компромиссные экономические отношения. Однако, заимствование и копирование эффективных институтов не приводит к желаемым результатам, что происходит вследствие несоответствия институтов и экономических отношений на индивидуальном и агрегированном уровнях. Это актуализирует необходимость теоретического осмысления динамики экономических отношений во взаимосвязи с развитием институтов.

Научная проблема состоит в том, чтобы раскрыть связь эволюции экономических отношений и институциональных изменений. Эта связь сложна и противоречива. Процессы изменения экономических отношений и институтов асинхронны: первичны либо изменения экономических отношений, либо институтов. Немаловажный аспект проблемы – это поиск синхронного и неантагонистического согласования экономических отношений и институциональных изменений.

Анализ соответствующей литературы обнаружил один важный и парадоксальный факт: авторы, занимающиеся фундаментальным изучением эволюции институциональных систем, рассматривают ее вне динамики экономических отношений, зачастую даже не упоминая о последних. Это с нашей точки зрения игнорирует главный источник динамики социально-экономических процессов – систему интересов, объективно складывающуюся в обществе. Особое значение приобретает выбор методологии, на основе которой может быть сформирована новая концепция динамики экономических отношений.

Мы выдвигаем *гипотезу* о возможности глубокого исследования процессов изменения экономических отношений на основе синтеза институционального и эволюционного подхода. При этом динамика экономических отношений, рассматриваемая во взаимосвязи с институциональными изменениями, и выраженная в системе интересов, предстает как экономическое поведение субъектов, в том числе и агрегированных, с их классификацией и субординацией в обществе. Это позволяет вскрыть сущность противоречий, складывающихся в процессе производства, обмена, распределения и потребления создаваемого общественного продукта и выявить возможности компромиссного их разрешения.

В своей статье мы бы хотели выделить три важных момента исследования.

Первое. Экономические отношения – это центральная категория научных трудов К. Маркса. В силу того, что каждый исследователь в социальных науках не свободен от своих собственных политических, моральных убеждений, взглядов, и восприятия мира, эта категория оказалась тесно связанной с идеологической целью автора – показать антагонистичность экономических отношений, основанных на частной собственности, и обосновать необходимость уничтожения частной собственности, как основы эксплуатации.

Однако, труды К. Маркса обладают редкой системностью, несмотря на то, что были написаны задолго до возникновения современного системного подхода. Так, например, он писал, что «человек – не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек – это мир человека, го-

© О.Н. Грабова, 2006

сударство, общество» [3, с. 414]. При том что Т. Веблен критически относился к некоторым аспектам марксистской теории, он в известной степени находился под влиянием Маркса в исследовании процессов экономической эволюции и технологической трансформации. Он исходил из того, что на индивидуальное поведение влияют отношения, природа которых институциональна: «Потребности и желания, цели и устремления, пути и средства, масштаб и направленность поведения индивида – все это функции некой институциональной переменной, характер которой крайне сложен и абсолютно неустойчив»[4, с. 50].

Второе. Внутри стран и между национальными экономиками происходит перераспределение создаваемого совокупного общественного продукта. Такое перераспределение определяется не только справедливой рыночной конкуренцией, но и институтами. Следовательно, будет наблюдаться асимметрия в том, как распределяется доход между факторами производства в результате свободной рыночной конкуренции (конъюнктуры рынка) и между владельцами факторов производства, поскольку последнее зависит от институтов, в том числе от институтов власти и собственности (рис.).

Синтезируя положения институциональной и эволюционной теории мы рассматриваем взаимодействие рутин и инноваций на микро-, мезо- и макроуровне. На макроуровне особые рутины – это институты. В целом можно констатировать, что общество выработало достаточно эффективные институты минимизации трансакционных издер-

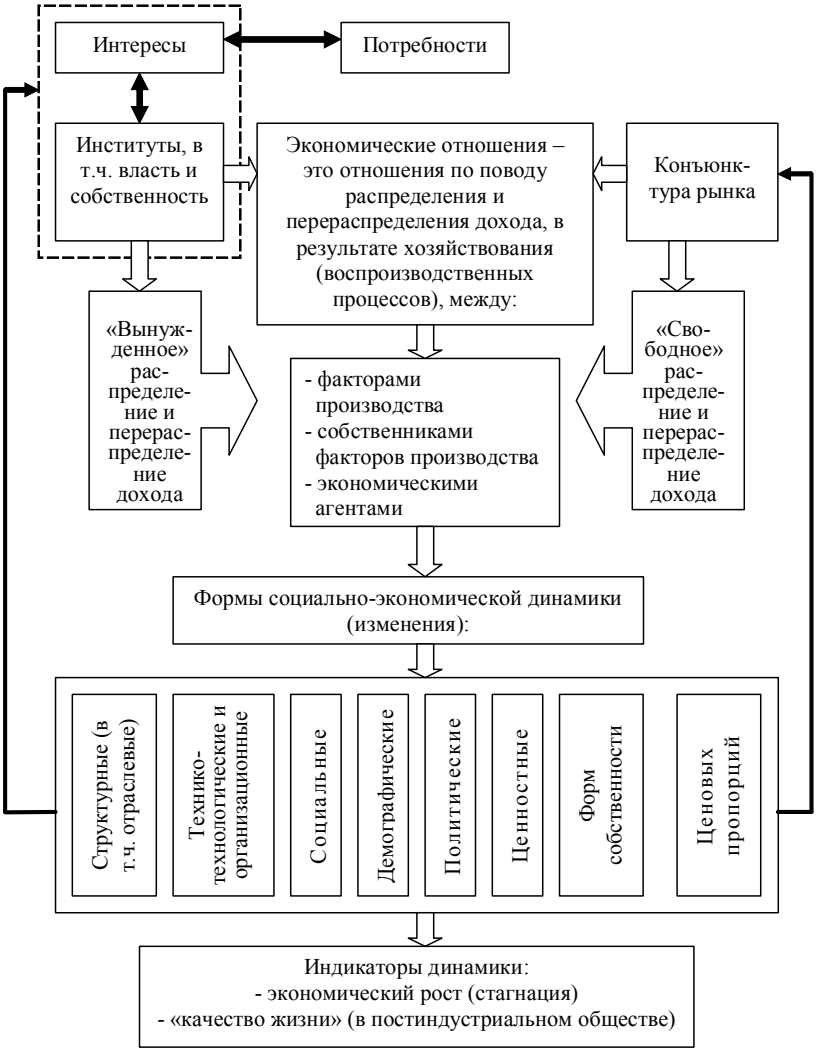


Рис. Социально-экономическая динамика и динамика экономических отношений

жек для экономических контрактов, общественные же контракты – наиболее уязвимы с позиции достижения консенсуса, компромисса сторон.

Первичные институты возникли как первичные соглашения, дабы избежать «войны всех против всех». Эти соглашения, отражали интересы всех членов общества, т.е. они воспринимались как норма всеми. Это были первичные протоинституты, из которых постепенно формировалась сложная институциональная структура. Первоначальная трансляция индивидуальных интересов в общественные была практически неискажающей, в обществе существовал некий *компромисс и баланс интересов*.

На начальной стадии развития норм институты как особая форма духовного развития не имели прочной связи с материальной формой развития, так как реципрокные экономические отношения делали всех равными.

Неолитическая революция сделала возможным накопление богатства, собственности, которые требуют защиты, в том числе институциональной. Это был прорыв в экономических отношениях. Но с постепенным отчуждением части индивидов от собственности происходит их отчуждение от духовной деятельности, от институтобразования, развиваются нормы, поддерживающие баланс интересов, который перестает быть компромиссным. Поскольку противоречия между носителями различных интересов в принципе неустранимы, то баланс интересов всегда находится в движении от конфликтно-комромиссного уровня до антагонистического. В дальнейшем нормы из конфликтно-компромиссных превратились в антагонистические. Как отмечал К. Маркс, «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть вместе с тем и его господствующая духовная сила… Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений» [2, с. 39]. Как следствие, история продемонстрировала лишь тот факт, что в обществе постепенно на протяжении длительного периода нивелировалось изначальное значение компромисса для формирования норм и институтов, а сохранился лишь баланс интересов, что выхолащивает содержание норм и институтов как одобряемые всеми (или большинством) членами общества. Поэтому многие исторические нормы в контексте обозрения всей траектории развития человечества и институтов предстают как антинормы, отражающие и защищающие антагонистические или деспотические экономические отношения. Деспотические режимы порабощали труд, но, начиная с XIX века труд усиливает свои позиции в борьбе за свои экономические права, тяжело, в муках, но история создала институты отстаивания трудящимися своих интересов. Поэтому поиск компромисса и закрепление его в институтах и экономических отношениях – это необходимое требование современного мира.

Современная динамика экономики и экономических отношений такова, что одной из ключевых составляющих мирового развития является социализация экономики. Это создает условия для движения обществ к социальному согласию. Напротив, торможение процессов социализации – это движение к критическим точкам поляризации общества, обнищанию и деградации ее членов чревато социальными взрывами. В процессах социализации немаловажную роль играют социальные обязательства государства. Они находятся под воздействием как глобального, так и общенационального развития, и должны отвечать вызовам времени и формировать конкурентоспособную экономику и общество согласия.

Социальные обязательства государства с институциональной точки зрения могут быть классифицированы на две большие группы, которые качественно отличаются друг от друга механизмом их поддержания. Первая группа обязательств – это общественные блага, которые имеют социальный характер, но не требуют для своего исполнения прямого финансирования из средств консолидированного бюджета и государственных внебюджетных источников. К ним относятся, например, обязательства в области прав на труд и на отдых, на нормальную продолжительность рабочего времени работников на предприятиях, в учреждениях, организациях и т.п. Вторая группа обязательств – это общественные блага, определенные Конституцией страны, закрепленные государственными законами обязательства, требующие для своего исполнения финансирования из средств консолидированного бюджета и государственных внебюджетных источников. Как экономическая категория бюджет является категорией общественного воспроизводства и в силу этого отражает соответствующие экономические интересы и отношения. В демократичес-

ком обществе бюджетные приоритеты отражают коллективную волю граждан, толкование которой возложено на политических представителей народа. От того, насколько продуманы и корректно встроены в структуру общегосударственной финансовой политики экономические механизмы, реализующие именно такое понимание бюджетных отношений, во многом зависит реальный баланс частных, групповых и национальных интересов, а значит и целостность государства, стабильность состояния общества.

Природа социальных обязательств, результатом которых является производство социальных благ, такова, что они формируются под воздействием социально-экономической политики, в результате реализации социальных программ на федеральном и региональном уровнях. Социальные блага являются целью и результатом макроэкономической политики, обеспечивающей развитие человеческого и социального капитала. Поэтому интенсивность социальной политики зависит от многих условий, но прежде всего от мировоззрения и практических целей находящихся у власти общественных сил и политических партий, а также от господствующих в обществе традиций и моральных ценностей.

Участники социально-экономических отношений сознательно преследуют те или иные интересы. Выживание всеми средствами – вот единственная цель, которую может преследовать индивид. Экономически и институционально «организованные» игроки могут моделировать экономические отношения вне институтов, а также определять сами институты в своих интересах, т.е. «организованные» игроки могут быть сильнее институтов. В такой интерпретации результат экономического отбора – это рост собственности на индивидуальном уровне и рост могущества на уровне фирмы, государства и других агрегированных экономических субъектов. В связи с этим, собственность становится целью развивающегося субъекта экономических отношений и условием его развития.

Третий момент, на котором нам бы хотелось акцентировать внимание, – собственность. Собственность – это и особый институт, это и выражение сущности хозяйствования или каталактики по Ф. фон Мизесу. Такая двойственность собственности наиболее наглядно демонстрирует с одной стороны, неразрывность экономических отношений и институтов, и с другой стороны, относительную самостоятельность логики развития экономических отношений. Если вспомним, то еще К. Маркс, в своем письме к Анненкову, критиковал Прудона за абстрактный анализ категории собственности. Поэтому мы в работе дали анализ развитию собственности в исторической перспективе с этих двух позиций: как особому институту и как экономическим отношениям.

Несомненно, частная собственность наилучшим образом формирует мотивы экономического поведения. Институциональные условия должны создавать достаточную свободу для развития отношений частной собственности. В то же время сами институты демонстрируют зависимость от предшествующей траектории развития и сопряжены с огромными трансформационными издержками, и как следствие, это препятствует развитию эффективных экономических отношений.

Наиболее ярко в России такая зависимость проявляется на мезоуровне – в аграрном секторе. Аграрный вопрос в Росси всегда был очень больной. Реформы носили перманентный и незавершенный характер, а в советский период были еще и разрушительными для сельского хозяйства.

В настоящее время в России институт частной собственности на землю не развит. Это способствует захвату земель неформальными методами, а также вымыванию человеческого и экономического капитала из этой отрасли. В тоже время трансформационные издержки по определению прав собственности на землю всегда были велики, а подчас непреодолимы. Так, еще В.О. Ключевский следующим образом описывал земельные реформы в период царствования Елизаветы: «С целью упорядочить дворянское землевладение, до нельзя запутанное разновременными законами и неразумной практикой, предпринято было генеральное межевание по межевой инструкции 1754 г. Но межевание, начатое с Московской губернии, раздразнило дворянский муравейник, возбудило ожесточенное противодействие владельцев, вызвало между ними бесчисленные тяжбы и, наконец, было приостановлено» [1, с. 718].

В то же время, мировой опыт свидетельствует, что аграрный сектор развивался на основе персонифицированного наделения землей. Так было в Австрийской империи после революции 1848 г., когда сразу вся земля становилась крестьянской собственностью. В Финляндии в 1757 году было проведено т.н. «генеральное межевание», в результате которого практически всем малоимущим крестьянам были выделены земельные наделы.

Это стало основой современного фермерского ведения сельского хозяйства всех стран Западной Европы. Основополагающим принципом в землевладении и землепользовании США стал закон о гомстедах, принятый в 1862 году, который упорядочил распределение земли между гражданами страны, стал значительным действием государства в аграрной политике. Этим законом была юридически закреплена частная собственность на землю, которая существует и в настоящее время.

Таким образом, теория динамики экономических отношений позволяет раскрывать действие индивидуальных и агрегированных интересов в обществе, прогнозировать поведение экономических агентов в условиях сложившихся и изменяющихся институтов.

Библиографический список

1. *Ключевский В.О.* Русская история. – М.: Изд-во «Эксмо», 2005.

2. *Маркс К.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. – М.: Политиздат, 1970.

3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. – М., 1955.

4. *Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории: пер. с англ. – М.: Дело, 2003.

О.Ю. Гурьева

О РОЛИ ФИЛОСОФИИ В МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Традиционно этому вопросу в экономической науке уделялось не так много внимания. А между тем, не только сказать, но и вообще начинать экономическое исследование, пользуясь определенным категориальным аппаратом, набором методологических принципов и установок, нужно именно с философских начал. То или иное направление в философии задает тот или иной взгляд на мир, на его явления и события, законы и особенности развития, а значит, изначально выбранная философская позиция определит и направит и экономическую методологию.

Философия – форма общественного сознания; учение об общих принципах бытия и познания, об отношении человека к миру, наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления. Философия вырабатывает обобщенную систему взглядов на мир и место в нем человека; она исследует познавательное, ценностное, социально-политическое, нравственное и эстетическое отношение человека к миру [3, с. 726].

Независимо от того, как высказываются экономисты по вопросу о роли философии, в своих работах они опираются на те или иные философские концепции. В целом развитие экономической науки в ее современном виде тесно связано с философией позитивизма и испытало на себе зигзаги в эволюции последнего: неопозитивизм, прагматизм, а также «реалистические» течения. Вместе с тем в известной степени в политической экономии используется и экзистенциализм, неотомизм, персонализм и другие религиозные философские концепции. Во всяком случае, сама идея поиска правильной методологии, т.е. согласованных и признанных по крайней мере большей частью научного сообщества ответов на приведенные выше вопросы, позволяющие упорядочить мир экономических концепций, является порождением позитивизма. Возросшие же сомнения в оправданности самой идеи правильной методологии – во многом результат ослабления влияния позитивизма в эпоху так называемого постмодернизма, открывшего дорогу методологическому плюрализму, который признает невозможность окончательного выбора между теориями и как следствие предполагает их сосуществование.

Методология неоклассической экономической науки развивалась одновременно с позитивистскими философскими представлениями, отражая переход от начального позитивизма Огюста Конта к неопозитивизму XX века и к его более современной форме – «аналитической философии».

На всех этапах развития позитивистской философии сохраняется ее важнейший принцип, сформулированный О. Контом в «Курсе позитивной философии» (1830–1842 гг.). Этот принцип гласит: ни наука, ни философия не могут и не должны ставить вопрос о причине явлений, а только о том, как они происходят. А поэтому наука познает вовсе не сущности, а лишь феномены – внешние, непосредственно наблюдаемые явле-

© О.Ю. Гурьева, 2006

ния. Применительно к методологии экономической науки это получает следующее выражение: «Экономика – это дисциплина, изучающая, каким образом общество с ограниченными, дефицитными ресурсами решает, что, как и для кого производить».

Отказ от проникновения в сущность экономических процессов и ограничение их анализа рассмотрением внешних их проявлений влекут за собой выведение за пределы исследовательского внимания причинно-следственных связей и его концентрацию на связях функциональных. Но вместе с тем резко возрастает операциональность экономической теории, увеличиваются возможности ее математической формализации и экономико-математического моделирования. Получается, что операциональность экономической теории приобретается ценой отказа от ее философичности, от сущности исследования того, что скрыто за внешними проявлениями экономических взаимодействий. Не слишком ли велика эта цена? Такой вопрос остается риторическим. Впрочем, открытый отказ от философских основ методологии экономической науки есть тоже своего рода философия.

Из английских экономистов типичным представителем позитивизма является Т. Хатчисон. Он считает, что единственно значительными в экономической теории являются те положения, которые могут быть проверены на опыте и которые вытекают из этого опыта. Он упрекает экономистов в субъективизме, в отходе от опыта. В этом случае позитивизм выступает в форме крайнего эмпиризма и недооценки роли теории.

Позитивизм служит исходной базой и французской политической экономии, что находит отражение во взглядах Ж. Фурастье, Э. Жамса и др.

Ж. Фурастье выступает против использования абстракций и предлагает ограничиваться «экономическим позитивизмом». Он откровенно пишет, что его не интересуют «дискуссии о стоимости, прибавочной стоимости, предельной полезности – вещах, которые нельзя увидеть в жизни. Что меня интересует, – продолжает Фурастье, – так это факты, наблюдаемые повседневно». Свою позицию Фурастье обосновывает ссылкой на то, что окружающий мир все равно невозможно познать во всей его полноте, потому что явления непрерывно изменяются. Благодаря этому, по мнению Фурастье, у науки не остается времени для выработки научной теории. Фурастье и другие позитивисты предлагают ограничиваться систематизацией эмпирических данных и выявлением изменчивых полузакономерностей [1, с. 19].

Прагматизм получил яркое выражение у группы американских экономистов, возглавляемых Л. Мизесом. Прагматизм – субъективно-идеалистическое филос. учение. В духе идеалистического эмпиризма отождествляет действительность с «опытом», трактуемым как поток сознания. Объекты познания не существуют независимо от сознания, а формируются познавательными усилиями в ходе решения практических задач. Мышление – средство для приспособления организма к среде с целью успешного действия. Понятия и теории – лишь инструменты, орудия. Истина трактуется не как отражение объективной реальности, а как практическая полезность, удовлетворяющая субъективные интересы индивида [2, с. 1048].

Экономисты во глава с Мизесом выдвинули такой термин, как «праксеология», под которой понимается наука о поведении людей. Основа праксеологии состоит в утверждении, что деятельность человека всегда направлена к достижению лучшего положения, т. е. всегда носит целеустремленный характер. При этом признается, что на поведение человека влияют и внешние факторы. Однако главная роль отводится самому субъекту. На первое место в определении целей праксеология выдвигает не исторические условия, а сознание.

Различные течения позитивизма получили особое распространение в политической экономии потому, что они дают возможность буржуазным экономистам под видом объективного изучения фактов конструировать апологетические теории.

Рассматривая явления с их внешней стороны, неопозитивизм на деле искажает и извращает факты, изображает их поверхностно и односторонне. Но как раз такой поверхностный подход позволяет экономистам вуалировать коренные противоречия капитализма, выдавать видимость явлений за их сущность.

Экзистенциализм в западной политической экономии проявляется в попытках идеалистического, извращенного истолкования таких явлений, как экономические кризисы, массовая безработица. Экономисты пытаются объяснить эти явления с позиций психологии хозяйствующих субъектов, делая ударение на страхе, панике, которая выдвигается на первое место в трактовке кризисов.

Экзистенциализм – философия существования, иррационалистическое направление. Центральное понятие – экзистенция (человеческое существова-

ние) как нерасчлененная целостность объекта и субъекта. Основные проявления человеческого существования – забота, страх, решимость, совесть. Все они определяются через смерть. Человек прозревает экзистенцию как корень своего существа в пограничных состояниях (борьба, страдание, смерть). Постигая себя как экзистенцию, человек обретает свободу, которая есть выбор самого себя, своей сущности, накладывающий на него ответственность за все происходящее в мире. Пессимизм, субъективное толкование свободы, отрицание рационального познания и утверждение интуитивного (непосредственного) постижения реальности [2, с. 1048]. Выделив в качестве изначального и подлинного бытия само переживание, экзистенциализм понимает его как переживание субъектом своего «бытия-в-мире» [3, с. 788].

Экзистенциализм выступает и в трактовке свободы личности, которой много внимания уделяют современные западные экономисты, особенно сторонники «свободы предпринимательства». Они отрицают социальное содержание свободы, отрицают необходимость, отождествляя ее с принуждением. Они выдвигают на первый план проблему выбора, в котором видят важнейшее содержание свободы. В действительности выбор вовсе не является произвольным актом, он обусловлен в первую очередь характером общественного строя.

О сближении политической экономии с различными философскими, религиозными учениями свидетельствует западногерманский неолиберализм. Один из видных представителей неолиберального направления, А. Рюстов, заявил: «Все христианские направления... а особенно учение католической церкви, совместимы с нашим неолиберализмом. Поэтому важно видеть, особенно учитывая существующую ныне угрозу миру, что в принципе нет никакой несовместимости между христианством и неолиберализмом и что из этого вытекает возможность образования общего фронта как против старого либерализма, так и особенно против коммунизма и большевизма».

Таким образом, по этой небольшой статье уже видно, насколько важно в первую очередь изучить и проанализировать философские основы того или иного экономического направления в теоретической экономике.

Библиографический список

1. *Рындина М.Н.* Методология буржуазной политэкономии – М.: Мысль, 1969. – 300 с.

2. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 1600 с.

3. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф. Ильичева и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.

В.В. Дидык, Е.Е. Емельянова, Н.А. Серова

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РЕГИОНА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ОСВОЕНИЯ НЕФТЕГАЗОВЫХ РЕСУРСОВ АРКТИЧЕСКОГО ШЕЛЬФА

Преамбула. *В статье рассматриваются вопросы потенциальных последствий реализации крупномасштабных инвестиционных проектов связанных с освоением и транспортировкой углеводородных ресурсов в Западной Арктике с позиций социально-экономических интересов населения Мурманской области.*

Долговременные стратегические перспективы нефтегазодобычи в России во многом связаны с Арктическим шельфом. Намечаемые к осуществлению инвестиционные проекты по освоению этих ресурсов, и, прежде всего, Штокмановского газоконденсатного месторождения, по своему масштабу превышают не только региональные, но и национальные рамки.

Значительная часть работ в ходе реализации проектов, будет осуществляться на территории Мурманской области. Их стоимость оценивается в несколько миллиардов долларов [2]. Планируется также наращивание объемов перевалки нефти, отправляемой на экспорт, в портах Мурманской области. В соответствии с планами развития Мурманского портового транспортного узла объем перевалки нефти здесь составит более 24 млн. тн. в 2010 г., а к 2015 может превысить 30 млн. тн. [3]. Ведется подготовка к строительству новых специализированных перегрузочных терминалов и развитию других объектов транспортной инфраструктуры.

© В.В. Дидык, Е.Е. Емельянова, Н.А. Серова, 2006

Все эти проекты способны оказать заметное воздействие на экономическую и социальную ситуацию в регионе. Очевидно, что регион заинтересован в максимизации выгод и предотвращения потенциальных отрицательных последствий реализации указанных проектов. При этом выгодными для региона будут такие последствия, которые соответствуют социально-экономическим интересам его населения в части улучшения условий и качества жизни, обеспечения принципов устойчивого развития, учитывающих потребности нынешнего и будущих поколений.

В Стратегии экономического развития Мурманской области на период до 2015 г. и в различных заявлениях руководства области проекты освоения шельфовых углеводородных ресурсов рассматриваются как факторы экономического роста и нового направления развития экономики региона, т.е. всемерно одобряются и поддерживаются. Действительно, экономика Мурманской области нуждается в новом импульсе развития, поскольку большинство действующих производств не обладают потенциалом такого роста и ориентируются на поддержание существующих объемов выпуска. Вместе с тем, необходимо учитывать, что выгоды осуществления крупномасштабных инвестиционных проектов для местных сообществ, как показывает опыт других регионов, проявляются далеко не автоматически. Потенциальные последствия осуществления проектов с позиций интересов региона, его населения, могут быть как позитивными, так и негативными. К первым можно отнести: создание новых, хорошо оплачиваемых рабочих мест в период инвестиционной и эксплуатационной фазы проекта; рост загрузки (доходов) местных подрядчиков, поставщиков товаров и услуг для нужд проекта; рост поступлений в региональный бюджет, что увеличивает возможности расходования средств на социальные нужды.

Потенциальные негативные последствия связаны с: возрастанием нагрузки на окружающую природную среду и риск аварийного загрязнения природы с экономическим и социальным ущербом; возрастанием нагрузки на существующую сеть производственной и социальной инфраструктуры, что может ограничить доступ к ней местных потребителей; ростом цен на услуги, недвижимость; усилением дифференциации населения по доходам и вызываемым этим ростом социальной напряженности.

Следует отметить, что указанные негативные последствия крупномасштабных проектов для населения в полной мере проявились при освоении шельфовых месторождений на Сахалине (проекты Сахалин-1 и Сахалин-2), [1; 4].

С другой стороны, вполне реально предусмотреть меры, как, например, в Норвегии, обеспечивающие соблюдение интересов населения и получение выгод для местных сообществ при осуществлении подобных крупномасштабных проектов. Так, в соответствии с установленными в Норвегии законодательными требованиями, при подготовке к реализации проекта по освоению газоконденсатного месторождения «Сновит» (Белоснежка) на шельфе Баренцева моря, управляющая проектом компания «Статойл» выполняла ряд процедур, которые позволяют учесть весь спектр последствий (включая экономические, социальные, экологические и другие) и предотвратить их негативное влияние на население региона [6]. Кроме того, была создана общественная организация «Экономическое сообщество Сновит», задачей которого является достижение как можно большего количества контрактов операторов проекта с региональными предприятиями. Такая организация подготовки и осуществления проекта действительно обеспечивает учет и защиту интересов местного населения.

Анализ показал, что действующее российское законодательство имеет недостатки, из-за которых интересы местного населения, с точки зрения возможных последствий осуществления проектов, оказываются недостаточно защищенными. В частности, в законодательстве устанавливаются требования к проектам, предусматривающие, главным образом, защиту окружающей природной среды. Так, в Положении об оценке воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации, акцент в большей степени сделан на вопросы экологических последствий, поскольку соответствующие документы представляются на государственную экологическую экспертизу. Оценка социальных, экономических и иных последствий носит подчиненный характер (предусматривается «прогнозирование экологических и связанных с ними социальных и экономических последствий»). В указанном Положении предусмотрена необходимость выявления общественного мнения о проектах и проведения общественных обсуждений, однако в целом соответствующие процедуры недостаточно четко

регламентированы, не установлены меры ответственности и другие средства, обеспечивающие выполнение установленных требований, из-за чего они часто нарушаются.

Поэтому целесообразно взамен существующего подзаконного акта принять специальный федеральный закон, предусматривающий более четкие требования по всему комплексу вопросов, связанных с регулированием осуществления инвестиционных проектов и их последствий. В частности, в нем должна быть предусмотрена обязанность инициаторов проектов представлять для рассмотрения в государственные и муниципальные органы власти, а также для общественных обсуждений результаты исследования и отчет о комплексной оценке последствий осуществления проекта. Она должна включать учет экономических, социальных, экологических и других последствий проекта для местного населения. Такие отчеты должны проходить тщательную независимую экспертизу и нормативно регламентированные общественные обсуждения. В случае возникновения противоречий должны быть предусмотрены регламенты проведения согласительных процедур и порядок компенсационных мер, если имеет место ущемление интересов местного населения. Подобный порядок действует в Норвегии, что и позволило избежать конфликтов инициаторов проектов с местными сообществами, в отличие от ситуации с проектами Сахалин-1 и Сахалин-2.

Для выявления существующих предпосылок реализации общественного участия в решениях по проектам с позиций готовности и заинтересованности населения области в таком участии нами был использован метод социологического опроса. В анкету опроса, в рамках проводимого Институтом экономических проблем КНЦ РАН мониторинга общественного мнения по различным аспектам общественной жизни, были включены вопросы, касающиеся проектов освоения и транспортировки нефтегазовых ресурсов. Опрос проводился в ноябре 2005г. и в июне 2006г. в семи городах области по представительной выборке, превышающей 1500 респондентов.

Установлена высокая степень заинтересованности населения области в получении информации о нефтегазовых проектах. Доля давших утвердительный ответ на соответствующий вопрос в среднем по области составила 64,2 %. В отдельных городах эта доля еще выше (например в Мурманске – более 70%). Следует отметить, что опрос, проведенный в ноябре 2005 г. показал, что большая часть населения (51% в среднем по области) не удовлетворена уровнем их информирования по этим вопросам в СМИ.

На вопрос «Считаете ли Вы необходимым учет Вашего мнения при принятии решения о реализации проектов, связанных с добычей и транспортировкой нефтегазовых ресурсов в Мурманской области?» утвердительный ответ в ноябре 2005 г. дали 38% опрошенных, а в июне 2006 г. уже 53 %.

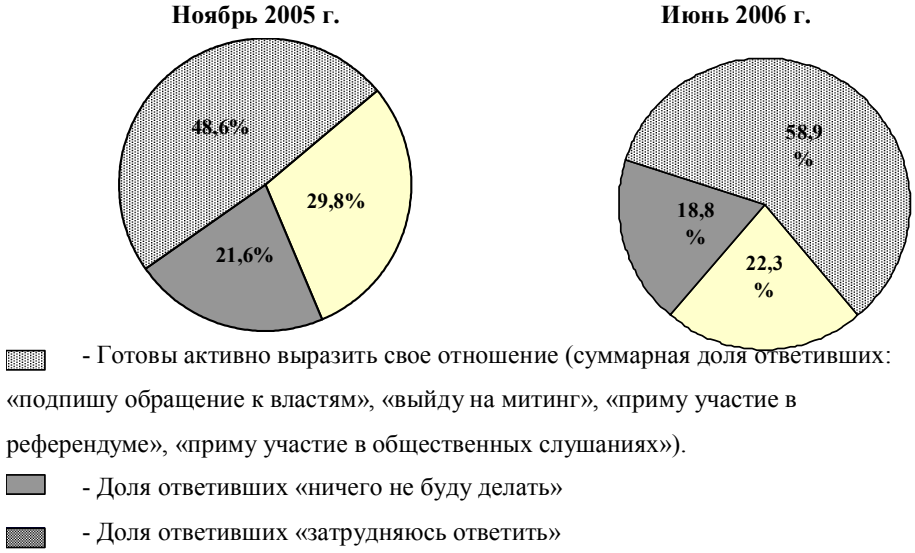


Рис. Доля ответивших на вопрос:
«Каким образом Вы готовы выразить отношение к этим проектам?»

Следующий вопрос касался мнения людей о необходимости проведения общественных обсуждений при подготовке к реализации проектов. Подтвердили такую необходимость в среднем по области большинство опрошенных (в 2005 г. – 52,6%, в 2006 г. – 64,7%). В 2005 году наибольшую заинтересованность в проведении общественных обсуждений по городам проявили жители Мурманска и Апатитов (соответственно 65,8 и 68,0%). Однако опрос 2006 г. показал, резкий всплеск интереса к проведению общественных обсуждений и в других городах области. Можно говорить о том, что, несмотря на отсутствие традиций общественных обсуждений хозяйственных решений затрагивающих жизнь области, большинство людей осознают необходимость проведения таких мероприятий.

Один из вопросов выявлял степень готовности и предпочтительные формы выражения своего отношения к проектам. Готовность активно выразить свое отношение к проектам (подписать обращение к властям, участвовать в референдуме, выйти на митинг) выразили в среднем по области в 2005 году – 48,6%, в 2006 году – 58,9% опрошенных. Доля не определившихся (выбравших вариант «затрудняюсь ответить»), достаточно велика (в 2005 году – 29,8%, в 2006 году – 22,3%), поэтому существует значительный потенциал роста числа активных участников рассматриваемых процессов (рис.).

Таким образом, результаты социологического опроса показали достаточно высокую степень заинтересованности в информации о нефтегазовых проектах, готовности к участию в общественных обсуждениях и различных формах отстаивания своих интересов. Следовательно, нормативно закрепленные гарантии общественного участия позволят реализовать такую готовность и защитить интересы населения региона, которые и должны выступать в качестве главного критерия оправданности принимаемых решений по проектам.

В целом для обеспечения соблюдения социально-экономических интересов региона и его населения считаем необходимым осуществление системы мер, включающую:

– принятие федерального закона, предусматривающего установление требований к инициаторам крупномасштабных инвестиционных проектов осуществлять меры по предотвращению негативного воздействия на местное сообщество (на основе комплексного исследования социально-экономических и других последствий);

– принятие регионального закона о порядке проведения общественных обсуждений (слушаний) и учета мнения местного населения при принятии решений связанных с реализацией крупномасштабных инвестиционных проектов;

– заключение договора между губернатором и инициаторами крупномасштабных проектов об условиях их осуществления с позиций учета и соблюдения интересов региона и местного населения;

– разработку комплексной программы обеспечения безопасности и предотвращения негативных последствий осуществления нефтегазовых проектов, а также создание общественного контрольного и консультативного органа (организации), обеспечивающего выполнение и развитие данной программы;

– формирование финансового фонда за счет взносов, главным образом, инициаторов проектов для реализации выполнения мероприятий комплексной программе по обеспечению безопасности и предотвращению их негативных последствий.

Реализация указанных мер позволит достичь баланса интересов вовлеченных и затрагиваемых проектами сторон, обеспечивающего соблюдение принципов устойчивого развития региона на основе сочетания экономической эффективности, социальной справедливости и экологической безопасности.

Библиографический список

1. *Бугаев М.* Нефтедоллары – зло или благо? // Все живое. – 2004. – №3. – С. 3–5.

2. *Горбунов В.Б.* Кольский край с инвестициями крепнет // Экономика и время. – 2006. – 30 янв.

3. *Денисенко Е.* Перекресток больших дорог // Эксперт Северо-Запад. – 2005. – 12 дек.

4. *Лазебник Л.* Негативные воздействия строительства завода СПГ (проект «Сахлин-2») на сообщество жителей г. Корсаков и местную инфраструктуру /http://www/akhalin.environment.ru

5. *Спиридонов В.А., Субботина Е.Б.* Уроки разлива нефти в Онежском заливе. Транспортировка углеводородного сырья через порты Белого моря / Проблемы и возможности для устойчивого развития муниципалитетов: Материалы международной конференции, г. Кандалакша, Мурманская обл., 6–7 октября 2004г. / Сост. Г.А. Хорева. – Мурманск: ККЭЦ «Гея», 2004. – С. 27–30

6. *Черанева Н.В.* Согласование интересов региона и инвесторов при разработке шельфовых месторождений на Севере (на примере Норвегии) // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2004. – №3. – С. 58–66.

М.В. Ульченко

РОЛЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ РФ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СТАТИСТИКИ (на примере Мурманской области)

Для принятия эффективных управленческих решений органами власти всех уровней управления, хозяйствующими субъектами необходимо располагать большим объемом информации. Под эффективными управленческими решениями автор понимает принятие таких решений, результатом реализации которых является повышение уровня социального и экономического развития территории, хозяйствующего субъекта. Между тем, неверная оценка экономической ситуации или неправильная интерпретация экономических новостей часто бывают связаны с ошибочным принятием решений и, как следствие, отрицательным влиянием на состояние и развитие социальной и экономической сфер территории.

С целью определения роли территориальных органов Федеральной службы государственной статистики в региональной системе статистики целесообразным является исследование вопроса об источниках, типах и потребителях региональной информации.

Потребителями статистической информации (рис. 1) являются органы власти и управления различных уровней, коммерческие предприятия и организации, научные и образовательные учреждения, граждане, перепродавцы информации. При этом, как показывает практика, органы власти и управления в процессе реализации своих задач в основном базируются на статистической информации, предоставляемой государственными органами статистики.

Если представить процесс производства статистической информации как процесс производства продукции, то, разложив его на три этапа, получаем: 1) производство первичной статистической информации (сырье); 2) обработка статистической информации (полуфабрикат); 3) результаты анализа статистической информации (готовый продукт).

Источниками первичной информации (производителями сырья) являются население региона и муниципальных образований в процессе проведения социологических опросов, переписи населения; хозяйствующие субъекты в процессе предоставления бухгалтерской и финансовой отчетности.

Первичную обработку статистической информации (производство полуфабриката) осуществляют: департамент финансов при администрации Мурманской области, департамент экономики при администрации Мурманской области, Государственная налоговая служба, Государственный таможенный комитет, Областной комитет труда и социального страхования, областной комитет образования, областной комитет здравоохранения и пр. (рис. 2).

В целом вся статистическая информация мобилизуется в Мурманскстате, где обрабатывается в соответствии с существующими и применяемыми Росстатом методиками. Мурманскстат

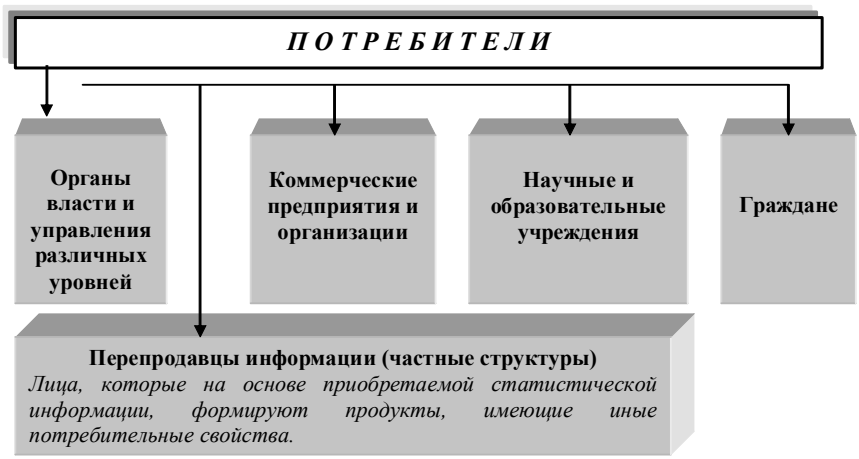


Рис. 1. Потребители статистической информации

© М.В. Ульченко, 2006

организует и проводит государственные федеральные и региональные статистические наблюдения, выпускает информационно-аналитические материалы, оказывает статистические услуги, проводит единовременные обследования социальной и экономической сторон жизни области, является единственным в регионе органом, владеющим многоотраслевой и систематически обновляющейся экономико-статистической информацией.

Готовая продукция в виде информационно-аналитической статистики в Мурманской области если

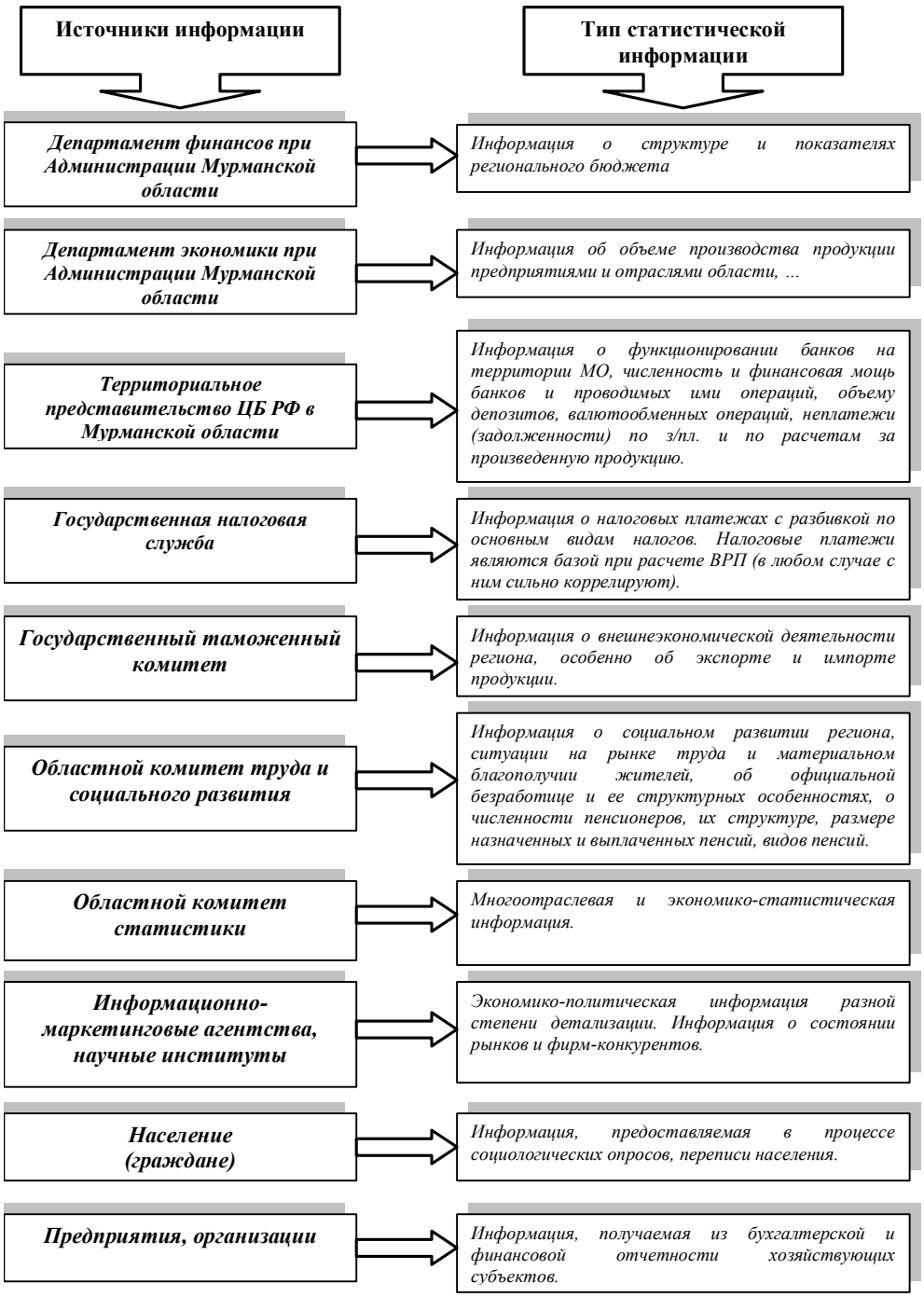


Рис. 2. Источники и виды информации

и выпускается, то исключительно в локальном разрезе (по отдельным отраслям экономики области, отдельным хозяйствующим субъектам, отдельным сферам социальной составляющей в жизни области и т.д.). Эту группу статистической информации производят научные институты, а также информационно-маркетинговые агентства.

В последние годы параллельно с органами государственной статистики активно начали осуществлять свою деятельность множество компаний, предлагающих различную экономико-политическую информацию разной степени детализации. В таблицах 1, 2 представлены основные, по мнению автора, преимущества и недостатки в процессе деятельности органов государственной статистики и негосударственных информационно-маркетинговых компаний.

В соответствии с вышеизложенным, реализация основных задач территориальных органов Федеральной службы государственной статистики в настоящее время зависит от четкого определения их роли. Либо они видят себя в качестве поставщика статистического информационного сырья, нуждающегося в глубокой переработке и имеющего незначительную долю рынка продаж, либо производителя готового статистического информационного продукта. Вместе с тем, современные социально-экономические процессы, происходящие в Мурманской области и в большинстве субъектов РФ вследствие реализации стратегий и программ социально-экономического развития, требуют применения «готовой продукции» в виде статистической информации. Несмотря на достаточно широкий круг источников (производителей информации), центральными элементами региональной системы статистики были и остаются территориальные органы Федеральной службы государственной статистики, основными пользователями которых являются органы государственной власти и управления.

С целью усиления роли территориальных органов Федеральной службы государственной статистики целесообразной представляется разработка концепции развития информационно-аналитических услуг предоставляемых государственными статистическими органами, так как региональная система статистики должна существовать как информационная среда для принятия государственных решений, обеспечения процесса реализации стратегии социально-экономического развития области и ее муниципальных образований. Это означает, что для более полного и глубокого обеспечения потребностей ор-

Таблица 1

Негосударственные информационно-маркетинговые агентства (частные структуры)

Преимущества	Недостатки
1. Высокая мобильность. 2. Высокая степень личной заинтересованности в качестве и объемах предоставляемой информации. 3. Возможность привлечения в разработку информационных ресурсов финансовых инвестиций (российских и зарубежных). 4. Возможность проведения крупномасштабных рекламных кампаний.	Наличие значительных сложностей: – при проведении сбора детализированной информации в масштабах государства, на межрегиональном и региональном уровнях; – в доступе к первичной информации о финансово-экономическом состоянии предприятий, организаций, учреждений, кредитно-финансовых институтов.

Таблица 2

Территориальные органы Федеральной службы государственной статистики

Преимущества	Недостатки
1. Большой опыт работы. 2. Детализированный первичный учет. 3.Организованная система сбора информации и охват всех сфер деятельности. 4. Отсутствие необходимости привлечения значительных инвестиций в разработку информационных ресурсов. 5. *Ведение подробной базы данных своей клиентуры* из числа субъектов своего региона, что открывает большие возможности для персональной работы с каждым из них.	1. Длительный период сбора и обработки информации. 2. Невысокое качество статистической информации.

ганов власти и управления всех уровней, инфраструктуры бизнеса в статистической и аналитической информации является необходимым трансформирование системы сбора, обработки и создания готового информационно-аналитического продукта государственными органами статистики.

Н.А. Калина

МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

В соответствии с тенденциями развития в XXI веке мировое сообщество и Россия осуществляют переход от сравнительно устойчивого биполярного мира к новому геоэкономическому мироустройству. Переходный период характеризуется, прежде всего, динамичным формированием такой тенденции, как интеграция в мировое хозяйство.

Сущность международной экономической интеграции определяется как процесс хозяйственно-политического объединения стран на основе развития глубоких устойчивых взаимосвязей

Таблица 1

Признаки типологии интеграции

Тип интеграции	Признаки
Зона свободной торговли	Форма соглашения, когда участники договариваются о снятии таможенных тарифов и квот в отношении друг друга. При этом к третьим странам – у каждого своя политика. Примеры: НАФТА, АНЗСЕРТА, раньше ЕЭС.
Таможенный союз	Единая таможенная политика по отношению к третьим странам. Однако возникают и более серьезные внутренние противоречия. Примером может служить ЕЭС.
Общий рынок	Полное устранение препятствий для перемещений всех факторов производства между странами-участницами. В процессе решения находятся такие вопросы, как: полное согласование экономической политики и т.д., выравнивание экономических показателей.
Экономический союз	Возникает на этапе высокого экономического развития. Проводится согласованная (или даже единая) экономическая политика и дна этой основе идет снятие всех препятствий. Создаются межгосударственные (надгосударственные) органы. Идут крупные экономические преобразования во всех странах-участницах.
Валютный союз	Форма экономического союза и одновременно крупная составляющая экономического союза. Характерными чертами валютного союза являются: 1. Согласованное (совместное) изменение национальных валют. 2. Установление по соглашению фиксированных валютных курсов, которые целенаправленно поддерживаются Центробанками стран-участниц. 3. Создание единой региональной валюты. 4. Формирование единого регионального банка, являющегося эмиссионным центром этой международной валютной единицы. В развивающихся странах под валютным союзом понимают клиринговые соглашения.
Полная экономическая интеграция	Единая экономическая политика и, как следствие, унификация законодательной базы. Условия: – общая налоговая система; – наличие единых стандартов; – единое трудовое законодательство и т.д.

 © Н.А. Калина, 2006

и разделения труда между национальными хозяйствами, взаимодействия их воспроизводственных структур на различных уровнях и в различных формах (признаки типологии интеграции представлены в таблице 1).

Объектом международной экономической интеграции являются, прежде всего, отношения властного влияния, поскольку ее цель – достижение прочных, главенствующих позиций в экономической сфере общества, являющейся базовой для политических отношений.

Под воздействием процессов глобализации, интеграция обуславливается резким расширением и усложнением экономических взаимосвязей и взаимозависимостей между государствами, субъектами-участниками и между людьми, что выражается в процессах создания планетарного информационного пространства, мирового рынка капиталов, товаров, рабочей силы и услуг.

Вместе с тем, экономическая интеграция в мировое хозяйство сопровождается определенными страновыми, финансовыми, экологическими, промышленными и другими рисками, имеющими экономический и социально-политический характер. Среди них наиболее ощутимыми по негативному воздействию являются:

– растущий разрыв в уровне благосостояния и степени вовлеченности в процессы интеграции между богатыми и бедными странами, оставляющий последним весьма невыгодный выбор для развития – зависимость или изоляцию;

– вытеснение из сферы занятости значительного числа работников, а значит, рост безработицы, и как следствие – социальная нестабильность в обществе;

– приобретение организованной преступностью наднационального характера.

Тенденции развития экономики в условиях международной экономической интеграции обусловливают изменения системы безопасности преимущественно в пользу наиболее высокоразвитых стран, что представляет угрозу для экономической безопасности России.

Тенденция трансформации классических подходов к функциям государства ведет к потере контроля со стороны государственных органов за разработкой правил, теории и инструментов общественной жизни, в том числе происходит пересмотр концепции суверенитета государства в сторону его уменьшения, а также либерализация экономических границ. Многие рычаги экономической политики государства теряют свою действенность.

Потеря контроля над территорией и переход связанных с этим государственных функций от национально-государственной бюрократии к надгосударственной и стоящим за ними элитам принципиально изменяют всю систему обеспечения экономической безопасности.

Вследствие этого возникает угроза экономической безопасности России в различных сферах. В этих условиях для России остро стоит проблема согласования процессов формирования нового социально-экономического порядка и государственного управления экономикой, участие в процессах международной экономической интеграции экономик и вхождение в мировое хозяйство на выгодных условиях в интересах обеспечения экономической безопасности.

Анализ положительных и отрицательных последствий международной экономической интеграции представлен в таблице 2. Из таблицы видно, что международная экономическая интеграция наряду с, безусловно, положительным влиянием на экономическое развитие субъектов-участников оказывает и отрицательное воздействие на более слабых (экономически более отсталых) субъектов, что проявляется в оттоке ресурсов и перераспределении большей выгоды в пользу сильных партнеров. Такое положение обусловливает неравноправие участников экономической интеграции и возникновение угроз экономической безопасности менее развитых государств.

Международная экономическая интеграция представляет собой процесс объединения мировых хозяйствующих субъектов в интересах достижения максимальной выгоды из международного разделения труда, а также получения определенной доли властных полномочий с одновременным сокращением функции государства в управлении обществом. Вместе с тем, международная экономическая интеграция не тождественна по содержанию глобализации, так как имеет определенную экономическую направленность и преимущественно субъективный характер происхождения. Она отличается по сущности и содержанию от глобализации и может быть определена следующим образом: международная экономическая интеграция, как процесс, представляет последовательное объединение государственных и негосударственных институтов в целях решения международных глобальных проблем и достижения односторонних преимуществ субъектов этого процесса, оказывающее влияние на управление дела-

ми общества, систему общественных отношений и социальный порядок. Процесс глобализации является более широким по содержанию, чем интеграция и на нынешнем этапе выступает в качестве важного фактора интеграции.

Тенденция трансформации классических подходов к функциям государства, проявляющаяся в интеграции, ведет к потере контроля со стороны государственных органов за разработкой правил, теории и инструментов общественной жизни, в том числе происходит пересмотр концепции суверенитета государства в сторону его уменьшения, а также либерализация экономических границ. Многие рычаги экономической политики государства теряют свою действенность. Потеря контроля над территорией и переход связанных с этим государственных функций от национально-государственной бюрократии к надгосударственной и стоящим за ними элитам принципиально изменяют всю систему обеспечения экономической безопасности преимущественно в пользу наиболее высокоразвитых стран, что представляет угрозу для экономической безопасности России.

Для обеспечения экономических интересов России необходимы специальные механизмы, основными из которых могут быть: интеграционный механизм экономических отношений с государствами СНГ, опирающийся на четкие внутренние механизмы, ответственные за реализацию государственной политики в отношении стран Содружества, что является важным фактором включения России в мировые политические и экономические структуры; механизмы конкурентоспособности в борьбе за рынки сбыта для своих товаров, основывающиеся на концентрированном выражении экономических, научно-технических, производственных, организационно-управленческих, маркетинговых и других возможностей, а также экономико-географического положения регионов страны.

Механизмы конкурентоспособности включают: а) промышленные, региональные и локальные кластеры, формируемые с учетом исторических предпосылок развития региона, местных национальных особенностей развития экономики: этнических черт, уникального экономико-географического положения и на основе местных специфических навыков производства; б) максимальный учет возможностей развития субъектов вне промышленных кластеров, а также их влияния на условия для проявления факторов конкурентных преимуществ; в) системы инноваций: национальную, представляющую линейную инновационную модель (сверху вниз); региональные и локальные системы инноваций, разделенные на части производственной структуры и институциональной системы, которые территориально интегрированы и «врезаны» в определенный регион и характеризуются интерактивной инновационной моделью (снизу вверх), являющиеся главной причиной технологического изменения и улучшения экономической ситуации.

Применявшийся до сих пор инструментарий нормативно-правовой базы экономического сотрудничества с субъектами международной экономической интеграции является для России недостаточным для решения более широких задач социального и экономического развития. Условием выработки приемлемой стратегии выступает выявление закономерностей обеспечения экономической безопасности в организации защиты национальных интересов России в ходе формирования и обеспечения целостной системы ее экономического взаимодействия с мировой хозяйственной системой.

Таблица 2

Положительные и отрицательные последствия международной экономической интеграции

Положительные последствия	Отрицательные последствия
1. Увеличение размеров рынка – эффект от масштабов производства (для стран с малой емкостью национального рынка), на этой основе необходимость определения оптимального размера предприятия. 2. Возрастает конкуренция между странами, дающая новый толчок производственным процессам. 3. Обеспечение лучших условий торговли (снятие таможенных барьеров). 4. Расширение торговли параллельно с улучшением инфраструктуры. 5. Распространение передовой технологии.	1. Для экономически более отсталых стран экономическая интеграция приводит: – к оттоку ресурсов (факторов производства); – к перераспределению большей части экономической выгоды в пользу сильных партнеров. 2. Олигопольный сговор между транснациональными корпорациями стран-участниц, что приводит к повышению цен. 3. В условиях расширения масштабов производства при очень сильной его концентрации увеличивает эффект потерь.

Стратегия развития российской экономики должна осуществляться с помощью нормативно-правовой базы обеспечивающей решение следующих основных задач: интенсификация интеграционного процесса в Содружестве независимых государств, повышение результативности взаимодействия его участников; последовательное безотлагательное проведение линии на приоритетное развитие взаимодействия с участниками интеграционного процесса в целях поиска конструктивных путей согласования своих национальных интересов с интересами партнеров путем выстраивания реальных деловых межгосударственных программ и конкретных проектов, предусматривающих четкие взаимные обязательства участников и жесткие механизмы их реализации; последовательное укрепление экономических связей на основе практического взаимодействия предпринимательских и банковских структур; реорганизация многочисленных структур государства, сформировавшихся без продуманного плана и действующих зачастую разрозненно, что позволило бы повысить действенность вырабатываемых решений и обеспечить их выполнение; упорядочение нормативно-правовой базы сотрудничества, приведение ее в соответствие с нормами международного права. Что должно повысить эффективность механизма интеграционного сотрудничества Российской Федерации и обеспечить совместимость российской экономики с развитием отношений с мирохозяйственными структурами.

Направления реализации приоритетных направлений повышения экономической безопасности могут быть следующими: формулирование программы развития социально ориентированной рыночной экономики; определение долгосрочных альтернатив, целей и приоритетов, учитывающих понимание возможных ресурсных и временных ограничений на их достижение и придающих смысл и задающих рамки дальнейшего становления рыночной экономики, а также позволяющие отсечь или скорректировать волюнтаристские действия, не просчитанные в своих последствиях и по своей цене; сохранение в основном традиционных методов кредитно-финансового регулирования и внешней поддержки отечественных субъектов экономической интеграции; усиление сбалансированной регулирующей роли государства с целью рационального использования внутренних ресурсов российской экономики и создания институциональной инфраструктуры рынка; усиление защиты собственности и контроля за ее эффективным использованием для увеличения доходной части бюджетов всех уровней; формирование активной позиции в сохранении и использовании природных ресурсов страны, разработка и проведение программы протекционизма по отношению к отечественному производителю и отечественным товарам с возможно более жестким режимом перемещения товаров через государственную границу.

В целях выявления перспективных нововведений, выбора приоритетных направлений научно-технической, структурной, денежно-кредитной, инвестиционной, промышленной и других составляющих экономической политики, целесообразно перейти к системе индикативного планирования, включающей: а) макроэкономические прогнозы; б) выбор приоритетов научно-технического и социально-экономического развития страны и регионов; в) планы развития государственного сектора; г) целевые государственные программы; д) показатели денежно-кредитной, налоговой, амортизационной и таможенной политики.

В качестве основных среднесрочных приоритетов экономической политики России по обеспечению экономической безопасности могут быть следующие: восстановление государственных функций по целеполаганию и программированию развития; восстановление и сохранение равновесия между степенью открытости экономики и интересами отечественных производителей в условиях, с одной стороны, крайнего превышения пороговых норм экономической безопасности, а с другой, формирования новой архитектуры мировой экономики; осуществление инвентаризации, контроля и управления внутренними и внешними государственными долгами и активами; повышение доходов и на этой основе платежеспособного спроса населения и товаропроизводителей; усиление роли социального партнерства в обеспечении стабильной поддержки социальной и экономической политики; обеспечение и защита экономической самодеятельности и предпринимательской инициативы населения; реструктуризация конкурентоспособных отраслей отечественной промышленности с целью создания конкурентоспособных структур; развитие экономических основ федерализма не только на базе распределения предметов ведения, но и по пути формирования механизмов бюджетного регулирования.

Формирование стратегии реализации приоритетных направлений обеспечения экономической безопасности Российской Федерации может формироваться субъектами-участниками на основе следующих групп принципов: 1) отражает наиболее существенные стороны политики обеспечения безопасности и включает: принцип альтернативности; принцип взаимной адаптации и принцип гибкости; 2) принципы формирования политики обеспечения экономической безопасности на уровне политико-экономических технологий, которые отображают симметричный, взаимодополняющий, универсальный, системный характер и реализуют принципы альтернативности, взаимной адаптации и гибкости в реальных условиях с учетом жизненно важных интересов государства.

Регулирующая роль государства является закономерным явлением в условиях индустриально-рыночного развития, что обусловливается необходимостью резкого расширения системы мер инфраструктурного характера. Новое качественное состояние рыночного производственного механизма требует нахождение способов внешней его коррекции в условиях международной экономической интеграции с целью обеспечения экономической безопасности страны, что не в состоянии сделать изнутри сам рыночный механизм.

Методами экономической политики воздействия государства на субъекты рыночной экономики являются следующие: методы прямого воздействия – предписание определенных правил, при которых субъекты экономики вынуждены приходить к решениям, основанным не на самостоятельном экономическом выборе; методы косвенного воздействия – создание предпосылок к тому, чтобы при самостоятельном выборе экономических решений субъекты тяготели к тем вариантам, которые соответствуют целям экономической политики; организационно-институциональные методы, которые включают: административные (запрет, разрешение, принуждение), экономические (финансовая политика, финансовый механизм, денежно-кредитная политика, кредитный механизм) и институциональные: формирование исполнительных структур государственной власти; создание и поддержание объектов государственной собственности; подготовка экономических программ и экономических прогнозов; поддержка исследовательских центров по экономике, институтов экономической информации, торгово-промышленных палат, различных экономических советов и союзов; обеспечение функционирования институтов советников, консультантов, экспертных советов по ключевым и др. проблемам экономики; правовая и информационная поддержка предпринимательских и профессиональных союзов, рациональных форм их взаимодействия; соучастие в создании форм международной и внутригосударственной экономической интеграции, организация регулярных международных встреч по экономическим вопросам.

С.В. Палаш

ИНСТИТУТЫ И ИНФОРМАЦИЯ

Институты и информация сегодня являются важными факторами развития экономических отношений. При анализе этих факторов необходимо рассмотреть не только их влияние на эволюцию системы экономических отношений и на современные тенденции в их развитии, но и те аспекты, которые делают наглядными взаимосвязи собственно между институтами и информацией. С нашей точки зрения, можно выделить следующие аспекты: информационные факторы доверия; историческая обусловленность развития; информация и институты в условиях глобализации; информационные причины существования и развития рыночных институтов; институциональные ловушки и др.

Информационные факторы доверия являются важной группой факторов развития рыночных отношений, и данные вопросы находились и находятся в сфере интересов многих исследователей. Одной из наиболее актуальных проблем российской экономики сегодня является формирование благоприятного инвестиционного климата и целенаправленное формирование привлекательного инвестиционного имиджа [8, с. 25–31].

© С.В. Палаш, 2006

А. Шаститко и Е. Яковлева предлагают различать тесно связанные понятия – инвестиционный климат и инвестиционный имидж [8, с. 25]. Если инвестиционный климат определяется как комплекс объективных условий инвестирования, то инвестиционный имидж является комплексным отражением различных аспектов инвестиционного климата в представлениях инвесторов. Инвестиционный имидж формируют три взаимосвязанных фактора: фактическое состояние инвестиционного климата, представления или предпочтения инвесторов, характер информации о положении дел в стране [8, с. 25]. Объективные характеристики инвестиционного климата страны и их восприятие иностранным бизнесом нередко существенно расходятся. Устойчивое несоответствие между инвестиционным климатом и инвестиционным имиджем необходимо преодолевать путем целенаправленных действий, однако эффективность этих действий определяется, прежде всего, действительным состоянием инвестиционного климата. Так, информация должна быть как можно более полной и должна адекватно отражать существующую действительность, только тогда она (информация) вызовет доверие, являющееся в данном случае уверенностью инвестора в эффективности возможных инвестиций. О взаимосвязях «уверенности» и «реальности» писал Дж. Стиглиц: «Уверенность играет роль, но ее нельзя создать при помощи волшебной палочки. Именно экономическое оживление обеспечивало уверенность, а не наоборот. Уверенность может быть очень полезным источником положительной “обратной связи”, но без стоящих за ним фундаментальных основ для оживления… никакая ободряющая пропаганда, каким бы ни был ее масштаб, не могла бы изменить реальности» [6, с. 92–93 цит. по 8, с. 26].

Историческая обусловленность развития как аспект взаимосвязей между институтами и информацией выражается в исторически сложившимся в каждой отдельной стране формировании формальных и неформальных институтов (т.е. обусловленным событиями прошлого «накоплением» институциональной информации), что и сегодня отражается на особенностях функционирования рыночных институтов в разных странах. Наглядной иллюстрацией тому, что институты рынка имеют национальные черты или особенности является, например, сравнение роли банковского кредита и рынка ценных бумаг в экономике отдельных промышленно развитых стран. Секьюритизация наиболее быстрыми темпами развивалась в странах с англосаксонской системой экономики, значительно медленнее – в европейских континентальных странах, у которых и особенно у Германии до 90-х годов были слабо развитые рынки ценных бумаг, то есть потребности в капиталах покрывались в основном за счет банковского кредитования [7, с. 94]. Отношение капитализации к ВВП по данным мировой федерации фондовых бирж в 2004 г. для Германии составило около 45%, для Швейцарии – 227%, Финляндии – 105%, США – 104%, Швеции – 97%, Испании – 87%, Японии – 69%, Италии – 42%, Австрии – 22% [7, с. 94]. Процессы секьюритизации в Германии менее заметны в силу традиционной тесной связи банков и промышленных компаний. В 2003 г. только в Германии из наиболее развитых стран мира объем банковского кредитования, выраженного в процентах к ВВП, превышал показатель «капитализация / ВВП» – 171 и 69% соответственно, в то время как у Франции – 113 и 120%, Великобритании – 131 и 179, США – 86 и 159, Швейцарии – 166 и 315 [7, с. 95].

По состоянию на 2005 год странами с наибольшим числом банков являются: США, Германия, Россия, Австрия, Франция [3, с. 77]. С. Моисеев отмечает, что при отсутствии ограничений равновесное число банков будет ниже, чем при наличии регулирования. Создание новых банков является рациональным ответом на ужесточение регулирования, попыткой обойти установленные барьеры и ограничения [3, с. 78]. Больше всего коммерческих банков действует в США – около 7,6 тыс. (для сравнения в еврозоне – 6,4 тыс. банков). Многочисленность американских банков обусловлена исторической спецификой регулирования. В 1927 г. Конгресс США принял Закон Макфэддэна, запретивший открытие филиалов банков в других штатах. В 1956 г. после принятия поправки Дугласа к Закону о банковской холдинговой компании банковским холдингам было запрещено приобретать банки в других штатах. Изначально идея ограничений предполагала усиление конкуренции местных банков; на практике она стимулировала создание множества банков в каждом штате. Хотя запрет на открытие филиалов и дочерних банков был позднее отменен, многочисленность банков в США сохранилась как историческое наследие [3, с. 77]. В Германии влияние банковского регулирования также было ве-

лико. После Второй мировой войны она была разделена на административно-территориальные единицы и оккупационные зоны, в которых действовали свои правила. Несмотря на отказ от этого деления в дальнейшем, региональные власти немецких земель обладали значительной автономией, в результате чего банки предпочитали региональную специализацию [3, с. 77–78].

К вопросам взаимодействия информации и институтов и тенденций развития институтов в условиях глобализации мы обращались в других статьях [5], отметим лишь, что общими тенденциями изменений институтов и институциональных структур в условиях глобализации являются «ассимиляция», «укрупнение» и унификация.

Обратимся к «информационным» причинам существования и развития рыночных институтов. Существование фирмы было объяснено Р. Коузом наличием ненулевых трансакционных издержек. Трансакционные издержки могут быть выведены из информационных издержек. Трансакционные издержки так или иначе связаны с издержками получения информации об обмене [4, с. 134]. Информационным факторам уделяется все большая роль в теориях развития различных рыночных институтов. В частности, в центре исследований в рамках направления, доминирующего в анализе ТНК с 1970–1980-х годов, – теорий трансакционных издержек и интернализации находятся преимущества экономической власти. ТНК, как иерархия, основанная на внутрифирменной власти, представляют собой альтернативный рынку инструмент организации взаимодействия с иностранными партнерами. Его использование вероятно в ситуации, когда издержки контроля в рамках ТНК ниже трансакционных издержек рыночных сделок или же при возникновении вследствие неэффективности государственного регулирования «провала» рынка, нуждающегося в корректировке с помощью иерархических структур [2, с. 68].

С «новой экономикой» или «информационной экономикой» связаны принципиальные изменения в деятельности компаний. Крупные корпорации проводят «декапитализацию», превращаясь в небольшие брэнд-компании (оболочечные фирмы), координирующие деятельность сети внешних структур. Ученые указывают на возникновение новых форм организации бизнеса: «сообществ добавленной стоимости», «гиперорганизаций» или «метарынков». При этом важным свойством новых бизнес-сообществ считается «размывание грани» между продавцом и покупателем, а также сочетание конкурентных и партнерских отношений [2, с. 70–71].

Теории банковского дела развивались от финансового посредничества к специализированной обработке информации [3, с. 80]. В конце 1970 – начале 1980-х годов возникло новое направление теории банковского дела, связанное с экономической теорией информации. Посредническая функция банков была дополнена сбором информации и ее обработкой, а также мониторингом финансового состояния заемщика. В теории делегированного мониторинга банк выступает в качестве особого рода посредника, специализирующегося на обработке информации о рисках. Остальные участники рынка доверяют ему проведение мониторинга заемщика. С ростом диверсификации банковского портфеля издержки делегированного мониторинга приближаются к нулю. Доход банка образуется за счет экономии на масштабе обработки информации. Так банки устраняют информационную асимметрию между поставщиком и получателем финансовых ресурсов. Кроме того, результатом банковской деятельности является сигнал организованным рынкам о кредитоспособности заемщика [3, с. 81–82].

Рассмотрим взаимодействие информации и институтов на примере такого явления как институциональная ловушка. Под институциональной ловушкой понимается неэффективное, но устойчивое состояние хозяйственной системы [1, с. 102]. Большинство таких явлений носит масштабный характер, но ограничены рамками национального хозяйства. Среди них выделяют: бартер, уклонение от налогов, коррупция, неплатежи и другие негативные явления переходных экономик [1, с. 102]. Все эти явления так или иначе связаны с асимметрией информации, основанным на ней оппортунистическим поведением, высокой ценой подчинения закону, бессистемностью институциональных изменений, противоречивостью формальных норм, неразвитостью рыночных институтов, что в целом негативно сказывается на уровне доверия в таком обществе и к такому обществу со стороны, в том числе и для целей экономических отношений.

Сейчас исследователи говорят о существовании глобальных институциональных ловушек [1, с. 102] и в качестве примера приводят корпоракратию, а именно объединение американских ТНК,

международных кредитных организаций и национальных правительств с целью «выкачивания» природных ресурсов из менее развитых стран. Следует отметить, что само существование корпоракратии основано на оппортунистическом поведении участников таких структур, возможном в условиях асимметрии информации, и поддерживающем такую асимметрию. Это не может не вызывать негативной реакции и оценки, а также не может не подпитывать снижение доверия к национальным правительствам, международным организациям, ТНК и к справедливости существующего миропорядка в целом. Такая почва продуктивна для развития конфликтов, хищнического обогащения «избранных», но никак не для развития демократии, конкурентных отношений и партнерских отношений на основе взаимного доверия.

Библиографический список

1. *Балацкий Е.* Глобальные институциональные ловушки: сущность и специфика // МЭ и МО. – 2006. – № 9. – С. 102–107.

2. *Либман А., Хейфец Б.* Мировые процессы транснационализации и российский бизнес // Вопросы экономики. – 2006. – № 12. – С. 61–79.

3. *Моисеев С.* Оптимальная структура банковского рынка: сколько банков нужно России? // Вопросы экономики. – 2006. – № 10. – С. 75–92.

4. *Олейник А.Н.* Институциональная экономика: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 416 с.

5. *Палаш С.В.* Институциональная информация и институциональные изменения в условиях постиндустриализации и глобализации // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова / Серия экономические науки «Проблемы новой политической экономии». – 2006. – № 3. – С. 84–90.

6. *Стиглиц Дж.* Ревущие девяностые. – М., 2005. – С. 92–93.

7. *Хугати З.* Роль банковского кредита и рынка бумаг в экономике Германии // МЭ и МО. – 2005. – № 12. – С. 94–96.

8. *Шаститко А., Яковлева Е.* Инвестиционный имидж России // МЭ и МО. – 2006. – № 9. – С. 25–31.

Е.А. Кошелева

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ В КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

С момента распада СССР Россия включилась в мировой миграционный обмен полноправным участником, выступая одновременно и реципиентом, и донором. По официальным данным численность мигрантов в 2005 году, проживающих на территории Российской Федерации, превысила 12 миллионов человек. По этому показателю наша страна теперь находится на втором месте после США. Выехало из страны за этот период по разным оценкам от 2,0 до 2,5 млн. человек. Среди них почти половину составляли высококвалифицированные специалисты, что негативно отражалось на трудовом и профессиональном потенциале России [2]. Следствием глубоких структурных перемен в экономике страны явилась высокая активность передвижения трудоспособного населения не только за пределы страны, но и внутри ее границ. Роль внутренних передвижений в формировании миграционных потоков постоянно росла, начиная с середины 1990-х годов по мере сокращения миграционного притока из республик бывшего Советского Союза.

В настоящее время внутренняя миграция протекает по предсказуемым траекториям: из бедных регионов – в богатые, из перенаселенных – в недонаселенные, из трудоизбыточных – в трудонедостаточные, из опасных – в безопасные, из слаборазвитых – в хорошо развитые. Наиболее привлекательными для переселенцев являются 46 субъектов Федерации, а именно – Центральный Федеральный Округ, «русская» часть Южного ФО (Ростовская, Волгоградская, Астраханская области, Краснодарский и Ставропольский края), большая часть Приволжского ФО и Челябинская область. Все они отличаются по интенсивности притока переселенцев, то есть по уровню привлекательности с точки зрения экономических и социальных благ [6].

Костромская область относится к самой многочисленной группе принимающих регионов (29 субъектов), миграционный прирост которых

© Е.А. Кошелева, 2006

колеблется от 2 до 5% к общей численности населения. К слову, в эту же группу входят такие «привлекательные» регионы как г. Москва, Московская, Ростовская, Брянская, Астраханская, Новосибирская области. Однако только по количеству прибывающих мигрантов нельзя классифицировать все субъекты таким образом, чтобы спроектировать миграционный поток относительно доминирующей производственной деятельности. Для этого может быть применима типология, предложенная В. Княгининым [5], согласно которой из всех регионов Российской Федерации можно выделить восемь типов, краткая характеристика которых приведена в таблице.

Согласно предложенной типологии Костромская область относится скорее к группе старопромышленных регионов, что говорит о невысокой привлекательности области для мигрантов. В старопромышленных регионах производственно-технологическая база и система расселения создана еще в период советской индустриализации. Это регионы, основанные на устаревающих стандартных технологиях, ориентированные на замкнутые локальные или стационарные рынки, которые давно прошли пик своего развития. Подобные регионы будут в обозримой перспективе стагнировать и в результате поддерживать лишь низкий уровень жизни населения, располагая устаревшей технологической базой и не имея внутренних ресурсов на ее обновление, страдая от недостаточного рыночного позиционирования и структурного дефицита кадров (наряду с переизбытком и выбросом рабочих рук в другие, более успешные, регионы). Такие регионы выступают, и будут выступать в качестве «внутренней деревни», т.е. станут поставщиками рабочей силы для регионов группы роста [6].

Эта характеристика старопромышленного региона подтверждается данными миграционной службы Костромской области: убыль населения при межрегиональной миграции увеличилась в 2005 году в 6,7 раза по сравнению с 2003 г. и составила – 832 человека. Причем, основную массу выезжающих за пределы области

Таблица

Типы территорий, их привлекательность для мигрантов

Тип территории	Привлекательность для мигрантов			
	Безопасность	Уровень жизни	Работа, карьера	Учеба
Территория «мирового города»	Достаточная	Наиболее высокий	Предельно возможный выбор	Предельно возможный выбор
Зоны технологического трансферта	Средняя	Скорее высокий	Хороший выбор	Хороший выбор
Зоны инновационного развития	Если закрепился, то высокая	Высокий	Специализированный выбор	Специализированный выбор
Сырьевые зоны	Достаточная	Достаточно притягательный	Две основные ниши: круглогодичная вахта и сезонные услуги	Только в связи с повышением квалификации
Старопромышленные регионы	Низкая	Низкий	Практически нет выбора	Средний / низкий уровень и низкие цены
Территории первичной индустриализации	Только в ситуации покровительства со стороны местных сообществ	Низкий и даже крайне низкий	Высокая безработица	Только получение знаний в области ислама
Зоны безопасности	Низкая	Низкий, реже средний	Средний, часто низкий выбор	Средний, часто низкий выбор
Антропопустыни	Критерии безопасности близки к первопроходческим	Архаизированный	Невозможна	Невозможна

мигрантов составляли сельские жители – 59,8% от общей миграционной убыли в 2005 г. Городского же населения в предыдущие годы прибывало и за счет межрегиональной миграции – за 2003–2004 гг. прирост составил 426 человек (лишь в 2005 г. выехавших из городов области горожан оказалось больше прибывших на 334 человека), и за счет внутрирегиональной миграции – за период 2003–2005 гг. прирост из сельской местности составил 2166 человек. Как и в целом по России, внутренняя миграция в Костромской области происходит преимущественно в направлении село – город. С 1959 по 2005 годы общая численность городского населения области выросла в 2 раза, причем основным источником этого роста являлся миграционный прирост из сельской местности.

К концу 1950-х годов миграционная убыль сельского населения достигла своего абсолютного максимума за весь послевоенный период. В целом же сельское население Костромской области за 1951–1990 годы уменьшилось в результате миграции примерно настолько же, насколько выросло городское население.

В последние же годы наблюдаются негативные процессы резкого оттока сельского населения, которые привели к обезлюдеванию многих сел, а в ряде районов области к сокращению численности не только сельского, но и всего населения в целом.

То есть, теперь большая часть сельских жителей устремляется не в города Костромской области, а в города более развитых регионов, в частности в Москву, Ярославль, Санкт-Петербург и другие. Таким образом, Костромская область фактически подтверждает свой статус старопромышленного региона, отдавая немалую часть своих трудовых ресурсов в другие регионы. Это обусловлено затяжным застоем на Костромском рынке труда, низким уровнем заработной платы, слабыми возможностями профессионального роста, отсутствием в регионе нормального рынка жилья.

Проблема увеличения диспропорции между городскими и сельскими жителями области с каждым годом становится все острее и влечет за собой негативные социальные и экономические последствия, и для ее разрешения требуется проведение грамотной миграционной политики с использованием всех мер государственного воздействия.

Библиографический список

1. *Белоцерковский Б.В., Лежнин А.А.* Наш родной край. – Ярославль: Верхнее-Волжское книжное издательство, 1965.

2. *Журавлева Е.* Страна закрытых дверей // Новые известия. – 2005. – 27 апреля.

3. Информационный бюллетень отдела по делам миграции УВД Костромской области. 2004.

4. Информационный бюллетень отдела по делам миграции УВД Костромской области. 2005.

5. *Княгинин В.Н.* Концепция пространственного развития в РФ. Приложение к докладу «Россия. Пространственное развитие». – М, 2004.

6. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития / Под ред. С. Градировского. Доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа и Фонда «Наследие Евразии». 2005.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

О.С. Коршунова

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

Актуальность исследования проблем политической социализации и политического воспитания новых поколений российских граждан в современных условиях определяется следующими положениями. Человечество перешагнуло через рубеж XXI столетия с мечтой о процветании, гармонии и мире, несбывшейся для большинства людей в XX веке. Хрупкость мира и объективная сложность разрешения глобальных проблем является основанием для включения рядовых граждан разных стран в политический процесс, дополнения профессиональной дипломатии дипломатией народов, дипломатией мира, что предполагает необходимость формирования соответствующих политико-психологических основ у участников широкого общественного взаимодействия.

Другим ориентиром для выдвижения данной идеи в качестве целеобразующего ориентира для научного исследования является необходимость создания адекватного международной политике России политико-культурного фундамента, выражающегося во взглядах, установках, стремлениях граждан и выступающих мощным противовесом мифам о нашей стране, которые укоренились в представлениях иностранцев.

Очевидно, что в современных условиях, когда с развитием мультимедийных информационных средств, глобальной компьютерной сети многократно увеличились возможности обработки сознания огромного количества людей, защита от манипуляций сознанием соответственно приобретает стратегически важное значение, поскольку связана с охраной национальной безопасности России, ее духовных основ.

Особую актуальность исследование проблем политического воспитания и развития демократической политической культуры имеет в контексте кардинальных трансформаций в стране в конце XX – начале XXI века. В переходный период особенно отчетливо проявляется взаимосвязь макроизменений с развитием субъективного фактора, человеческой составляющей социально-экономических, политических преобразований. Складывание российской государственности, формирование многоукладной экономики, введение института частной собственности, широкая дифференциация общества и резкая имущественная поляризация, создание и функционирование многочисленных политических партий, движений, иных групп интересов – эти процессы протекают параллельно с революцией в общественном сознании людей, где переплетаются различные идеологические воззрения, отражающие реально существующий широкий спектр социально-политических отношений, сложную палитру национально-этнических взаимодействий.

Актуализирует проблему политической социализации и политического воспитания рост экстремизма, нетерпимости на межнациональной, религиозной почве в мире и в нашей стране, приобретающих часто политический характер.

В этих условиях взрослеют новые поколения россиян, с которыми и связаны позитивные тенденции и надежды на будущее в развитии страны, поскольку детство – такой возрастной этап, проживая который человек интенсивно впитывает в себя культуру общества и начинает проявлять способности к социальному творчеству, не обремененный догмами и стереотипами своих предшественников. Становление детей как цивилизованных участников политического процесса – важнейшее условие стабильного развития правового государства, препятствие для установления таких форм политического устройства, которые ущемляют неотъемлемые права и свободы граждан, унижают их человеческое достоинство.

Наконец, обращение к проблемам политической социализации, политического воспитания имеет особое значение в условиях третьей альтернации детства, признания ребенка высшей социальной ценностью, уважения прав и свобод детей, в том числе, их права на участие в жизни государства и общества, о чем свидетельствует факт принятия и ратификации большинством стран мира Конвенции о правах ребенка и иных

© О.С. Коршунова, 2006

международных документов, развивающих положения Конвенции.

Актуальность изучения процесса политической социализации и политического воспитания имеет не только внешнюю детерминацию, а определяется также развитием самой педагогической науки, ее методологии. За последние десятилетия в развитии методологии педагогической науки обозначились существенные сдвиги, выражающиеся по нашему мнению, в таких тенденциях, как:

– в освобождении научных исследований от излишней идеологической заданности, в их открытости для критического осмысления, обогащения и совершенствования;

– в переходе от единого метаметодологического подхода в осмыслении педагогических явлений к методологическому плюрализму;

– в приоритетном освоении гуманистических методологических основ, выражающихся в рождении и развитии разнообразных современных концепций воспитания и обучения, смысловым ядром которых является признание человека высшей социальной ценностью и, соответственно, необходимости создания благоприятных условий для самореализации личности, для осознания ею своей уникальности, возможностей для саморазвития и самосовершенствования;

– в ориентации на максимальную результативность научных изысканий, на потребности педагогической практики в динамичных позитивных преобразованиях;

– в интеграции достижений обществоведческих и человековедческих наук для осмысления сложных педагогических явлений, одновременно являющихся предметом исследований в различных отраслях знаний и пр.

Данные позитивные моменты в развитии методологии педагогики учитываются нами при изучении политического воспитания школьников. Исходной позицией для анализа процесса политического воспитания в контексте политической социализации и последующей интерпретации полученных данных является опора на мультиметодологический подход (Д.В. Григорьев, В.А. Караковский и др.), в котором в едином комплексе сочетаются диалектический (В.Г. Белинский, Дж. Бруно, Г.В.Ф. Гегель, Гераклит, А.И. Герцен, И. Кант, Н. Кузанский, К. Маркс, В.И. Ленин, И.Г. Фихте, Н.Г. Чернышевский, Ф.В. Шеллинг, Ф.Энгельс и др.), системный (В.А. Гаврилин, В.П. Беспалько, И.В. Блауберг, В.А. Караковский, Ф.Ф. Королев, Л.И. Новикова, В.Н. Садовский, Н.Л. Селиванова, Ю.П. Сокольников, Л.Ф. Спирин, Э.Г. Юдин и др.), культурологический (М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, Е.В. Бондаревская, К. Левин, Н.Е. Щуркова), деятельностный (А.Г. Асмолов, К.А. Абульханова-Славская, Л.П. Буева, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн и др.) и др. моноподходы.

Политическое воспитание как относительно управляемая составляющая политической социализации – сложный, многомерный социально-педагогический феномен, изучение которого предполагает уяснение взаимосвязей между: различными сферами жизни общества (социальная сфера, экономика, политика, культура, в том числе, образование); влияниями на человека различных факторов и агентов, в том числе политических, включая государство; действиями стихийных и относительно управляемых социально-политических, педагогических структур и организаций; внешними воздействиями на личность и ее собственной активностью; этапами политической эволюции человека; общими, особенными и единичными признаками процесса вхождения новых поколений в политическую систему общества и пр. Постижение сущности политической социализации и политического воспитания, создание их целостной характеристики, выявление динамики и перспектив процессов в современных условиях, противоречий как их движущих сил, невозможно, с нашей точки зрения, без опоры на диалектический подход, который своими идеями изменения, развития, всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости явлений и процессов, основными законами наиболее адекватен постоянно меняющейся реальности политического становления гражданина и, соответственно, поставленной исследовательской задаче.

Важнейшим продолжением диалектического подхода является оптимизирующий подход (Ю.К. Бабанский, Е.А. Ямбург), применение которого к анализу явлений и конструированию новой педагогической действительности требует учета состояния процессов, условий, в которых они развертываются, и выбора наиболее приемлемых стратегий и тактик достижения максимально возможных результатов при минимальных затратах (материальных, физических, интеллектуальных и т.д.). Идея оптимизации представляется нам продуктивной для осмысления возможностей политического воспитания школьников в разнооб-

разных образовательных учреждениях, социально-педагогических организациях и структурах.

Системный подход выступает в качестве методологической детерминанты при анализе и моделировании политического воспитания как системы, включающей цели, содержание, операционно-деятельностную составляющую (методы, приемы, формы, средства, технологии), контрольно-регулировочный и аналитико-результативный элементы. Бесспорно использование системного подхода для понимания «политического» потенциала различных социально-педагогических систем (образовательных учреждений, общественных объединений и др.), разработки их сравнительной характеристики.

Организация любого исследования, особенно в гуманитарной сфере, требует ответа на вопрос «Во имя чего (кого)?», на каких ценностях оно базируется? В данном конкретном случае исходим из приоритета жизни и ценности личности, из приоритета Детства как самоценного периода в судьбе человека и истории общества, из приоритета прав и свобод детей. Признание ценности личности приводит, естественно, к признанию значимости для политического воспитания демократических политических ценностей. Дискуссия о сущности демократии насчитывает 25 веков. В современной политологии представлено несколько теорий демократии, среди которых далеко не все отвечают интересам личности. Под влиянием реальных событий демократия, как ценность, потеряла изначальную привлекательность в общественном мнении многих россиян, в том числе и педагогов. Но является ли это основанием для отказа от нее, как значимого ориентира в актуальной политической социализации? Учтем, что «…демократия способствует приходу к власти людей альтруистического склада, которым в идеале только и можно доверять власть, но отнюдь не гарантирует от нашествия на позиции власти людей своекорыстных, с низкой нравственностью, но изощренным умом. Это и дало Платону повод отрицать ее как «стихию наглости и анархии». Но каковы бы ни были недостатки демократии, лучшей организационной формы в распоряжении человечества, в общем, нет» [4, с. 469–470].

Среди методологических моноподходов важнейшим для нашего исследования является деятельностный подход, поскольку разделяем позицию отечественных психологов, утверждающих, что только включение ребенка в деятельность и обеспечивает его полноценное развитие, в том числе как потенциального субъекта политических отношений. В работе мы актуализировали положения культурологического подхода, т.к. культура выступает мощной детерминантой социального становления человека, и, кроме того, осмыслили возможности педагогов в процессе политического воспитания детей влиять на трансформацию существующей и пока господствующей политической культуры общества, культуры подданнической, во многом не соответствующей современным тенденциям в развитии общества и государства.

Использование в исследовании комплексно-оптимизирующего методологического подхода и данных других наук (политологии, социологии, социальной психологии, политической психологии и др.) позволило нам создать развернутую характеристику процесса политической социализации растущих граждан, раскрыть сущность политического воспитания школьников, а также выдвинуть и обосновать педагогические условия его реализации в разнообразных социально-педагогических системах.

В XX веке в науке и педагогической практике были представлены три основных трактовки сущности политического воспитания детей. Политическое воспитание в советское время рассматривалось как целенаправленный процесс формирования у детей необходимых обществу и государству социально-типических политических качеств, обеспечивающий единство поколений и сохранение существующей политической системы. Характерными особенностями политического воспитания в тот период были: приоритетность, идеологическая заданность, жесткая целенаправленность, системность, манипулятивность и др.

В начале XX века в трудах В.Н. Сороки-Росинского и П.Ф. Каптерева был представлен иной подход к пониманию сущности политического воспитания детей и юношества, суть которого, несмотря на различия в его обосновании, сводится, по мнению ученых, к созданию педагогами условий для самостоятельного и ответственного выбора детьми в будущем собственной политической позиции.

В конце века, в условиях тотального ниспровержения ценностей коммунистического прошлого, возник новый подход к трактовке политического воспитания школьников, который мы условно называем «нейтрально-попустительским», обосновывающий отказ педагогов от любого участия в политическом становлении детей и молодежи.

Несмотря на развитие теории гражданского воспитания представителями современной педагогической науки понятие «политическое воспитание» до сих пор «не реабилитировано» и не возвращено в педагогический лексикон. В то же время понятие «гражданское воспитание» по объему является достаточно широким и чаще всего (если судить по публикациям многих авторов) «поглощает» содержание термина «политическое воспитание». Опасно, что тенденция, отмеченная на уровне тезауруса науки (отсутствие понятия), отражает реальное состояние дел, т.е. отсутствие даже в рамках гражданского воспитания такого направления воспитательной работы в массовой школе, как политическое воспитание детей и юношества.

Отстраненность в течение несколько лет образовательных учреждений от политического становления школьников привело к увеличению влияний в процессе политической социализации роли стихийных факторов. Поэтому политическая социализация в современных условиях имеет такие отличительные особенности, как: преобладающе-рассеянный, запаздывающий характер с явно выраженной доминантой влияния стихийных факторов, отсутствие преемственности и системности в организации данного направления воспитательной работы в образовательных учреждениях различных типов и ступеней, противоречивость, традиционность и пр.

Под политическим воспитанием в условиях транзитивного общества мы понимаем взаимодействие педагогов и воспитанников, при котором сохраняется и поддерживается индивидуально своеобразный путь политического становления личности, исключается прямое или косвенное принуждение к выбору политических идей, пристрастий, форм поведения, но вносятся частичные изменения в процесс освоения растущим человеком общественной жизни, направленные на отражение в его сознании многообразия политических явлений и течений, подготовку личности к осознанному самостоятельному выбору индивидуальной политической позиции.

Политическое воспитание школьников, с нашей точки зрения, будет успешным, если:

– оно является адекватным динамике политической социализации детей и имеет коррекционный по отношению к данному процессу характер;

– его система будет вариативной, гибкой, многоуровневой, обладающей такими отличительными чертами, как: теоретическая обоснованность; преемственность; приоритетно развивающе-защитный, диалогово-деятельностный, опережающий и целостный (от целей и задач до способов и технологий реализации) характер; единство вербального и символического каналов выражения содержания демократической политической культуры; ориентация на гармонию интересов личности и общества и др.;

– при его моделировании используются инвариантные конструктивные элементы-условия: проблемно сфокусированное общение; организация протополитической, доступной детям разных возрастных категорий, совместной, демократически устроенной деятельности по обустройству и улучшению собственной и окружающей жизни; организация индивидуально-коррекционной работы, снимающей крайности в личных ориентациях школьников; формирование уклада жизни образовательного учреждения (социально-педагогической системы), соответствующего провозглашаемым ценностям;

– его организация будет иметь вариативно-модельный, оптимизирующий характер, т.е. соответствовать возможностям, особенностям и уровню развития социально-педагогических систем, осуществляющих это направление педагогической деятельности;

– при реализации его целей и задач обеспечивается единство государственных и общественных институтов и учитывается их специфика.

Библиографический список

1. *Бабанский Ю.К.* Проблемы повышения эффективности педагогических исследований: (Дидактический аспект). – М.: Педагогика, 1982. – 192 с.

2. *Караковский В.А.* Современное воспитание: многомерный подход. Введение в проблему // Современные гуманитарные подходы в теории и практике воспитания: Сб. науч. статей / Сост. и отв. ред. Д.В. Григорьев, ред. Е.И. Соколова. – Пермь, 2001. – С. 5–10.

3. *Каптерев П.Ф.* Педагогика и политика // Свободная мысль. – 1992. – № 8. – С. 59–63.

4. *Курашвили Б.* Демократия // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под ред. М.Ферро, Ю.А. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1989. – С. 486–473.

5. Методологические проблемы развития педагогической науки / Под ред. П.Р. Атутова, М.Н. Скаткина, Я.С. Турбовского. – М.: Педагогика, 1985. – 240 с.

З.И. Лаврентьева

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

Преамбула. *Автор предлагает нестандартный методологический принцип изучения реабилитации как феномена современности. Он строится на единстве антропологического, аксиологического и культурологического подходов.*

Выбор методологических принципов является одной из ответственейших процедур любого исследования. В нашем случае процесс выбора осуществлялся при условии обращения к триаде: 1) отношение общества к лицам, имеющим физические, психические или социальные ограничения; 2) реабилитационная практика и 3) научные теории реабилитации. Сложность заключалась в том, что эти три гетерогенных актора в силу своей природы не всегда совпадали и, в сущности, долгое время исключали возможность создания целостного методологического принципа.

Явный разрыв обнаруживался между социальными отношениями и практикой реабилитации. Исследования историков педагогики свидетельствуют, что в процессе развития общества менялось и восприятие людей с ограничениями. Оно прошло длительный путь, начинавшийся с отрицательного отношения, предполагавшего физическое уничтожение человека, не совпадающего с общепринятыми канонами. Позже утвердилась тенденция изоляции их от общества при условии минимальной поддержки. И только с признанием социальной справедливости и равноправия в качестве нравственных основ общества лица с ограничениями стали приниматься в качестве равноправных членов общества. Вместе с тем, практика не совпадала и не совпадает с логико-историческими выводами. Уже древний мир демонстрировал парадоксальное единство идей инфантицида с идеями милосердия. Христианство, сосредоточив внимание на душе и необходимости ее спасения в любом случае в силу ее божественного происхождения, одновременно устраивало инквизиционные процессы. Новое время порождало необычайные средства в материальной, медицинской, инструментальной, образовательной, духовной сферах для достижения целостности человека с ограничениями, но внедряло практику, превосходящую все ужасы Рима (Дахау, Освенцим, Майданек). И в настоящее время общество не свободно от бремени противоречий: признавая равные права для лиц с ограничениями, оно и ныне продолжает традиции создания сегрегационных учреждений. Противоречия между практикой (выступающей в двух формах: опережающей или обремененной пережитками) и общественными отношениями объективно создает базу для формирования нетрадиционных методологических оснований, выводящих реабилитацию за пределы собственно личностного или собственно общественного.

Поиски методологических принципов нашего исследования осложнялись также в связи с эклектичностью и крайней пестротой самих теорий реабилитации. В российской научной литературе понятие реабилитация стало известно с середины XIX века и нашло широкое распространение в последующие десятилетия. В это время протекал напряженный процесс выявления категории «реабилитация» в самых разных областях наук: медицинской, юридической, психологической, социально-педагогической и т.д. Если право определяло реабилитацию как «восстановление доброго имени, репутации неправильно обвиненного или опороченного лица, восстановление кого-либо в прежних правах по суду или в административном порядке» [1, с. 101], то медицина сводила реабилитацию к «комплексу мер, направленных на восстановление нарушенных функций организма и трудоспособности больных и инвалидов» [2]. Педагогика, экспериментируя в области образования лиц с ограничениями, дополняла содержание термина «предоставлением возможностей больным и инвалидам учиться». К середине 30-х годов XX столетия теоретические концепции частных наук не только оформляются в фундаментальные теории (А.Н. Берштейн, В.М. Бехтерев, Л.С. Выготский, В.П. Кащенко, А.И. Мещеряков, А.С. Макаренко, В.Н. Сорока-Росинский), но и получают беспрецедентное подтверждение в практике. Достижения в области развития способностей лиц с ограничениями (общеизвестный пример Ольги Скороходовой) абсолютизируют дефектологические теории. Одна-

© З.И. Лаврентьева, 2006

ко состоявшаяся дифференциация в теории и практике реабилитации отодвигает на какое-то время на второй план ее методологическую целостность. Более того, реабилитация в каждой отрасли объявляется методологическим основанием для себя, не давая возможности выйти за пределы частных выводов и сформировать общее видение проблемы.

Последняя четверть XX века, накопив гигантский фактический материал по проблемам реабилитации, показала, что старые методологические подходы не дают возможность в полной мере раскрыть потенциалы реабилитации, вывести ее в проекцию будущего. Почти одновременно специалисты различных отраслей медицинского знания, психологи, педагоги, философы, правоведы заговорили о необходимости создания комплексной реабилитации. В связи с этим меняются целевые установки: реабилитация начинает пониматься как «восстановление максимально возможной гармоничности в развитии человека с ограничением и его взаимодействии с окружающим миром» [3, с.30]. Возникают самые разнообразные межпредметные, общефилософские концепции реабилитации: теория нормализации (Бенгтон Нирье); учение о независимой жизни (Гербен Делонг); теоретические положения активизации внутренних возможностей личности (Фалида Парслоу); концепция педагогического сопровождения (Е.И. Казакова, Л.М. Шипицына). Суть названных подходов заключается в переводе реабилитации с уровня удовлетворения элементарных потребностей личности на уровень восстановления ценностей, определяющих сущность и качество жизни; в центре внимания оказывается активность самого человека, нуждающегося в восстановлении. Вместе с тем методологические принципы предложенных концепций остались проработанными слабо, авторы, доказывая важность инноваций в реабилитационной деятельности, продолжали оставаться в ловушке частных теоретических положений.

Новая ситуация, возникшая вследствие изменения отношения общества к лицам с ограничениями, сопровождавшаяся открытиями в практике реабилитационной деятельности и средствах теоретического обоснования, побуждает к поискам синтезирующих методологических принципов.

Наше исследование, учитывая создавшую ситуацию, исходит из триадического методологического комплекса: общенаучного, конкретно-научного и методологии практики. Это позволяет, не отрицая необходимости дальнейшего накопления фактов в горизонтах отдельных наук, выйти на создание методологической вертикали, своего рода методологического зонда, позволяющего увидеть связи, взаимодействие, конструкты между общественным отношением, теорией и практикой реабилитации.

Общенаучная методология позволяет рассматривать феномен реабилитации не в его специфически узко-научном понимании, а в широком общественном и социально значимом смысле. Она способна разрешать те противоречия, которые все чаще возникают в современной медицинской, юридической, психологической, культурологической, педагогической реабилитации. Медики сегодня вынуждены отвечать на вопрос о выборе между реабилитацией и эвтаназией. Небольшой группе пациентов, которые не смогли бы выжить после тяжелой болезни или травмы два десятка лет назад, ныне усилия специалистов неотложной медицины сохраняют жизнь, а затем требуется период реабилитации, приносящий новые мучительные проблемы. Политики также стоят перед дилеммой: социокультурная реабилитация мигрантов или национальная безопасность. Педагогическая общественность начинает ставить вопросы об эффективности реабилитации детей – почему более половины воспитанников детских домов в дальнейшей жизни оказывается либо в местах лишения свободы, либо очень рано умирают. Таким образом, во главу угла ставится вопрос о цене реабилитации. Подобного рода вопросы приобретают особо острый характер в периоды общего систематического кризиса общества. Разрешение этого противоречия видится в постановке вопроса о качестве жизни реабилитируемого.

В структуре общенаучной методологии, отвечающей на вопрос о качестве жизни реабилитируемого, целесообразно использовать единство и взаимозависимость нескольких науковедческих подходов. Это позволяет продемонстрировать многогранность процесса реабилитации, предоставляет возможность наметить полифункциональные связи и противоречия, приводит к преодолению замкнутости и ограниченности конкретного знания при сохранении его научного потенциала. Кроме того, многоаспектность изучения проблемы реабилитации помогает выйти на интеграцию научных концепций из разных областей знаний,

позволяет выявить нетривиальные идеи, рассмотреть проблему под разными углами зрения, обогатиться результатами столкновений суждений и прогностических определений.

При выборе основ общенаучной методологии мы отдали предпочтение антропологическим, аксиологическим и культурологическим концептуальным представлениям. Методологические принципы данных подходов имеют вполне определенные общие основания объяснения природы человека, его существования и развития. Они парадигмально концентрируются на человеке как базовой ценности, подчеркивают его субъектность, целостность, духовность, и утверждают единство социальной, биологической и психической сущности личности. Вместе с тем каждый из этих подходов позволяет углубить отдельные стороны изучаемых явлений, показать все богатство, многогранность феноменов действительности, обеспечить достоверность научных теорий и практики.

Основополагающим методологическим принципом в изучении реабилитации мы принимаем *антропологический* подход. Антропология раскрывает природу, сущность и смысл человеческого бытия вне зависимости от отдельных свойств индивида. Назначение антропологии – представить целостное, а не суммарное знание о человеке. «Ее цель – дать целокупный анализ физического, психического, духовного (и божественного) начал человека, вскрыть те силы и потенции, которые «движут» им, а главное – благодаря которым «движется» он» [4, с. 825]. Она задает целостный способ рассмотрения развития человека как существа общественного – в единстве социального и экзистенциального, в открытости бесконечным возможностям, в неисчерпаемости, незавершенности самоосуществления. Этот подход санкционирует включение в пространство исследования реабилитационного процесса такие антропологические ценности, как жизненные смыслы, нравственные побуждения, эмоциональные переживания, предназначения. Он позволяет рассматривать человека, в том числе и с ограничениями или нарушениями, в его всесторонних связях с миром и в многообразии проявлений в разных сферах жизнедеятельности. Антропология ориентирует на поиск нового научного знания, применимого к развитию не абстрактного, а конкретного ребенка в повседневных формах существования. В то же время антропологический подход выводит исследование на осмысление значимости человека в мировом целом, за пределы существующего социального, что обеспечивает индивидуальный вклад каждого в поступательное развитие общества. Антропология как наука задает категорический императив, что люди с ограничениями выступают как неотъемлемая органическая часть общества, провоцирующая его на обсуждение нравственных и духовных ценностей, на адекватные поведенческие реакции.

Антропологическая методология определяет человека, несмотря на все отклонения от так называемой нормы, как существо человеческое, обладающее неотъемлемыми и неотчуждаемыми правами. Никакие человеческие деформации (за исключением особых случаев) не умаляют право на свободное волеизъявление. И общество заинтересовано в поддержании этого правового настроя лиц с ограничениями. Вместе с тем антропология проводит различие между правом и притязанием. Она позволяет сдвинуть исследовательскую позицию от аппеляции к праву к изучению действительного вхождения лиц с ограничениями в правовое поле и действованию в нем. В этом случае протекает процесс перехода от правового иждивенчества в правовую активность. Обращение лиц с ограничениями к праву актуализирует всю систему права и снижает правовой нигилизм общества.

Человек с особыми физическими или социальными характеристиками с точки зрения антропологии является постоянно изменяющимся субъектом, располагающим определенными природными и духовными ресурсами, которые выступают в качестве базиса для адекватного личностного восстановления в возможно полном объеме. В антропологии ограниченные возможности трактуются как препятствия, обусловленные физическими, психическими, сенсорными, социальными, культурными, законодательными или иными барьерами. Эти лица имеют равные возможности для самореализации при неравных условиях жизнедеятельности. Не всегда достигая высокого уровня личностного развития, индивид с особенностями остается человеком в собственном смысле этого слова.

Антропологическая наука, всецело принимая человека с его особыми потребностями, одновременно ставит вопрос о качестве его жизни. В первые послевоенные десятилетия проблема качества жизни исследуются – при использовании современного научного инструментария –

группой европейских ученых, получившей общее название Римского клуба. Выводы, к которым пришли представители Клуба, оказались по своему характеру тревожными. Подняв проблемы экологические, демографические, энергетические и т.д., они объективно выдвинули вопрос о качестве жизни на первый план. Под качеством жизни на этом фоне они понимают материальную достаточность, передовую медицину, высокотехнологичный труд, общедоступность образования и культуры, непрерывность развития, гарантию равенства прав и свобод. Особая ценность их научных выводов заключается в признании права на качество жизни любого человека, в том числе и в сложных ситуациях индивидуального становления.

Учение о качестве жизни последние два десятилетия активно разрабатывается в медицинской антропологии (Дж. Пирсол, Г. Раск, М. Фрид, В.И. Гордеев, Ю.С. Александровия и др.). Подчеркивается, что «качество жизни – это субъективное удовлетворение, выражаемое или испытываемое индивидом в физических, ментальных и социальных ситуациях, даже при наличии каких-то дефицитов» [3, с. 8]. Качество жизни, следовательно, связывается с полнотой бытия, с личным созидательным участием, с духовным восприятием жизни. Все это позволяет сущность и цели реабилитации рассматривать в совершенно ином методологическом ключе, а именно в ракурсе жизненных ценностей и приоритетов, удовлетворенности жизнью.

Итак, достижения антропологии, определяющие в качестве целевой характеристики индивида его человеческую сущность, представляют собой краеугольную основу общенаучной методологии нашего исследования. В свою очередь, проведенный нами анализ феномена реабилитации обогащает антропологию новыми знаниями о месте и роли лиц с ограничениями в развитии общества, в развитии духовной сущности человека.

Антропологический подход, сочетаясь с подходом *аксиологическим,* интегрирует смысловые и ценностные характеристики изучаемых нами процессов и явлений. Он настраивает педагогическое знание на анализ феноменов ценности личности и индивидуальности, на изучение «человеческого в человеке», на постижение идеалов человеческого бытия.

Для нашего исследования важность аксиологического подхода заключается в том, что он позволяет, прежде всего, утверждать самоценность человека, в том числе и с ограничениями, самоценность детства, в том числе и детства с особыми условиями жизнедеятельности и особыми потребностями. Долгое время признание ценности деятельности в противовес ценности человека приводило теоретические исследования и практику реабилитации к восстановлению таких способностей, которые были необходимы для осуществления труда и быта. Потому и ставился диагноз «инвалидность», вычеркивающий человека из процесса реабилитации (образования), что обнаруживались непреодолимые барьеры к трудовой деятельности. Позже в процессе реабилитации была открыта ценность восстановления лиц с ограничениями к социальной деятельности. Однако и в данном случае ценность деятельности оставалась приоритетной. Ценилась социальная дееспособность: умение строить отношения, способность вступать в продуктивные коммуникации, готовность к сотрудничеству. В настоящее время аксиологические учения, в частности, теории ценностного релятивизма, позволяют объяснять смысловые и ценностные основания с точки зрения рефлексии над ее предельными проявлениями, «возможными человеческими мирами». «Важно оценивать, каков человек, но не менее важно и исследовать, каким он может стать» [5, с. 23]. Это выводит изучение процесса реабилитации на совершенно новый этап: приоритета ценности реабилитируемого над ценностью его эвентуальной деятельности.

Методологический аппарат нашего исследования средствами аксиологии ориентирован на утверждение принципов жизни во всех формах ее проявлениях и рассматривает в качестве ценности категорию будущего. Для понимания ценности реабилитации в современном, неустойчивом, неравновесном мире методологическое значение представляют работы, связанные с проблемами кризисов мирового сообщества. Среди трудов этого рода нас привлекла работа «Философия надежды» Эрнста Блоха. Восточногерманский философ Блох поставил вопрос о том, что современный человек, в отличие от человека прошлого, которому было гарантировано, при всех противоречиях человеческого бытия, достаточно устойчивое будущее, поставлен перед неизвестным будущим. И, следовательно, фундаментальной категорией его действительного восстановления и становления как человека будущего является категория надежды.

В 2000 году инициативной группой, представленной крупнейшими учеными, в числе которых были и Нобелевские лауреаты, был подписан «Гуманистический манифест». «Манифест» констатировал, что если человечество хочет выжить в следующем тысячелетии, оно должно продолжить путь от разрушительных традиций и разделения к новому общепланетарному мировоззрению, сосредоточенному на идее безопасного и надежного лучшего мира в равной мере для всех людей. Перспективы человечества они видят в отвержении рока и отчаяния и побуждении людей к разуму, отваге и сострадательности для того, чтобы претворить самые высокие чаяния в жизнь. В оборот вводится категория оптимизма, опирающаяся на реалистическую оценку вызовов современности и научные достижения, способные улучшить условия существования человека.

Разделяя жизнеутверждающие ценности «Манифеста», мы считаем, что именно научные, а не мистико-религиозные основы реабилитации отвечают новым реалиям и открывают прорыв в будущее. Человечество в настоящее время обладает величайшими достижениями в науке и технике. Они способны обеспечить качество жизни людей с ограничениями, людей, волею обстоятельств оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Признание ценности всякого человека в настоящем и будущем – один из методологических принципов нашего исследования, выведенных из современной аксиологии.

Аксиология, кроме того, наполняет ценностными смыслами саму педагогическую науку о реабилитации. Ценностное значение приобретают и лица с особенностями развития, и способы включения их во взаимоотношения с окружающими. Ценностными мотивами окрашивается поиск педагогических путей и средств восстановления и взращивания способностей у лиц с ограничениями или нарушениями. Одновременно аксиологическая методология ориентирует на изучение и учет системы ценностей самих подростков, включенных в процесс реабилитации. Аксиология позволяет видеть ценностные формы реабилитации в диапазоне от эго-состояния до мы-состояния, уважать ценность субкультур лиц с ограничениями.

Избранные для нашего исследования аксиологические принципы развертывают антропологический тезис о принятии любого человека таким, *какой он есть*, в русло ценности поиска *его изменения*. «Выявить все лучшее в человеке – с тем, чтобы все люди могли рассчитывать в жизни на лучшее» [4, с. 462] – таков антропоаксиологический испульсатор реабилитации в условиях современности.

Неотъемлемым компонентом методологического комплекса при изучении процесса реабилитации в нашем исследовании выступает и *культурологический подход.* Он позволяет увидеть место лиц с ограничениями и роль реабилитации в современной культуре. Состояние культуры в настоящее время таково, что в ее ныне действующей системе есть неизымаемое и неотчуждаемое место людям с ограничениями. Современная культура аксиоматически признает право на жизнь человека с любыми отклонениями и нарушениями, которые объявляются результатом самой культуры. Культура, выработавшая понятие «единое человечество» и идею «нового планетарного гуманизма» (Гуманистический манифест 2000), исходит из основополагающего теоретического принципа планетарного гуманизма, признающего и закрепляющего необходимость уважения достоинства всех людей в мировом сообществе.

В системе культурологических ценностей закреплено не только право на жизнь, но и безусловное право на становление и культурное развитие человека. Это ориентирует реабилитацию на постоянное расширение сфер культуры, в которые включается человек с ограничениями. В культурное развитие добавляется овладение основами физической и эстетической культуры, культуры экологии и экономики, культуры общения и др. Ведущим средством реабилитации выступает мировая культура.

Культура в нашем исследовании выступает предпосылкой и результатом реабилитации. С одной стороны, средства, достигнутые материальной и духовной культурой, более чем достаточны для организации полноценной и широкомасштабной реабилитационной деятельности, направленной на трансформацию витальных потребностей в потребности интеллектуального и духовного характера (искусство, наука, философия, психология, право и т.д.); с другой стороны, научная методология, включающая культурологический подход, позволяет видеть социум со всеми его противоречивыми проявлениями, деформациями, деструктивными тенденциями, в том числе и деформациями самой культуры. Позитивное или негативное отношение общества к лицам с ограничениями выражает приоритетность характера культуры, определяет здоровье

общества в признании доминанты культуры: перспективной или культуры, пожирающей саму себя. Наше исследование направлено на утверждение первого подхода.

Тогда сформированные тысячелетиями субкультуры, сложившиеся в группах лиц с ограничениями, по нашему мнению, прямо вписываются в контекст современной культуры. Такой подход позволяет при изучении реабилитации преодолеть рамки объективно складывающейся и специфически выражаемой субкультуры глухих, немых, а также субкультуры беспризорников, маргиналов и т.д. и выйти на изучение процессов освоения ими ценностей национальной и мировой культуры. Это и становится фундаментом для педагогического поиска футорогенных механизмов и средств реабилитации.

Культурологическая теория включает реабилитируемого с его культурной данностью в систему социальных отношений и коммуникаций, позволяющих дифференцировать объективный и субъективный план отношения к миру и самому себе. Совпадение или несовпадение этих двух планов определяют педагогические способы подготовки лиц с ограничениями к приемлемому существованию в социуме и культуре.

Педагогическая культура реабилитации является частью общей культуры и оказывает влияние на выбор приоритетов мирового культурно-исторического развития. Современный ее уровень характеризуется, с одной стороны, духовностью, нравственностью и оптимизмом; с другой – научностью, технологичностью, вариативностью. Это культура работы с ребенком, имеющим ограничения, как с человеком, способным осваивать мир. И это культура владения специфическими способами, путями, средствами включения особого ребенка в социальную действительность.

В целом культурологическая методология позволяет признать лиц с особыми потребностями неотъемлемой частью культуры общества, а качество их жизни определить как критерий уровня общественного развития. Она приводит к выводу о педагогической культуре реабилитации как гуманистической культурной ценности и о реабилитации как антропокультурном феномене современности.

Итак, в качестве научной методологии исследования реабилитации как современного феномена принимается системное триединство антропологического, аксиологического и культурологического подходов. Подобного рода методология, которую мы определяем как ***холистический антроподинамизм***, предлагается в качестве целостного методологического принципа, позволяющего выйти на общетеоретическое изучение реабилитации.

Следующая задача нашего исследования – раскрыть **конкретно-научную методологию** изучения реабилитации в свете холистического антроподинамизма. С нашей точки зрения, следует обратить внимание на концепции интегрального характера, т.е. те, в которых уже достигнуто или близко к завершению взаимодействие антропологии, аксиологии и культурологии.

Из фундаментальных теорий, принятых на вооружение педагогическим сообществом, выделим, прежде всего, *социокультурную* теорию Л.С. Выготского и *психосоциальную* Э. Эриксона. Они были пионерами концептуального обоснования идеи единства человека и общества, социума и психики. Эти концепции прервали исследования реабилитации изолированного характера, свободного от социальных, культурных и прочих воздействий. Наше исследование углубляет эту тенденцию, привлекая достижения комплекса современных наук об обществе и личности.

Имеющими для нас ценностный характер являются теоретические выводы ныне уже сложившейся исторической антропологии (А.Ф. Лосев, Л.Н. Гумелев, А.С. Панарин, А. Проханов и др.). Она обогатила научно-гуманитарный тезаурус идеями погруженности человека в культуру, идеями пассионарности, возникающей на энергетическом стыке общества и природы. Современная симеотика (Тартуская школа, Ю.М. Лотман) ввела в научное обращение социально-педагогической мысли идею эвристического пространства науки, контексности культуры и человека. Логико-социологические прорывы А.А. Зиновьева породили теорию развивающейся коммуникативности «человейникности». А.С. Панарин предложил теорию глобального синтеза, пафосом которого является футорологическая идея преодоления кризиса мировой цивилизации на основе радикального духовного преображения человека. Теория диалога культур В.С. Библера заострила вопрос о диалогическо-культурном характере духовной сущности человека и диалоге культур как по горизонтали, так и исторической вертикали. Это дает основание человеку проживать в своем сознании культурно-духовные ценности прошлого, будущего и настоящего, экстрактируя универсально-историческую идентичность.

Все эти фундаментальные открытия раздвигают границы изучения реабилитации в собственно педагогическом отношении, делают педагогику неотъемлемым звеном интегрированного научного знания об обществе, человеке, личности. Они вводят в конкретно-научную методологию новую *антропосоциальную* картину человека.

Среди педагогических концепций, отвечающих антропосоциальным открытиям современной науки, наиболее продуктивными для методологии нашего исследования являются идеи педагогической антропологии (Ситаров, Слободчиков, Бим-Бад), социального воспитания (А.В. Мудрик, Сластенин), педагогики среды (Бочарова, Е.В. Бондаревская), развития Детства (Фельдштейн), социально-личностного развития (Н.Е. Щуркова, Липский). Ценность этих знаний заключается в том, что они, введя в сферу педагогики вновь открытые связи и отношения в системе: ребенок – общество – культура – образование, резко расширили поле возможностей педагогической науки. В частности, они дали возможность включить в традиционный круг педагогических проблем такие новые явления, как социальное сиротство, аддиктивное поведение, реабилитация. Это процесс, на наш взгляд, протекает органически, не вызывая отторжений и несовместимости и позволяет методологию реабилитации стоить на открытиях, сделанные в научных школах данной ориентации.

Одним из теоретических выводов данной школы является идея антропологической целостности. В.И. Слободчиков, работающий в сфере психолого-педагогической антропологии, считает, что «каждый человек предстает одновременно и как природно-общественное, и как духовно-практическое существо в совокупности своих сущностных сил и родовых способностей» [6, с.133]. Это дает возможность определить человека с ограничениями как всеобщую часть видовой классификации, и, следовательно, включить его в целостную общественно культурную образовательную систему. Одновременно всеобщность предполагает выбор метода познания человека через понимание его уникальности, единичности, неповторимости. На первый план выходят субъективные смыслы, которые возникают у личности во взаимодействии с обществом, культурой и образованием. Методология реабилитации с объективной необходимостью включает в себя диалектику общих сущностей и субъективных смыслов человека.

Следующий тезис, определяющий методологический подход к педагогике реабилитации, связан с представлениями об устойчивости, непрерывности и изменчивости процесса развития человека. Базовым методологическим положением является фундаментальное психолого-педагогическое положение об объективно неизбежном изменении личности. Для нашего исследования принципиально важны научные выводы о том, 1) что развитие ребенка с ограничениями имеет те же тенденции, подчиняется тем же закономерностям, что и развитие детей, свободных от каких-либо ограничений; 2) но нужно иметь в виду, что ребенок с ограничениями имеет качественно иную картину изменений; 3) личностные изменения ребенка с ограничениями в современной ситуации все более протекают под давлением социальных обстоятельств.

При изучении процесса реабилитации данные выводы позволяют утверждать, что дискретность внешнего функционирования ребенка с ограничениями не означает отсутствия изменений. Даже в том случае, если наблюдается приостановка или откат от сложившихся поведенческих и практических навыков, продолжается накопление внутренних ресурсов, актуализирующих изменения. Дж. Карпара и Д. Сервон, пришедшие к этому же выводу, подчеркивают, что «непрерывность в личностном функционировании имеет тенденцию и в *не*стабильности внешних действий» [5, с.198].

При дестабилизации, при дискреции состояния реабилитируемого происходит не усложнение и накопление навыков, а полуосознанный или вовсе неосознаваемый им поиск новых стратегий деятельности, что закономерно связано со сложным процессом общего развития, внешне не всегда проявляющегося, но внутренне осуществляющегося. По удачному выражению А.Р. Лурии, «человек не может закрыться на ремонт». Если под ремонтом понимать процесс восстановления, то нельзя сначала совершить процесс восстанавления, а затем приступить к процессу развития. Даже при утратах, депривациях, нестандартности, более того, сложных нарушениях развития осуществляется процесс изменений, но в необыкновенно затрудненных, противоречивых и парадоксальных формах.

Современная психолого-педагогическая антропология, обращаясь к исследованиям природы глубинных способностей ребенка с ограничениями, исходит из мысли о необходимости ориентировать-

ся не на адаптационные возможности человека, как это часто предлагалось и предлагается в традиционной коррекционной педагогике, а на его потенциалитет, под которым нами понимается органичность и становящийся характер открытых и, более того, неоткрытых дарований и способностей.

Методологический характер для изучения реабилитации приобретают те ныне функционирующие и гипотетические критерии, которые позволяют по новому подойти к измерению качественных состояний ребенка. Антропологические педагогические учения позволяют концентрировать внимание не на критерии совершенствования отдельных сторон личности и даже не на идее гармоничности человека, а на критерии полноты реализации индивида как человека. Реализовавшийся человек – это человек, который в осознанной форме или в форме, стимулируемой извне, приложил усилия, волю, настойчивость для приведения в движение потенциалитета и достиг определенных, подчас высоких, результатов в практической, духовной или нравственной сфере. Следовательно, критерием реабилитации выступает наиболее полная жизненная реализация человека.

Антропологические концепции утверждают, что полнота бытия достигается человеком через прохождение им следующих восходящих линий: оживление, одушевление, персонализация, индивидуализация, универсализация. (Слободчиков) Детерминантами прохождения по названным ступеням выступают нравственно-этические ценности общества, культуры, личности. Это жестко соотносится с целями, определяющими возможности и пределы реабилитации, со способами, адекватным этим целям, и фазами процесса восстановления и взращивания способностей у лиц с ограничениями. В нашем случае данные методологические постулаты определяют реабилитацию как феномен действительности и как педагогический процесс.

Реализация человека в настоящее время протекает в сфере открытого пространства, на котором развертываются сложнейшее технологические, научные, информационные, культурные, социальные и т.д. процессы. Современный ребенок, в том числе и ребенок с ограничениями, более глубоко, чем раньше, погруженный в открытое пространство, постоянно ощущает на себе давление этих сложных процессов, но не всегда может провести различие между позитивными и негативными сторонами функционирующего социума. Как показывают исследования и психолого-педагогическая практика, выбор часто идет по пути наименьшего сопротивления, бывает связан с асоциальными ценностями, приобретает характер ухода от неуспеха в противовес стремления к успеху. Сложившаяся педагогическая ситуация, в свою очередь, настоятельно побуждает ученых выявлять тенденции, закономерности и законы усложнившегося состояния детства и на их основе предлагать способы, методы, средства и условия, необходимые для противодействия негативным тенденциям социума и для позитивного обеспечения развития. Научная школа, работающая в социально-личностной парадигме (Бочарова, Гурьянова), выдвинула теорию пространства, которая в заостренной форме поставила вопрос о способах включения ребенка в усложнившиеся связи и отношения, обеспечивающие его позитивную самореализацию.

Научные открытия, сделанные в ходе исследований социального, образовательного, информационного, воспитательного и других видов пространства, являются важными для методологии изучения реабилитации. С одной стороны, они направляют наше исследование в поле открытого реабилитационного пространства, с другой стороны, требуют выявления таких реабилитационных средств, которые соразмерны с интенсивностью и сложностью жизни в современных условиях и не разрушают устойчивости личности к стрессам.

Существенное значение для разработки методологии теории реабилитации имеют понятия «общественное» и «социальное». В нашем исследовании проводится строгое различие между ними. Если понятие «общественное» традиционно воспринималось как «социальное» (перевод с латинского – socialis), то в настоящее время понятия «общественное» и «социальное» начинает наполняться различным содержанием. Социальное рассматривается отныне как вполне самостоятельно существующее явление, дающее возможность более тонко и глубоко изучать процессы становления целостности реабилитируемого. В данном контексте продуктивна идея, согласно которой (А.В. Брушлинский) индивид социален изначально. Если признать социальность в качестве самостоятельного свойства индивида, то тогда становится понятной разница между социализацией и социальным развитием. Первая – это степень усвоения и активного воспроизводства общественного, а вторая – степень осуществления социальных задатков. Отсюда выводит-

ся еще один методологический принцип нашего исследования – двуединства общественного и социального развития в процессе реабилитации. Приоритетное место отводится развитию социальных способностей, что и обеспечивает качество общественной жизни реабилитируемого.

Кроме того, разграничение научных терминов «общественное» и «социальное» позволяет определить категорию «социальная реабилитация» в совершенно ином ее звучании. Если традиционно социальную реабилитацию воспринимали как заключительную (итоговую, комплексную) фазу общественного восстановления, то открытия современной психолого-педагогической науки дают возможность определить ее как восстановление и взращивание индивидуальных социальных способностей, среди которых центральной является способность чувствовать себя человеком.

В целом конкретно-научная методология нашего исследования является экстрактом идей, выработанных совокупностью антропологических, культурологических и аксиологических педагогических концепций. Она утверждает в теории реабилитации принципы целостности, непрерывности, органичности, потенциалитета. Она заставляет изучать реабилитацию в структуре пространства, его усложняющихся связей и противоречий. Выделяя в качестве самостоятельных структур человека социальное и общественное бытие, данная методология дает возможность более тонко фиксировать педагогическую эффективность реабилитации, которая (эффективность) и проявляется в наиболее полной реализации реабилитируемого.

Кроме того, в основание нашего исследования мы кладем и **методологию практики** реабилитации. Понятие «методология практики» признается современной наукой и используется некоторыми методологами отечественной педагогики (З.И. Мальковой, Е.В. Титовой, К.Д. Радиной и др.). Под методологией практики подразумевается «знание о преобразовании соответствующего объекта» [7, с. 9]. «научное знание (теоретическая система) о деятельности в определенной области, о средствах, результатах и методах этой деятельности» [8, с.74].

Методология практики, в нашем случае, – это система теоретических принципов, направленных на познание функционирования процесса реабилитации. Определение теоретических основ изучения практики реабилитации строилось на выводах теории методических систем (И.П. Иванов, Аванесян) и теории методики деятельности социального педагога (Шакурова, Мардахаев и др.). К этим теоретическим принципам мы относим:

1) принцип соответствия/несоответствия концепции реабилитации педагогическим средствам, содержанию и технологии ее реализации;

2) принцип целостности/дискретности практики реабилитации;

3) принцип преемственности/непреемственности в осуществлении практики реабилитации;

4) принцип тождества/различия целей, установок, мотивов реабилитируемого и реабилитолога.

Вывод. Современная общественная ситуация, изменение отношения общества к людям, имеющим ограничения физического, психического или социального характера, побудила нас совершить пересмотр принятых научным сообществом методологических принципов исследования реабилитации. Проведенный нами анализ общенаучной методологии, с одной стороны, подтвердил их действенность и применимость, с другой стороны, продемонстрировал их ограниченный характер или даже неприменимость в условиях общественных и научных достижений современности. Устоявшиеся методологические принципы вполне удовлетворяли в условиях накопления научных данных при экстенсивном развитии теории реабилитации, при изучении реабилитации отдельных категорий лиц с ограничениями и оказались несостоятельными в условиях перехода науки на уровень исследования глубинных процессов реабилитации и ее интегральности.

Учитывая изменения и требования времени, мы осознали необходимость осуществить методологический поворот от понимания реабилитации как процесса ремонтного характера, т.е. восстановления трудовых, бытовых, образовательных, социальных и других деятельностных навыков, к ценностному, т.е. такому, который ориентирован не на внешние стороны изменения, а на внутренние процессы, ведущие к пробуждению и развитию способностей с целью максимально полной реализации человека. Старый подход оставлял за бортом реальной человеческой жизни и отношений огромное количество людей, которые рассматривались как балласт производственно-функционирующего общества и которые существовали в силу снисхождения и призрения. Антропо-аксиологический принцип призван побудить общество относиться к особым людям по-человечески, становясь человеком в этом случае

и самому. Для педагогики этот поворот не означает ничего другого, как отказ от принципа необучаемости и социальной изоляции и приятие принципа единого педагогического пространства для любого человека.

Новое понимание сущности реабилитации поставило нас перед фактом необходимости разработки методологических принципов, преодолевающих узкие рамки старого мышления. Они построены нами как своего рода зонд, высвечивающий внутреннее состояние процесса реабилитации и внутренние возможности реабилитируемого.

Методологическую основу нашего исследования образовал комплекс антропологических, культурологических и аксиологических положений. Ведущим в этом комплексе объективно стал антропологический принцип, задающий целостный способ рассмотрения человека в единстве социального и экзистенциального, в открытости бесконечным возможностям, в неисчерпаемости, незавершенности самоосуществления. Это позволило включить в пространство исследования процесса реабилитации такие антропологические феномены, как жизненные смыслы, качество жизни, предназначения. Культурологический подход дал возможность придать процессу реабилитации современный характер, выявляющий социальные, нравственные и духовные потенциалы общества, личности, реабилитационного пространства. Он стал своего рода лакмусовой бумажкой зрелости и качества социального развития индивида в процессе реабилитации. Аксиологический подход позволил и в человеке с ограничениями видеть ценность, порождающую новые смыслы педагогической деятельности, открывающие ранее не обнаруживаемые горизонты целей и средств реабилитации. Выработанный на основе синтеза антропологического, аксиологического и культурологического подходов новый методологический принцип определяется нами как принцип холистического антроподинамизма.

Анализ конкретно-научной, как и общенаучной, методологии показал, что XX век, введя в научный оборот концепции психосоциального и социокультурного развития личности, вытеснил теории реабилитации изолированного характера. Наше исследование, двигаясь в этом же направлении и привлекая достижения современных наук об обществе и личности, обогащает, на наш взгляд, методологию педагогического исследования реабилитации идеями антропосоциального характера. Все это с необходимостью ведет к осознанию процесса реабилитации как целостного, динамического и продуктивного процесса восстановления и взращивания способностей человека с ограничениями.

В ряду общей и конкретно-научной методологии специфическое место занимает методология практики. Нашим исследованием предлагается система теоретических принципов изучения практики реабилитации, к которым мы относим принципы соответствия/несоответствия, целостности/дискретности, тождества/различия и преемственности/непреемственности.

Методологический синтез общенаучной, конкретно-научной методологии и методологии практики выступает в качестве движителя, своего рода пружины настоящего исследования процесса реабилитации, демонстрирующего возможность полной реализации человеческих потенций и качества жизни реабилитируемого.

Библиографический список

1. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов: В 2 т. Т. 2. – М.: Рус. яз., 1993.

2. Российский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. – М., 2001.

3. *Гордеева А.В., Морозов В.В.* Прикладная реабилитационная педагогика: Учебно-методическое пособие. – М.: Академический Проект, 2004.

4. Всемирная энциклопедия: Философия XX век. / Ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Хаверст, Современный литератор, 2002.

5. *Капрара Дж., Сервон Д.* Психология личности. – СПб.: Питер, 2003.

6. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъектной реальности в онтогенезе: Учебное пособие для вузов. – М.: Школьная Пресса, 2000.

7. *Гершунский Б.С., Никандров Н.Д.* Методологическое знание в педагогике // Политехнический музей. – М.: Знание, 1986.

8. *Бургин М.С.* Понятия и функции методологии (К итогам дискуссии) // Советская педагогика. – 1990. – № 10.

П.А. Ласько

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

В любом современном обществе функционируют социальные группы и слои населения, а также национальные общности. Они взаимосвязаны друг с другом. Между ними существуют экономические, социальные, политические и духовные отношения. Их связи и отношения образуют социальную структуру общества.

В основе социальной структуры общества лежат общественное разделение труда и отношение собственности на средства производства и его продукты. На базе общественного разделения труда появляются такие социальные группы, как классы, профессиональные группы, а также большие группы людей города и деревни, умственного и физического труда. Отношения собственности экономически закрепляют эту внутреннюю расчлененность общества, складывающуюся внутри него социальную структуру.

К основным элементам социальной структуры общества относятся: классы; люди города и деревни; представители физического и умственного труда; сословия (т.е. социальные группы, место в обществе которых определяется не только их положением в системе социально-экономических отношений, но и также сложившимися традициями и правовыми актами); социально-демографические группы – молодежь, женщины, мужчины, старшее поколение людей; национальные общности – нации, этнические группы и другие[1].

Почти все эти социальные группы и национальные общности неоднородны по составу и, в свою очередь, делятся на отдельные слои и группы с их собственными экономическими социальными, политическими и другими интересами. На это обращает внимание распространенная в западной социологии теория стратификации, делящая общество на различные слои («страты») по самым разным основаниям: уровень доходов, профессия, вид деятельности, политические взгляды, ценностные ориентации и т.д.

Усилия многих западных социологов направлены на изучение так называемых малых групп, складывающихся на основе более или менее постоянных и тесных контактов между несколькими людьми. Такие группы складываются часто внутри больших социальных групп и слоев общества, в том числе классов, профессиональных групп и этнических слоев населения. Нередко они трансформируют в себе действия всей социальной структуры общества и оказывают существенное влияние на формирование мотивов поведения входящих в них людей.

Взаимосвязь существующих в обществе социальных групп и национальных общностей отнюдь не статическая, а, скорее, динамическая и проявляется в их взаимодействии, порой весьма активном, по поводу удовлетворения их потребностей и реализации их интересов. При этом они вступают между собой в определенные отношения. Речь идет о социальных отношениях как стороне функционирования социальной структуры. Они складываются между субъектами по поводу удовлетворения их потребностей в соответствующих условиях труда, потреблении материальных благ, улучшении их быта и отдыха, получении образования, доступе к предметам духовной культуры и т.д. Речь идет об удовлетворении потребностей, относящихся к социальной сфере общественной жизни, о самоутверждении в этой сфере той или иной социальной группы или общности людей[2].

В настоящее время вполне определенно заявляют о своих потребностях и интересах не только значительная часть рабочих, крестьян, интеллигенции и предпринимателей, но и представители таких социально-демографических групп, как молодежь, женщины, старшее поколение людей. То же можно сказать и о национальных общностях. В условиях обновления общества каждая нация, народность, этническая группа стремится полнее реализовать свои экономические, политические и духовные интересы, получить возможно более прочные гарантии в этом отношении.

Важной стороной функционирования социальной структуры общества является социальная мобильность. Речь идет о переходе людей из одних социальных групп и слоев в другие. Так, например, когда крестьянин переезжает в город и становится рабочим завода, он переходит не только из сельского слоя общества в городской, но становится представителем другого класса и профессиональной группы. Социальное положение меняется и тогда, когда, скажем, дети рабочих и крестьян становятся интеллигентами, а дети интеллигентов – предпринимателями, или же, когда предприниматель становится профессиональным политиком.

© П.А. Ласько, 2006

Изучение социальной мобильности имеет государственное значение. Необходимо иметь полные представления о происходящих в обществе социальных перемещениях, знать их причины и основные направления, чтобы контролировать эти процессы, сознательно воздействовать на них в интересах сохранения не только целесообразной социальной динамики, но и стабильности общества.

Проблемы функционирования социальной структуры, взаимодействия различных социальных групп самым непосредственным образом связаны с проблемами гражданского общества. В свое время эту проблему ставил и решал Гегель[3]. Он характеризовал гражданское общество как относительно независимую от государства сферу реализации частных потребностей и интересов на базе частной собственности и всеобщего формального равенства людей.

Гражданское общество предстает как система отношений между личностями и сословиями, покоящаяся на частной собственности и праве. Гегель исходил из того, что «собственность и личность обладают в гражданском обществе признанием закона и значимостью», а право, выступающее «в форме закона», должно обладать значением «как всеобщее»[4]. Выраженная здесь идея общезначимости права есть, по сути, идея правового государства.

Гегель четко ставит вопрос о взаимосвязи социально-экономической и правовой сторон гражданского общества.

О гражданском обществе писал Маркс. Он исходил из того, что в гражданском обществе следует искать ключ к пониманию исторического процесса. Это не случайно, ибо, по логике марксизма, основополагающей сферой жизни общества является социально-экономическая. Данная сфера, в том числе осуществляющиеся в ней отношения собственности, характеризуется как основное звено развития гражданского общества.

Осмысливая проблему гражданского общества и беря на вооружение то, что оставлено нам предшествующими мыслителями, необходимо учитывать современные реалии и нынешнее состояние разработки данной проблемы. Видимо, было бы правильно рассматривать гражданское общество как взаимодействие всех имеющихся в обществе больших и малых социальных групп. Экономической основой их взаимодействия должны быть свободно развивающиеся различные формы собственности. А защищать их интересы призваны соответствующие органы правового государства, в котором все подчинено закону. В итоге в подлинно гражданском обществе, в основу которого положены интересы и права гражданина, каждый человек имеет возможность свободно и творчески проявить себя, удовлетворить свои потребности в соответствии с той пользой, которую он приносит другим людям и обществу. При этом он будет пользоваться всеми средствами правовой и социальной защиты государства.

Свои проблемы имеются в развитии современной социальной структуры российского общества. До недавнего времени социальный состав СССР и всех входящих в него республик был представлен рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией. Во всех республиках рабочий класс составлял большинство населения. Вторую по численности социальную группу образовали служащие и интеллигенция. Насколько оптимальной была такая социальная структура общества, судить непросто. Ясно, однако, что она не обеспечивала необходимой динамики развития общества. Появляющиеся ныне новые социальные группы предпринимателей, кооператоров, фермеров и другие заметно добавляют обществу динамизма, хотя направления их экономической и социальной активности нередко расходятся интересами других социальных групп и общества. Отсюда становятся насущной проблема гармонизации интересов всех социальных групп и слоев общества.

Можно отметить две основные тенденции в развитии социальной структуры современного общества. Первая из них заключается в активном процессе дифференциации общества, появлении новых социальных групп. Вторая обусловлена идущими в мире интеграционными процессами в экономике, которые воздействуют на развитие социальной структуры общества. Сближаются условия труда, его характер и содержание у представителей различных социальных групп. Это ведет к сближению других условий их жизни, а также структуры их потребностей и интересов[5].

В своей социальной политике государство должно учитывать обе эти тенденции. Данная политика направлена на регулирование отношений между всеми социальными группами, на согласование их интересов. Главное здесь – создание условий для их нормальной жизнедеятельности и повышения их благосостояния, соблюдая при этом принципы социальной справедливости.

Однако решать эти проблемы весьма нелегко.

Российское общество вступило в переходный период своего развития, когда совершается ломка прежних социально-экономических отношений и становление, порой очень болезненное, новых, отвечающих законам рыночной экономики. Происходит нарушение сложившегося ранее социального равновесия, что ведет к социальной нестабильности. Речь идет прежде всего о резком расслоении общества на бедных и богатых (многие из которых нажили свое богатство незаконными путями), о пошатнувшемся социально-экономическом положении многих людей и социальных групп.

Все это порождает глубокие и острые социальные противоречия. Появляется объективная необходимость повышения уровня социальной защищенности многих людей, *их социальной закаленности.* Речь идет не только об оказании им соответствующей материальной помощи, но и о том, чтобы помочь адаптироваться в новых условиях – приобрести новые профессии, освоить новые для них виды производственной, в том числе предпринимательской деятельности. Главное, чтобы эта деятельность была общественно полезной. Осуществление этих мер составляет важнейшее содержание социальной политики государства.

Примечания

[1] Философия. Учебник / Под ред. В.Н. Лавриненко. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – С. 375.

[2] *Кириленко Г.Г.* Самосознание и мировоззрение личности. – М., 1988. – С. – 21.

[3] *Гегель.* Философия права. Ч. 3. Раздел 2: Гражданское общество. – М., 1990. – С. 251.

[4] *Гегель.* Философия права. Ч. 3. Раздел 2: Гражданское общество. – М., 1990. – С. 256–257.

[5] *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. – М., 1975. – С. 53.

Т.А. Ромм

СОВРЕМЕННЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ПОДХОДЫ – ОСНОВА ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ*

Постижение истинной сущности неразрывно взаимосвязанных проблем социального воспитания с педагогических позиций предполагает поиск глубинных, онтологических, эпистемологических, аксиологических оснований их существования и изучения на базе холистских оснований. Для чего целесообразно привлечение к анализу всех тех методологических дискурсов, подходов и представлений которые сложились в современном контексте гуманитарных наук о мире и человеке.

Решительная трансформация общей социальной ситуации оказала влияние на состояние современной научно-познавательной ситуации. Коренные изменения самого характера научной деятельности привели к тому, что наряду с классическими монодисциплинарными исследованиями на первый план сегодня выдвигаются – в том числе и в социальной педагогике – неклассические междисциплинарные и проблемно-ориентированные исследовательские подходы. «Если классическая наука, – отмечает акад. В.С. Степин, – была ориентирована на постижение все более сужающегося, изолированного фрагмента действительности, выступавшего в качестве предмета той или иной научной дисциплины, то специфику современной (т. е., постклассической) науки конца XX века определяют комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных областей знания» [8, с. 267]. В результате усиливается интеграция и взаимопересечение естественных и гуманитарных наук, что приводит к радикальным изменениям традиционных представлений и возникновению многообразных неклассических научных воззрений и образов социальной реальности. Подобные изменения идут под влиянием меж- и внутридисциплинарных факторов: путем инкорпорирования и/или «парадигмальной прививки» проблем, идей, подходов, транслируемых различными отраслями гуманитарными знания. Именно благодаря этому непрекращающемуся научному поиску / диалогу появляются все новые и новые идеально-типические теоретические конструкты – научные воззрения, представления, теоретизации и образы социальной реальности. Они конкурируют и сотруднича-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 06-06-00553.

 © Т.А. Ромм, 2006

ют, отрицают и взаимодополняют друг друга, элиминируя старые гипотезы и предположения, открывают простор для появления все новые и новые научных подходов и проблем.

Развитие идей философской герменевтики, критического направления, реализма в социологии и философии в XX веке стали основательно расшатывать еще недавно крепкий фундамент «позитивного» знания, поставив под сомнение не только методы и отдельные выводы позитивистов, но и саму возможность объективного, строгого, беспристрастного «научного» социального познания, открывающего единую для всех истину (Ю.А. Бутенко). («Главные аргументы философской герменевтики, – писал об этом периоде Ю. Хабермас, – были восприняты повсеместно, но не в качестве философской доктрины, а как исследовательская парадигма *внутри* социальных наук, прежде всего – в антропологии, социологии и социальной психологии (курсив автора. – *Т.Р.*). Пол Рабинов и Уильям Салливэн охарактеризовали это явление как “интерпретативный поворот”» [9, с. 35 – 36].) Уже тогда в результате вышеуказанного поворота для всех более или менее стал очевиден грядущий переход к другой, более сдержанной и скептической оценке возможностей и характера научного знания.

Стремление рассматривать окружающий мир как объективный процесс присуще любой науке, и педагогика в данном случае – не исключение. Однако для педагогического мышления, стиль которого зачастую может быть охарактеризован как «однозначно-рецептурный, репродуктивный» (В.А. Сластенин), по-прежнему характерно доминирование позитивистских, сциентистских установок. По мнению В.В. Краевского, это проявляется в абсолютизации роли науки в системе культуры человеческого общества: «Абсолютизируются стиль и общие методы построения знания, свойственные естественным и точным наукам, которые рассматриваются в качестве парадигмы, образца научного знания вообще. Сциентистские установки выражаются во внешнем подражании точным наукам: в искусственном применении математической символики, придании философско-мировоззренческим и социально-гуманитарным рассуждениям формы, характерной для точных наук» [4, с. 14].

В исследованиях Н.В. Бордовской, Е.В. Бондаревской, М.В. Воропаева, А.Ф. Закировой, В.В. Краевского, Л.М. Лузиной, Н.Д. Никандрова, А.М. Новикова, В.А. Сластенина и др. отмечено, что современный период развития педагогической науки характеризуется открытостью новым идеям, концепциям, течениям, направлениям. Методологическая основа современного исследования может выстраиваться как разноуровневая система установок, подходов, изначально ориентирующих ученого на целостный и всесторонний учет особенностей и типа проводимого исследования.

Специфика подходов, используемых в педагогических исследованиях и практической деятельности, состоит в том, что они сформировались на основе общенаучных или предельно широких антропологических категорий (понятий) – «система», «структура», «функция», «информация», «модель», «личность», «деятельность» и др. Поэтому одним из ведущих оснований при изучении социального воспитания остается *системный подход*, значимость которого в исследовательской деятельности (В.Г. Афанасьев, М.С. Каган, В.П. Кузьмин, Э.С. Маркарян, И.Т. Фролов, Э.Г. Юдин и др.) очевидна. Использование системного подхода в анализе социального воспитания позволяет выявить совокупность взаимосвязанных компонентов (предметный анализ); дать характеристику функциональных связей феномена социального воспитания с другими явлениями социальной жизни (функциональный анализ); представить генетический анализ социального воспитания как социокультурной системы (исторический анализ).

Специфика социального воспитания как социальной системы, связана с тем, что в ряде случаев именно отдельные составляющие ее элементы (люди, группы и другие социальные общности) играют определяющую роль в процессе социализации. Это составляет основу для понимания разнообразия социально-воспитательных моделей и их трактовок в различных историко-культурных условиях. Словом, каков общественный стандарт личности, какие потребности являются для неё основными, какие качестве она должна демонстрировать для жизни в конкретно-историческую эпоху в том или ином обществе, всё это и определяло социальный заказ педагогике в целом и формировало ее либо «индивидуальную», либо «социальную» направленность. Именно поэтому особую эвристическую ценность представляет, связанный с системным – *культурологический подход* (М.С. Каган, Л.Н. Коган, Л.Г. Ионин и др.).

И в этой связи, анализируя специфику методологии науки последних лет, Н.П. Лукина утверждает, что «…границы научности задаются не гносеологическими, а социокультурными параметрами, что науку следует изучать как культуру» [5, с. 9]. Культурологический подход предполагает рассмотрение педагогических феноменов как культурных (Б.П. Битинас, Е.В. Бондаревская, Г.И. Гайсина, И.Е. Видт, И.Г. Фомина Н.Е. Щуркова, и др.), связанных с решением задач социализации и инкультурации личности посредством трансляции ей ведущих фрагментов общего и специализированного социокультурного опыта.

Трактовка социального воспитания как социокультурного процесса становится возможной благодаря использованию философско-культурологических, психологических идей и концепций XX века (М. Бубер, М.М. Бахтин, Л.С. Выготский), которые составляют основу понимания разнообразия воспитания в его целеполагающем и организационном аспектах (М. Мид, Л.И. Новикова, Л. Сиземская, А.П. Валицкая, И.А. Колесникова, Г.И. Гайсина, С.К. Булдаков, Н.Б. Крылова). Культурологический подход создает возможности для рассмотрения социального воспитания как культурного процесса, осуществляющегося в определенной культурно-информационной среде, питающей ценностно-смысловое развитие личности.

Как ключевой для анализа педагогических явлений, в том числе – социального воспитания, является *антропологический подход* (М. Шелер, О.-Ф. Больнов, С. Кьеркегор, А. Камю, Э. Фромм и др.). Философская антропология, как отмечает А.П. Огурцов, независимо от ее вариантов, выдвинула и обосновала исходное фундаментальное методологическое и мировоззренческое требование – постичь человека в целостности его характеристик. Идея целостности человеческого бытия, человеческого существа, выдвинутая в философской антропологии, оказалась весьма перспективной, прежде всего, тем, что понимание бытия представляет бытие человека (не только его личностную проекцию), его существование, жизнь во всех ее проявлениях и отношениях.

Антропологическое знание выступает как основание для формирования социально-воспитательных концепций, формируя антропосоциокультурную направленность развития социально-педагогического знания (Б.В. Куприянов, В.И. Максакова, А.В. Мудрик, А.П. Огурцов, Т.С. Просветова, И.Б. Романенко, В.А. Сластенин и др.). Образ человека, развиваемый в философско-антропологических концепциях (педагогическая антропология С.Н. Гессена, антропософия Р. Штайнера, христианская антропология В.В. Зеньковского и др.), далеко не тождественен. Следовательно, любые трактовки феномена социального воспитания неразрывно связаны (детерминированы) с нашим пониманием феноменальной природы человека, т.е., каким рисует человека антропологическое знание тем и будет социальное воспитание, призванное по определению воспитать в человеке человека и гармонизировать взаимоотношения человека с обществом.

Обращение к *феноменологическому* подходу при анализе социального воспитания помогает нам обнаружить за наличной объективностью вещи её самораскрытие, т. е. феноменальную природу. В основу понимания объективного феномена социального воспитания нами были положены идеи феноменологического подхода, сформулированного Э. Гуссерлем и М. Шелером – представителям идеалистического и реалистического направления в феноменологии. К примеру, Э. Гуссерль требовал от ученого не столько деятельности по созданию априорных квазинаучных схем, сколько полагал необходимым следовать в работе идеалу точного описания действительного положения дел: настойчивый призыв вернуться к истокам: постижению истинной сущности феноменов очищенных от целого сонма словесных нагромождений путем прояснения их подлинных смысловых и бытийных установлений. «Такая максима, – писал М. Хайдеггер, – сынтенционирована против анархических построений, случайных принципов, против мнимых концепций, против нелепых проблем» [10, с. 88]. Присущая феноменологии Э. Гуссерля вышеуказанная исследовательская установка ставит в центр критического разбор не столько само существование нашего мира, зачастую скрывающегося за надуманными теоретическими конструкциями, сколько, наши, весьма далекие от реальности, умозрительные представления о нем.

В действительности феноменологический метод призван служить одной лишь естественной и необходимой для любой науки цели: поиску «неопровержимых данных», ибо в фундамент научного здания могут и должны быть положены только «стабильные очевидности». («“Без очевидности нет науки”, не раз и не два подчеркивал Гуссерль в своих “Логических исследованиях”» [Цит. по: 6, с. 369].) Ну, а поскольку границы оче-

видности заданы лишь пределами совокупного знания, то остается лишь искать нечто настолько явное, что и отрицать-то невозможно.

Следя гуссерлевскому пониманию, в основу дальнейших рассуждений о феномене социальном воспитании мы положили эвристически плодотворную идею открытого вовне (интенционального), деятельностного сознания человека призванного прояснить истинную сущность постигаемых феноменов. «Феномены для Гуссерля, – подчеркивает А.М. Руткевич, – не являются ни эмпирическими состояниями сознания, изучаемыми психологией, ни феноменами в кантовском смысле. Феномен – это не явление, за которым скрывается некая сущность. Противопоставление явления и "вещи-в-себе" ничего не говорит нам о том, что же дано нам со всей очевидностью. Феноменом Гуссерль называет то, что открыто сознанию так, как оно ему открывается…» [7, с. 52]. Сознание всегда направлено, нацелено на что-нибудь, и это нечто и есть феномен. Как феномен не является субъективной видимостью, так и сознание не есть совокупность психических состояний, не является оно и какой-то «внутренней инстанцией» противостоящей внешнему миру. Данная феноменологическая интенция может и должна быть реализована через описание различных социальных феноменов, которые предстают интенциональному сознанию исследователя после заключения в скобки наших философских воззрений и убеждений, связанных с нашей естественной установкой, которая навязывает нам веру в существование мира «простых», но отнюдь не очевидных вещей.

Рассматривая педагогические явления как феномены, акцентируется признание единства, синтез знания, опыта и понимания, реализуемого во взаимодействии людей, не только как носителей определенной функции («учитель – ученик», «педагог – воспитанник»), но как живых людей, обладающих своим субъективным миром, не всегда поддающимся управлению и контролю. Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что воспитание предстает как часть культуры человеческого общества, как специфическая социальная реальность, отражающая процессы взаимодействия личности и общества, связанные со становлением человека, т.е. феномен. Отсюда вполне логично следует вывод о том, что раз воспитание – это системный феномен и атрибут человеческого бытия, то это его базовое, функциональное свойство в полной мере распространяется и на социальное воспитание как его подсистему. С позиций феноменологического подхода социальное воспитание выступает как объективный социальный феномен, истинную сущность которого можно установить с помощью отказа от поверхностных суждений и определения объективных теоретико-методологических оснований, лежащих в основе конструирования его различных теоретических образов.

Пониманию социальных феноменов способствует объяснение, интерпретации. Многообразие интерпретаций рождается из многообразия фундаментальных, конечных по своей сути значений, на которых индивид выстраивает свое мировоззрение или миросозерцание и свою жизнь. Возможность и необходимость интерпретаций этих новых тематизаций различных аспектов педагогической реальности, неповторимая уникальность педагогического факта как такового делает чрезвычайно актуальными *герменевтические методы*, которые в последнее время приобретают широкое распространение не только в психологии, философии, социологии, но и педагогике (А.Ф. Закирова, Л.М. Лузина и др.). Возможность использования концептуальных положений герменевтики В. Дильтея, философской герменевтики Г.-Г. Гадамера и П. Рикера, феноменологии Э. Гуссерля при анализе педагогических феноменов основана на признании неоднозначности и стохастичности процессов развития и формирования личности. Герменевтическое содержание педагогической науки заложено там, где предлагается поливаритивность подходов, наблюдается уход от логической однозначности, жесткой детерминированности. Это актуализирует проблемы смыслообразования, смыслосозидания в педагогическом контексте (Л.М. Лузина). Многозначность символов, в качестве которых выступают разнообразные проявления жизни человека (физические, психические, социальные), требуют осознанного взгляда на противоречивость их истолкования с различных позиций (нравственных, философских, религиозных, социальных и пр.). Это подтверждает наличие различных интерпретаций, скрывающих все более глубокие слои смыслов. Следовательно, и социальное воспитание может быть интепретировано в различных контекстах, с точки зрения понимания различных смыслов (человеческих, общественных, религиозных и пр.), которые вкладываются в сам

процесс педагогически организованной социализации. Герменевтическая ориентация позволяет актуализировать процессы смыслообразования как социально-воспитательные средства, позволяющего человеку обрести свое место в мире не только путем следования социально-заданной норме, традиции, но путем актуализации субъективных значений (смыслов), возникающих у человека в процессе взаимодействия с миром, переопределения и «вписывания» этих смыслов в общее «смысловое» поле взаимодействующих субъектов.

Таким образом, для анализа сложных социальных явлений, каковым является и социальное воспитание важно использовать эвристические возможности различных исследовательских подходов. Каждый из предложенных для исследования подходов обладает своей акцентуацией, при этом, ни один из них не может претендовать на исчерпывающее исследование объекта. «Человекоразмерные» науки (В.С. Степин), не могут ограничиваться односторонним анализом собственного объекта изучения. Напротив, в силу разной акцентуации они могут дополнять друг друга по принципу комплиментарности (дополнительности). Все подходы отражают многомерность педагогической реальности, в рамках которой понимание проблем социального воспитания диалектически взаимосвязано. Данное понимание сопрягается с признанием, во-первых, уникальности природных и социокультурных явлений, образующих жизненную среду человека, неповторимости самого человека как биосоциального и духовного существа; во-вторых, целостности его существования с окружающим миром; в-третьих, ориентации на культурологические ценности познания социокультурных феноменов и самого человека.

Рассмотрение педагогического процесса как неотделимого от социального и культурного бытия отражено в использовании в педагогических исследованиях понятия «парадигма» и попыток использования *парадигмального подхода*. В XX веке термин «парадигма» был введен в философию для характеристики нормативности методологии и получил широкое распространение благодаря Т. Куну как способ видения мира отражает более высокий уровень организации научного знания, выступает феноменом, поскольку на ее основе возникают разные теории. По его мнению, научный процесс неразрывно связан с субъектом научной действительности, а переход к новой парадигме представляет собой социальное явление. Понятие парадигмы стало очень распространенным в педагогической науке, трансформируясь в понятие «поли-, межпарадигмальности». Исследования М.В. Богуславского, Г.Б. Корнетова А.П. Валицкой, И.А. Колесниковой, В.Г. Пряниковой, З.И. Равкина, И.Г. Фомичевой и др. представляют использование данного понятия в формировании исследовательской модели проблем образования как современных, так и исторических, как «наиболее общие принципы понимания и интерпретации объекта исследования, принятые в определенном научном сообществе» [2, с. 15]. Парадигмальный подход, с одной стороны, задает границы интерпретации и понимания исследуемого объекта, с другой, – выступает в качестве инструмента, при помощи которого изучаемое явление моделируется. Социальное воспитание с позиций парадигмального подхода выступает как инвариант, многообразие теоретических образов («схем», исследовательских программ»), которые, отражают различные исследовательские позиции по поводу социального воспитания.

Всё многообразие теоретических концепций, подходов свойственное современной науке, в той или иной степени тяготеет к двум великим научным парадигмам. В различных классификациях эти уже ставшие традиционными парадигмы обозначаются по-разному: объективизм и субъективизм; макро- и микроуровни анализа; «нормативизм» и «интерпретативизм»; «объясняющий» и «понимающий» подходы. Как известно, объясняющий подход заложен традицией позитивизма, свое развитие получил в концепциях Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и Р. Мертона. Основы понимающего (интерпретативного) анализа, зародившиеся в «понимающей социологии» М. Вебера и «философии жизни» В. Дильтея, приводят далее к «символическому интеракционизму» Дж.Г. Мида и Г. Блумера и обретают законченный вид в трудах таких социологов и философов феноменологической и герменевтической ориентации, как Э. Гуссерль и Г.-Г. Гадамер, И. Гофман и А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман, Л. Витгенштейн и П. Рикёр.

Исследовательская ориентация на классические, позитивистские (нормативные) идеи актуализирует абстрагирование социальных ситуаций от индивидуальных характеристик, их типичность,

унифицированность. Метод познания проблем социального воспитания реализуется как метод объяснения связей в системе («социальное воспитание – общество», «социальное воспитание – человек» и пр.), содержание социального воспитания напрямую связано с упорядочиванием системы, приведением ее в «жесткий», нормативно-ценностный вид. Основной характеристикой связей внутри системы социального воспитания выступают жесткие причинно-следственные связи.

Возможность реализации иной исследовательской ориентации, связанно с интерпретативно-понимающим научным подходом, провозглашающим множественность проявлений любого социального феномена. Теоретизация социального воспитания ориентируется на индивидуальные характеристики ситуации, ее уникальность, на абстрагирование от общих характеристик. Ситуации социального воспитания приобретают характер неповторимости, единичности, в связи с чем актуализируются коммуникативные, эмоциональные, смысловые аспекты относительно контролируемой и направляемой социализации.

Иными словами, феномен социального воспитания может быть адекватно познан и представлен лишь при условии понимания его глубинной социальной обусловленности / заданности, и при условии, что в фокусе нашего анализа остается все многообразие культурных и антропологических, феноменологических и герменевтических характеристик и детерминант социального воспитания. Классические методы познания социального воспитания несут в себе идею «общего», упорядочивания элементов системы «человек – общество – воспитание», ориентацию на знание общих закономерностей макросоциальных процессов. Неклассические методы несут в себе идею множественности проявлений человеческой социальности, ориентацию на знание индивидуальных закономерностей проявлений микросоциальности. А раз так, то объективистский (нормативно-объясняющий) подход должен быть с необходимостью дополнен субъективистским (интерпретативно-понимающим) подходом, фиксирующим культурно-аксиологические и антропоцентрические размерности изучаемого феномена.

Библиографический список

1. *Бутенко И.А.* Постмодернизм как реальность, данная нам в ощущениях // СОЦИС. – 2000. – № 4. – С. 3–11.

2. *Валицкая А.П.* Философские основания современной парадигмы образования // Педагогика. – 1997. – № 3. – С. 15–19.

3. *Закирова А.Ф.* Герменевтическая интерпретация педагогического знания // Педагогика. – 2004. – № 1. – С. 32–42.

4. *Краевский В.В.* Научное исследование в педагогике и современность // Педагогика. – 2005 – № 2. – С. 13–20.

5. *Лукина Н.П.* Философский анализ социокультурного подхода в науке. – Томск: «РАСКО», 2000. – 172 с.

6. *Реале Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4.: От Романтизма до наших дней / Д. Реале, Д. Антисери. – СПб.: Петрополис, 1997.

7. *Руткевич А.М.* Эдмунд Гуссерль // Философы двадцатого века. Книга первая. – М.: Изд-во «Искусство XXI века», 2004. – С. 46–59.

8. *Степин В.С.* Теоретическое знание. – М.: Прогресс, 2000 – 744 с.

9. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2001. – 379 с.

10. *Хайдеггер М.* Мысли, постулаты, афоризмы, философские интерпретации. – Минск: Изд-во «Современное слово»,1998. – 384 с.

О.В. Никифоров

О СОЗДАНИИ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД

Модернизация системы образования в нашей стране направлена, прежде всего, на повышение адекватности конечных результатов актуальным запросам общества, государства и личности. От современного человека требуется не только и не столько владение неким багажом знаний, сколько готовности и способность добывать, обрабатывать, применять знания в конкретных нестандартных условиях. Следовательно, высшее образование создает предпосылки для дальнейшего профессионального саморазвития. В этих условиях особое значение приобретает вопрос о педагогической оценке готовности будущих учителей к практической деятельности.

Оценка как педагогическая категория давно находится в поле зрения исследователей, что уже прослеживается в работах Я.А. Коменского, И.Г. Песталоцци, И.Ф. Гербарта, А. Дистервега, Дж. Дьюи, М.В. Ломоносова, В.Г. Белинского, Н.И. Пирогова, К.Д. Ушинского и др. Следует упомянуть исследования, в которых представлены *принципы и технологии оценочной деятельности*: Ш.А. Амонашвили, С.И. Архангельский, Ю.К. Бабанский, В.П. Беспалько, М.В. Кларин, Ю.А. Конаржевский, В.В. Краевский, И.Я. Лернер, П.И. Пидкасистый, В.М. Полонский, М.Н. Скаткин, В.А. Сластенин, Н.Ф. Талызина и др., *вопросы проектирование систем оценки качества подготовки*: Н.Ш. Ватолкина, А.И. Вроейнстийн, В.Г. Казанович, Б.К. Коломиец, А.А. Макаров, В.П. Соловьев, Н.А. Селезнева, А.И. Субетто, В.В. Рябов, Ю.В. Фролов и др., *применение компетентностного подхода к оценке подготовленности выпускников вузов*: В.И. Байденко, Л.А. Вицес, И.А. Зимняя, О.Е. Лебедев, С.А. Маруев, Дж. Равен, Л.М. Спенсер, С.М. Спенсер, Ю.Г. Татур, А.В. Хуторской, S. Kauffeld, U. Clement и др., *проблема оценки качества подготовки педагогов* В.А. Козырев, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, Н.И. Мешков, Н.Ф. Радионова, Е.И. Сахарчук, А.П. Тряпицына, С.Е. Шишов, H.E. Tenorth, J. Wildt и др. Отдельно следует упомянуть исследования в рамках европейского проекта TUNING, направленного на реализацию идей Болонской декларации, а также многочисленные разработки, выполненные в Исследовательском центре проблем качества подготовки специалистов.

Анализ научных исследований и состояния практики обозначил наличие противоречия между сложившимися к настоящему времени вузовскими системами оценки качества подготовки специалистов, концептуально отражающими доминирование знаниевоцентристской парадигмы образования и общемировой тенденцией, выражающейся в парадигмальном сдвиге от «предметоцентризма» к «студентоцентризму», что находится свое отражение в актуализации системно-деятельностного и компетентностного подходов в высшем и непрерывном образовании. Разрешение данного противоречия определило *проблему диссертационного исследования*: посторенние эффективной модели оценки подготовленности выпускников как комплексного инструмента определения качества высшего педагогического образования.

Цель исследования – разработать систему оценки подготовленности выпускников педагогического вуза при переходе на компетентностный подход.

Объект исследования: оценка подготовленности выпускников педагогического вуза.

Предмет исследования: система оценки подготовленности выпускников педагогического вуза при переходе на компетентностный подход.

Гипотеза исследования: система оценки подготовленности выпускников педагогического вуза будет эффективной, если:

– студенты принимают участие в процедуре оценки своих достижений;

– оценочные суждения характеризуют знаниевый, деятельностный и ценностный компонент результатов образования;

– результаты образования выражаются в конкретных категориях, что позволяет их сравнивать и оценивать.

Задачи исследования:

– на основе теоретического анализа научно-педагогической литературы по проблеме исследования рассмотреть категорию педагогической оценки;

© О.В. Никифоров, 2006

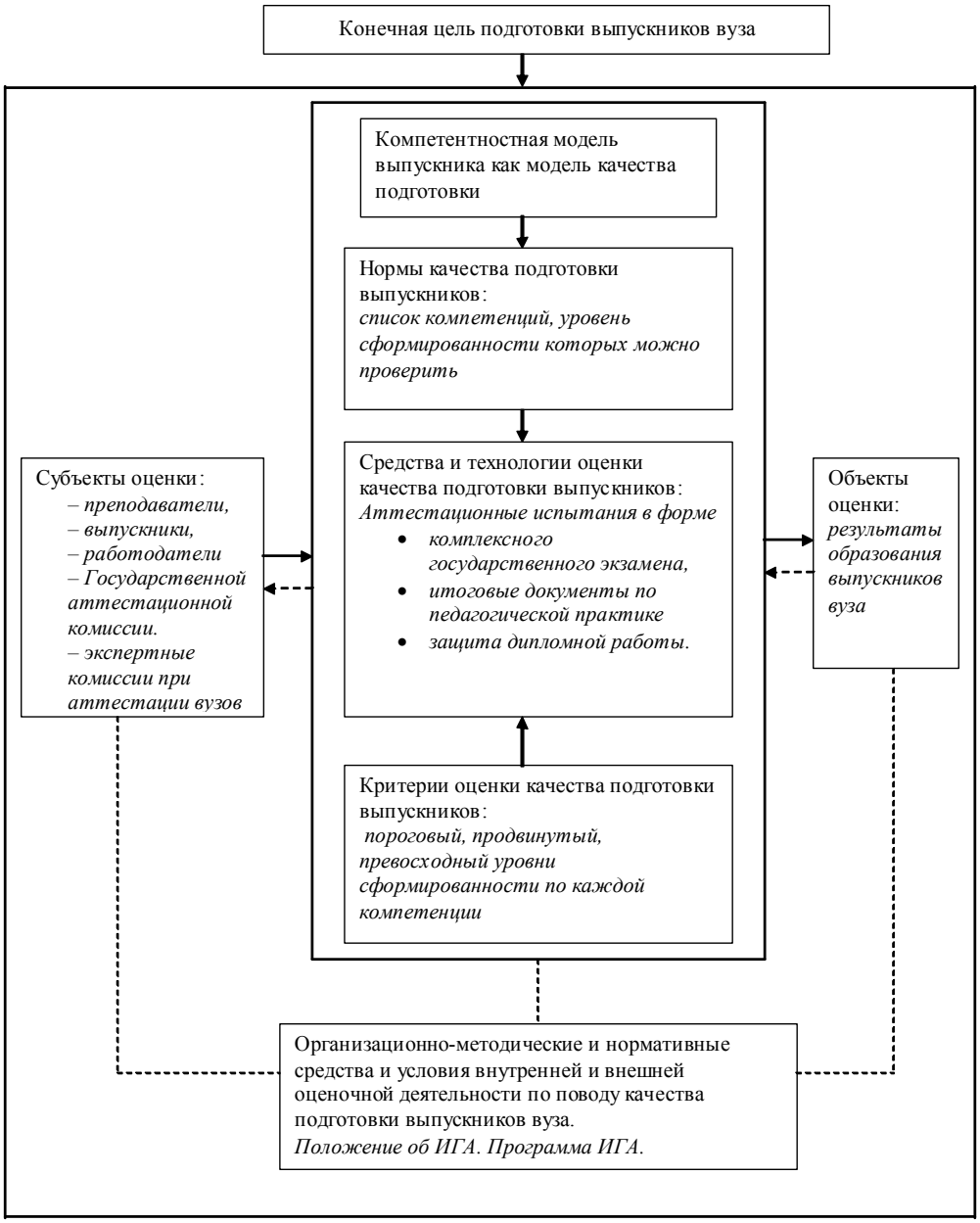


Рис. Концептуальная модель системы оценки подготовленности выпускников педагогического вуза на основе компетентностного похода

– раскрыть понятие педагогическая оценка подготовленности выпускников педвуза с позиций системодеятельностного и компетентностного подходов;

– выявить компоненты системы оценки подготовленности выпускников педвуза при переходе на компетентностный подход;

– предложить для внедрения проект модернизации системы оценки подготовленности выпускников педвуза при переходе на компетентностный подход.

Система оценки подготовленности выпускников педагогического вуза понимается как взаимосвязанная совокупность конечных целей и результатов обучения выпускников, норм и критериев оценки качества их подготовки, оценочных средств и технологий для итоговой государственной аттестации (ИГА), организация методических

и нормативных средств и условий внутренней и внешней оценочной деятельности по поводу качества подготовки выпускников. Концептуальная модель такой системы представлено на рисунке, составленном с опорой на исследование [7].

Специфика педагогической профессии заключается в том, что при организации итоговой государственной аттестации необходимо произвести проверку практической готовности к осуществлению педагогической деятельности. Успешность в качестве студента педагогического вуза не гарантирует его успех в качестве учителя. Помимо обучающей функции учитель организует процесс воспитания, создает условия для развития. Педагогическая профессия публична и многое в ней зависит от умения общаться и строить взаимоотношения с разными людьми. Поэтому итоговая аттестация должна включать диагностику способности действовать в реальной педагогической ситуации. В качестве источника информации возможно привлечение документально зафиксированные итоги педагогической практики, мнения методистов, учителей, учащихся.

Требования к подготовке учителя с одной стороны отражают особенности конкретной предметной области, с другой – качества необходимые вне зависимости от преподаваемого предмета. Следовательно, итоговая аттестация педагогов должна включать инвариантную и вариативную часть. В качестве примера, такой диверсификации можно привести классификацию компетенций в рамках проекта TUNING: предметные и ключевые [3]. Направленность на развитие компетенций – это одна из возможностей строить образовательный процесс в соответствии потребностями и возможностями обучающегося. Основные отличия понятия компетенция, от традиционных знаний, умений, навыков, квалификаций состоят в следующем:

– интегративный характер;

– соотнесенность с ценностно-смысловыми характеристиками личности;

– практико-ориентированная направленность [2, с. 17].

Компетентностный подход реализуется через формулировку требований, которые определяют не, что должны знать выпускники, а то какие профессиональные задачи они должны уметь решать. Перенос акцента на выход, на результаты образования ведет к необходимости их точного описания. Результаты образования, выраженные посредством компетенций позволяют всем заинтересованным сторонам видеть уровень достижений выпускника и перспективы его повышения. Такая наглядность особо важна в педагогической профессии, так как она помогает учителю в его самообразовании. Критерии оценки ориентирующиеся на компетенции могут быть сформулированы более инструментально, что позволит избежать абстрактных определений.

Проблема создания компетентностной модели выпускника вуза является принципиальной при переходе на компетентностный подход в оценке качества образования. Несмотря на то, что существуют методики выявления актуального состава компетенций [1; 3] и разрабатываются варианты моделей выпускников – будущих педагогов [4; 5], в исследованиях не сформулирован согласованный список тех компетенций, которые обеспечивают успех в работе учителя.

Вариантов систематизации и диверсификации компетенций существует достаточное количество, все они обоснованы и имеют очевидные достоинства, однако в данной работе мы сознательно ограничились лишь несколькими [1–6; 8]. Почему именно эти классификации были взяты за основу модели компетенций? Выбор обусловлен следующим: это наиболее подробные списки; это наиболее поздние работы, содержащие в себе анализ предшествующих разработок; представленные исследования строятся не только на основе теоретического анализа научных публикаций, но проверены с применением разнообразных методов диагностики состояния практики и, прежде всего, на основе работы лучших специалистов в различных профессиональных сферах, т.е. формулировки были получены на основе анализа реального успешного поведения и продуктивного выполнения профессиональной деятельности.

За основу мы взяли разграничение, предложенное в проекте TUNING: универсальные и предметные компетенции [3]. Внешняя простота в данной классификации ведет к высокой технологичности, удобство в использовании сочетается с полнотой охвата. Кроме того, мастерство в педагогике предполагает совмещение широкой общекультурной подготовки, с акцентом на личностных качествах и высокого профессионализма в конкретной области научного знания. Таким образом, предложенная в настоящей работе модель содержит универсальные или ключевые (необходимые любому специалисту с высшим обра-

зованием) и профессиональные компетенции, последние в свою очередь делятся на общепедагогические (необходимые любому учителю) и специальные (необходимые учителю как специалисту в области истории).

Несмотря на то, что ряд компетенций являются уникальными для каждой конкретной классификации, очевидно, что часто различные авторы в качестве ключевых определяют много близких по смыслу компетенций. Если их включить в итоговый список, то наиболее полной окажется классификация, предложенная в работе [1, с. 38–41]. Она содержит 61 ключевую компетенцию, сформулирована на основе анализа отечественных и зарубежных исследований, и ее мы используем в качестве составляющей общей компетентностной модели выпускника педагогического вуза.

Педагогические компетенции мы определили на основе сопоставления классификаций предложенных в проекте TUNING с разработками отечественных специалистов из Санкт-Петербурга и Пскова. Отечественные и зарубежные авторы поразному определяют актуальный состав педагогических компетенций; если в российских вариантах выделяется по 5 компетенций [4, с. 10], [5, с. 14–16], то в европейском их 30 [3, с. 181–182]. При этом ряд компетенций, таких как способность эффективно управлять временем, способность эффективно взаимодействовать с группами и отдельными людьми, способность обдумывать и оценивать эффективность своей работы и другие, уже присутствуют в разделе ключевых компетенций, правда, в несколько иных формулировках, но таким же содержательным наполнением. Поэтому в итоговую модель вошли 23 педагогические компетенции. Включение этих 23 компетенций в модель выпускника будущего учителя истории детерминировано исключительно тем, что европейский подход отличает большая детализация и полнота отражения педагогической реальности.

Таким образом, полный перечень компетенций, которые могут быть нужными для учителя истории включает: ключевые компетенции: (компетенции социального взаимодействия, системно-деятельностные компетенции, компетенции самоорганизации и самоуправления, ценностно-смысловые и политико-правовые компетенции, компетенции самостоятельной познавательной деятельности), общепедагогические компетенции, специальные компетенции. Компетентностная модель выпускника педагогического вуза (на примере учителя истории) была включена Отчет научно-исследовательской деятельности (Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2007).

Каждая из компетенций может иметь три уровня сформированности:

– пороговый – минимально-необходимый уровень для выполнения профессиональной деятельности;

– продвинутый – отличает наиболее успешных специалистов;

– превосходный – максимальный уровень выраженности (иногда практически не достижим).

Индивидуальная компетентностная характеристика выпускника, фиксирующая динамику его личностного и профессионального развития, создается в течение длительного времени, для этого используются указанные методики. При оценке качества подготовки выпускника на итоговой аттестации делается окончательное заключение об уровне сформированности каждой из компетенций. Структурно характеристика выпускника по каждой компетенции представляет собой следующее: уровень развития, характерные признаки указанного уровня, комментарий (если в нем есть необходимость).

В соответствии с предложенной компетентностной моделью выпускника педагогического вуза выполнена систематизация оценочных средств и технологий для системы итоговой аттестации.

Экспериментальной базой нашего исследования являлся Псковский государственный педагогический университет.

Библиографический список

1. *Байденко В.И.* Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: Методическое пособие. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. – 72 с.

2. *Байденко В.И* Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): Методическое пособие. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. – 114 с.

3. Болонский процесс: поиск общности европейских систем высшего образования (проект TUNING) / Под ред. В.И. Байденко. – М.: Исследо-

вательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. – 211 с.

4. Компетентностный подход в педагогическом образовании / Под ред. В.А. Козырева, Н.Ф. Радионовой, А.П. Тряпицыной. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 392 с.

5. Опыт формирования компетентностной модели выпускника педагогического как нормы качества и базы оценки результатов образования (на примере физико-математического факультета) / О.И. Мартынюк, И.Н. Медведева, С.В. Панькова, И.О. Соловьева; Под ред. Н.А. Селезневой, И.Н. Медведевой: Материалы XI симпозиума «Квалиметрия в образовании: методология, методика, практика». – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. – 48 с.

6. *Равен Дж.* Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Пер. с англ. – М.: Когито–Центр, 2002. – 396 с.

7. *Селезнева Н.А.* Качество высшего образования как объект системного исследования. Лекция-доклад. Изд. 3-е. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2003. – 95 с.

8. *Спенсер Лайл М. – мл., Спенсер Сайн М.* Компетенции на работе / Пер. с англ. – М.: HIPPO, 2005. – 384 с.

Е.А. Раудсик

СЕЛЬСКИЙ ЛИЦЕЙ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ТИП ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Ретроспективный анализ развития системы образования России показывает, что появление новых типов образовательных учреждений всегда совпадает с периодами значительных изменений в экономике, политике, социальной жизни страны. Это утверждение в полной мере может быть отнесено к такому типу образовательного учреждения, как лицей.

Первые лицеи в системе образования России создаются в XIX веке с целью подготовки высокообразованных чиновников для административного, судебного и дипломатического поприща.

Лицеи занимали в системе образования промежуточное положение между гимназией и университетом: разностороннее общее образование давало основание считать лицеи средними учебными заведениями, в тоже время, наличие в старших классах университетских курсов, равные права воспитанники лицеев с университетскими студентами, право выпускников на получение классного чина по окончании обучения, позволяло отнести лицеи к разряду высших учебных заведений [1].

В первой половин XIX веке было открыто 6 лицеев: Царскосельский, Ришельевский, Волынский, чуть позднее открылись Катковский, Демидовский и Нежинский.

В советское время лицеи были упразднены и вновь начали создаваться только в конце 80-годов прошлого столетия. Их возрождение было связано с всплеском инновационного движения в образовании, вызванного значительными социально-политическими изменениями в стране. Целью образовательного процесса в лицеях было формирование интеллектуальной элиты. Для обеспечения необходимых для этого условий лицеи создается при высших учебных заведениях, набор в них осуществляется на основе конкурсного отбора из лиц, проявивших интерес и способности к избранной специальности [2].

В работе «Новые типы школ: организация и управление» (http://liceum.ntagil.ru/index.html) в качестве наиболее характерных особенностей лицеев авторы называют: организацию преимущественно на старшей ступени обучения, ориентацию на образовательные программы повышенного уровня, сочетание профильной, общекультурной и допрофессиональной подготовки.

Так же, как и в дореволюционный период, лицеи занимают промежуточное положение между общим и профессиональным образованием. Такая двойственность закрепляется, в том числе, на уровне нормативно-правовой базы образования: лицей как тип образовательного учреждения называется в Типовых положениях об общеобразовательном учреждении и учреждении начального профессионального образования.

Как общеобразовательное учреждение лицей реализует программы «основного общего и среднего (полного) общего образования, обеспечивающие дополнительную (углубленную) подго-

 © Е.А. Раудсик, 2006

товку обучающихся по предметам технического или естественно-научного профиля, а также может реализовывать общеобразовательную программу начального общего образования» [3].

Как образовательное учреждение начального профессионального образования лицей представляет собой центр непрерывного профессионального образования (технический, строительный, коммерческий, агролицей и т.п.); осуществляет реализацию интегрированных образовательных программ начального и среднего профессионального образования, обеспечивающих приобретение обучающимися конкретной профессии повышенного уровня квалификации с возможностью получения, в необходимых случаях, среднего профессионального образования [4].

Такая двойственная позволяет рассматривать лицей как общеобразовательное учреждение, реализующее программы общего, профильного и начального профессионального образования. В этом случае лицей приобретает характер комплексной образовательной системы, обеспечивающей максимальный учет социального заказа и ресурсных возможностей конкретной территории.

В опыте нашей работы был создан лицей, ориентированный на удовлетворение образовательных потребностей сельского социума, чем и было обусловлено его название – «сельский лицей».

Однако в процессе преобразования сельской общеобразовательной школы в комплексную образовательную системы, реализующую программы общего и дополнительного образования, профессиональной подготовки было установлено, что этот процесс сопряжен с приобретением образовательной системой ряда новых качеств, позволивших отнести сельский лицей к категории инновационных.

Дадим краткую характеристику основных результатов нашей работы.

Началу экспериментальной работы по преобразованию сельской школы в комплексную образовательную систему предшествовало социологическое исследование, нацеленное на выявление ожиданий в отношении образования социальных партнеров – родителей учащихся, педагогов, основных работодателей микрорайона школы, жителей деревни, где расположена школа. В результате было установлено, что, несмотря на значительное разнообразие мнений, можно выделить позиции, общие для большинства опрошенных. В частности, практически все отметили как необходимость, как хорошего образования («прочных знаний»), так и обучения традиционным для региона ремеслам, умениям, необходимым для ведения подсобного и/или фермерского хозяйства. Основной аргумент родителей был основан на том, что в жизни бывает всякое, а «умелые руки всегда позволят выжить», а работодателям хотелось бы видеть молодых людей, которые бы «не просто *знали,* что надо делать, но и *умели* бы это делать», проявляли бы больше инициативы, были готовы выполнять не только узкий круг своих обязанностей и т.п. В целом изучение социального заказа показало, что традиционная ориентация на знания, умения, навыки как основные результаты образовательного процесса уже не может рассматриваться как удовлетворяющая актуальным потребностям и ожиданиям жителей и работодателей микрорайона школы.

С учетом этого, было определено, что проектируемые изменения должны, во-первых, производиться с учетом региональной специфики; во-вторых, ориентироваться на удовлетворение наиболее острых потребностей прямых и косвенных участников образовательного процесса; в-третьих, опираться на реальный ресурсный потенциал системы образования; в-четвертых, усилить роль «человеческого фактора» системы образования и социального окружения региона.

Первым шагом в направлении поиска путей достижения нового качества образовательных результатов явилось преобразование школы в комплексную образовательную систему типа «сельский лицей» технологического профиля [5]. В рамках этой работы предусматривалось:

– адаптация учебно-воспитательного процесса к культурно-образовательным традициям и актуальным потребностям рынка труда региона;

– создание в рамках комплексной системы «образовательных пространств», обеспечивающих становление спектра ключевых компетенций учащихся (мы ориентируемся на сформулированные ЮНЕСКО цели современного образования: научить жить; научить жить вместе, научить учиться; научить работать).

В результате была создана модель образовательного процесса, реализующего спектр программ, взаимосвязанных на уровне содержания и образовательных технологий.

За счет интеграции и взаимодействия различных образовательных программ (основного и среднего общего, дополнительного образова-

ния, профессиональной подготовки) были созданы условия, обеспечивающие, во-первых, оптимальное использование «человеческих ресурсов» региона через вовлечение народных мастеров в деятельность лицея; во-вторых, реализацию образовательных маршрутов различных уровней и профилей.

На сегодняшний день образовательный маршрут обучающегося лицея включает а) инвариантную часть, предполагающую освоение начального и основного общего образования всеми обучающимися и б) вариативную, обеспечивающую условия для свободного выбора направлений и форм дополнительного образования на всех ступенях обучения, а также профиля профессиональной подготовки на ступени основного и среднего (полного) общего образования.

Взаимосвязанная реализация разноуровневых и разнопрофильных образовательных программ была сопряжена с изменениями на уровне образовательного процесса, внутренней среды лицея и качества его отношений с социумом [6].

На уровне *образовательного процесса* изменения заключались в:

– создании внутришкольной системы непрерывного повышения квалификации, обеспечивающей реальные возможности для разрешения разнообразных профессиональных проблем и совершенствования методического мастерства педагогов;

– освоении и внедрении в учебно-воспитательный процесс интерактивных образовательных технологий, а также в расширении междисциплинарных связей;

– смещении акцентов с успеваемости на личностные достижения учащихся, в освоении новых процедур контроля и оценки качества образования.

На уровне *внутренней среды* лицея изменения были связаны с:

– созданием социально-образовательного пространства, в котором востребован социальный и личный опыт учеников и педагогов;

– расширением вариативности способов реализации индивидуальных способностей, интересов и склонностей;

– обеспечением реальных возможностей осуществления социально-значимой, продуктивной деятельности.

На уровне *отношений с социальным окружением* изменения проявились в опыте совместного решения разнообразных проблем совместными усилиями школьников, жителей микрорайона лицея, социальными партнерами, представителями власти и потенциальными работодателями.

Целостность, поступательность и результативность процесса преобразования школы в сельский лицей обеспечивалось за счет создания единой системы управления качеством образования. Основными целями системы управления было, во-первых, обеспечение устойчивого функционирования образовательного учреждения и гарантированное сохранение достигнутого уровня качества образования, соответствующего государственным нормам и требованиям. Во-вторых, создание условий для поступательного развития лицея, ориентированного на достижение новых, социально значимых образовательных результатов. Образ желаемых результатов был воплощен в разработанной нами компетентностной модели образованности выпускника сельского лицея. Образованность мы определяем как синтез обученности, личностных достижений и комплекс социально значимых компетенций, обеспечивающий выпускнику лицея эмоциональную, интеллектуальную и социальную зрелость, а также готовность самостоятельно решать проблемы в различных областях жизни и профессиональной деятельности [7].

Обученность, личностные достижения и социальные компетенции взаимно определяют и взаимообусловливают друг друга, поэтому могут рассматриваться как уровни образованности: *базовый*, соответствующий требованиям образовательных стандартов; *интегративный*, отражающий не только степень владения базовыми знаниями и умениями, но и опыт осуществления разнообразной деятельности, что фиксируется как личностные достижения обучающихся; *продвинутый*, характеризующийся не только опытом, но и сформированной мотивацией к использованию знаний и умений для решения разнообразных, в том числе, нестандартных учебных и жизненных ситуаций.

Разработка дуальной системы управления качеством и компетентностной модели образованности выпускника, выступающей одновременно в качестве нормы (обученность) и цели (компетенции) образования, обеспечили возможность управления развитием лицея «от будущего», на основе прогнозных моделей [8]. За счет этого были достигнуты результаты, позволившие характеризовать сельский лицей как инновационный тип образовательного учреждения, а именно:

– формулирование целей образования с учетом выявленного социального заказа и разработка модели образованности выпускника как нормы-цели качества образования;

– проектирование форм и способов повышения квалификации педагогов с учетом их образовательных потребностей и уровня профессионализма;

– модернизация образовательного процесса с целью создания условий для реализации разноуровневого и разнопрофильного обучения;

– выбор процедур и разработка инструментария мониторинга эффективности интеграционных преобразований;

– расширение сети социального партнерства, разработка содержания и механизмов взаимодействия с каждым из партнеров.

Экспериментальной базой нашего исследования явился созданный в 2003 году Изборский лицей (г. Изборск, Печорского района Псковской области) путем преобразования Изборской средней школы.

Библиографический список

1. Материалы официального сайта МОУ лицей г. Нижний Тагил (Эл. ресурс) (http://liceum.ntagil.ru/index.html).

2. Инновационные учебные заведения России: информационно-справочное пособие. – М., 1991. – 256 с.

3. Типовое положение об общеобразовательном учреждении.

4. Типовое положение об учреждении начального профессионального образования.

5. Экспериментальные комплексные образовательные системы сельского социума: понятие, разработка, поэтапная реализация / Под ред. Н.А. Селезневой, В.Н. Лещикова. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2002. – 154 с.

6. *Раудсик Е.А.* Изборский лицей: содержание и результаты реализации проекта // Сельский лицей: от проекта до создания: Из опыта работы Изборского лицея: Учебно-методическое пособие / Под ред. И.В. Галковской. – Псков: ИПКРО, 2006. – С. 56–60.

7. *Раудсик Е.А., Галковская И.В.* Модель выпускника сельской комплексной образовательной системы типа «Сельский лицей» // Материалы XV Всероссийской научно-методической конференции «Актуальные проблемы качества образования и пути их решения в контексте европейских и мировых тенденций». Кн. 2. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. – С. 97–100.

8. *Селезнева Н.А.* Управление качеством образования в комплексных сельских образовательных системах. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 45 с.

ФИЛОЛОГИЯ

Н.С. Ганцовская

СТАТУС КОСТРОМСКОГО АКАЮЩЕГО ОСТРОВА В СВЕТЕ ДАННЫХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И ЛЕКСИКОЛОГИИ

«Костромская губерния в гидрографическом отношении занимает одно из счастливейших мест России. Волга разделяет губернию на две части; в неё в параллельном направлении, с севера на юг, протекают три судоходные реки: Кострома, Унжа, Вёкса, имеющая каждая множество боковых притоков, более или менее способствующих торговой деятельности края. <…> Все реки… Костромской губернии принадлежат к бассейну Волги», – так писали в середине XIX века составители «Материалов для географии и статистики России…» о наиболее примечательной черте географического положения Костромской губернии в составе России [5, с. 46].

В междуречье Костромы и Унжи на территории всего современного Чухломского и Солигаличского (кроме самой северной точки последнего на р. Совеге), части Галичского района (д. Муравьищи, д. Олешь, д. Берёзовец), Буйского (с. Ликурга, с. Елегино, д. Пилятино, д. Плещеево), части Кологривского (с. Церковное, д. Копьёво, п. Даравка на р. Понге, северном притоке Унжи), значительной части Парфеньевского района (с. Матвеево, с. Савино, с. Горелец, с. Ильинское и др.) находится так называемый Костромской акающий остров (далее КАО). Иногда его называют Чухломским, по имени его эпицентра. Располагаясь среди «моря оканья», он представляет собой единственный в России по большой протяжённости изолированный массив акающих и якающих говоров. Время его возникновения, направление миграции его населения, особенно исходной, породили гипотезы и до сих пор представляют собой загадку: всё ещё достоверно не установлен его глотто- и этногенез, его демогенезис, нет исторических документов и фактов о наличии аканья на данной территории ранее, чем в 20-е годы XVII века (см.: Н.Н. Виноградов, 1918; Н.Н. Соколов, 1917; Л.П. Грехова, 1964; Г.Г. Мельниченко, 1974).

Между тем исследование диалектных границ той или иной территории требует совместных усилий ряда наук лингвистического и нелингвистического цикла, среди которых главную роль должны играть данные исторической диалектологии и лексикологии. По словам А.С. Герда: «…в задачи исторической диалектологии и лексикологии входит выяснение того, как, откуда и когда в такую-то зону попали данные слова, какова история этих слов. Исследование же, направленное на проблемы этногенеза, имеют своей целью дать какие-то новые материалы для рассмотрения вопросов демогенезиса, т. е. истории заселения ареала. При этом теория демогенезиса рассматривает историю миграций в принципе безотносительно к этносам, в то время как теория этногенеза даёт этим процессам этническую интепретацию. Само по себе решение проблем демогенезиса и этногенеза может быть только комплексным, проводимым специалистами самых разных наук на равных основаниях. История собственно диалектной системы может быть вскрыта на основе чисто лингвистических методов, этническая история ландшафта, ареала – всегда объект ряда наук» [2, с. 59]. На необходимость изучения всех форм языкового проявления русского менталитета на всей территории распространения русского языка неоднократно указывала К.И. Демидова, см., в частности [4]. Сосредоточивая своё внимание в основном на изучении лингвистических проблем ареальной дистрибуции лексики говоров КАО, её роли в определении типологии костромских акающих говоров, наряду с проблемами глоттогенеза мы в определённой мере обращаемся и к проблемам демогенезиса и этногенеза края.

Акающие говоры в пределах междуречья Костромы и Унжи по территориальному признаку можно уподобить серболужицкому языку, оторвавшемуся от остальной славянской массы языков. Костромские островные акающие говоры расположены на севере центральной части России, в пределах Вологодско-Вятской группы северновеликорусского наречия. На карте Московской диалектологической комиссии (далее МДК)

© Н.С. Ганцовская, 2006

«Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» они помечены цифрой 3, как и восточные подмосковные говоры, и признаны средневеликорусскими [8]. В основном это касалось только их наслоения – фонетического уровня в области безударного вокализма, характеризовавшегося аканьем. Основа же говоров – консонантизм, грамматический строй, лексика – признавалась северновеликорусской.

Мы разделяем точку зрения МДК по вопросу о статусе КАО: это средневеликорусские говоры с северновеликорусской основой и южновеликорусским наслоением, подобные говорам Подмосковья (Соколов, 1917), и полагаем вслед за Н.Н. Виноградовым, что после событий Смутного времени на чухломских и солигаличских землях «группа помещиков, переселившихся в свои новые усадьбы из-под Москвы, сыграла здесь роль закваски и вызвала довольно широкое, по пространству, и сплошное распространение акающего говора» (Виноградов, 1918).

Мы пришли к выводу, что костромской акающий остров на фоне костромских окающих говоров выглядит как языковая маргиналия только в отношении безударного вокализма, в отношении же других уровней языка и этнокультурных различий говоры КАО не представляют резкого контраста с говорами ближайшего окружения. Хотя очертания границ КАО определённы и устойчиво сохраняются на протяжении нескольких столетий, всё же языковая интерференция окающих и акающих говоров имеет место. Подобная проницаемость границ, малозаметная для неподготовленного наблюдателя, непосредственно касается не только взаимовлияния контрастных вокалических систем безударного вокализма, особенно после мягких согласных, она выражается в упрощении и мутации сложных типов аканья и яканья, и неизмеримо в большей степени в области невокалических систем языка. Ни в одном из говоров на территории КАО нет [г] фрикативного и других южнорусских особенностей в области согласных, может быть, за исключением тех черт, которые являются общими для южнорусских и севернорусских, в частности костромских говоров типа *платте, восресенне* и частично, на севере КАО, явлений типа *быў, паўка* и др. Напротив, даже в области вокализма после мягких согласных с явлениями яканья сочетаются ёканье и те отголоски еканья, обнаруживаемые в типе диссимилятивно-ассимилятивного яканья, открытого Е.Г. Буровой и Л.Л. Касаткиным в чухломских говорах (по линии Ножкино – Дудино – Шартаново), которое схоже с уже известным яканьем верхнеднепровского типа, но отличается от него меной гласного [е], а не [и] с [а], а также во всё более становящемся продуктивным типе умеренного яканья, вытесняющем архаические типы яканья, где [а] чередуется чаще не с [и], а с [е] или открытым [и] [1]. Также имеют место случаи (например, в солигаличских говорах) перехода [а] в [е] между мягкими согласными типа *з[е]ть, гр[е]зь*, что, как и многие другие факты севернорусской фонетики: темп и мелодия речи, распространение безударного ёканья, цоканья, [ў] на конце слова и перед согласным на месте [л], [l] европейского, большое количество случаев упрощения групп согласных и явлений в области грамматики – детально описаны Ф.И. Покровским [9; 10], Н.Н. Соколовым, Г.В. Шайтановой [12] и другими исследователями. Характерно, что они не подметили в говорах КАО, кроме безударного вокализма, южнорусских явлений, может быть, ввиду их немногочисленности, эпизодичности даже в речи одного и того же индивидуума, но на что обратили внимание Л.Л. Касаткин, Г.Г. Мельниченко и что в некоторой степени удалось выявить нам.

В истории исследования говоров КАО менее определённы данные о специфике лексики говоров КАО, может быть, в силу того, что лексика в течение XIX и в начале XX века находилась на периферии лингвистических исследований, отсутствовала её чёткая систематизация, в том числе и по географическому признаку. Всё же, благодаря первым сведениям об акающих костромских говорах Н. Нерехотского [7] и В. Даля и глоссариям Ф.И. Покровского, начала и конца XIX века, которые были прокомментированы в данной работе, удалось установить исконно севернорусский, с большой долей общерусских элементов, характер лексики акающих чухломских, солигаличских и буйских говоров. Сведения о лексике чухломских, солигаличских и галичских говоров, почерпнутые из материалов «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева начала XX века и впервые введённые нами в научный оборот, существенным образом пополнили представления о составе, парадигматических и других связях, различных структурно-семантических объединениях лексики говоров КАО [11].

Библиографический список

1. *Бурова Е.Г., Касаткин Л.Л.* Чухломское аканье // Диалектологические исследования по русскому языку. – М., 1977.

2. *Герд А.С.* К истории диалектных границ вокруг Онежского озера // История русского слова: проблемы номинации и семантики: Межвузовский сборник научных трудов. – Вологда, 1991.

3. *Грехова Л.П.* К истории аканья в костромских говорах // Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. Т. 148. Русский язык, вып. 10. – М., 1964.

4. *Демидова К.И.* Формы языкового проявления русского менталитета на уральской территории // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. – СПб., 2002.

5. Материалы для географии и статистике России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния / Сост. Я. Крживоблоцкий. – СПб., 1861.

6. *Мельниченко Г.Г.* Лингвистические карты: приложение к книге «Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII вв. (территориальное распространение, семантика и словообразование)». – Ярославль, 1974.

7.*Нерехотский Н.* Слова, употребляемые жителями города Чухломы и его уезда // Тр. Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете. Ч. 20. Летописи общества. Год 5. – М., 1820.

8. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии // Тр. Московской диалектологической комиссии / Сост.: Н.Н, Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков. Вып. 5. – М., 1915.

9. *Покровский Ф.И.* О народных говорах северо-западной части Костромской губернии // Живая старина: периодическое издание Отд. этнографии Императорского русского географического общества / под ред. председательствующего в Отд. этнографии В.И. Ламанского. Год седьмой. Вып. III–IV. – СПб., 1897.

10. *Покровский Ф.И.* О народном говоре Чухломского уезда Костромской области // Живая старина: периодическое издание Отд. этнографии Имп. русского географического общества / Под ред. председательствующего в Отделении этнографии В.И. Ламанского. Год девятый. Вып. III. – СПб., 1899.

11. *Тенишев В.Н.* Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы этнографического бюро. Т. 1. Костромская и тверская губернии. – СПб., 2004.

12. *Шайтанова Г.В.* Расширение территории аканья в костромских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 3. – М., 1962.

Е.Л. Мураткина

ПРОБЛЕМА ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО И Ч. ДИККЕНСА

Духовный облик маленького метельщика Джо из романа Диккенса «Холодный дом», загнанного, немытого, невежественного, затерянного в огромном Лондоне выписан с необычной для писателя сдержанностью – крупными красками и без каких-либо полутонов. «Имя – Джо… Отца нет, матери нет, друзей нет». Джо знает, что он «настоящий нищий» и что «метла есть метла»; а больше он не знает ничего и откровенно выражает свою неразвитость: «Я ничего не знаю». Предел его понимания нравственных проблем исчерпывается формулой «лгать нехорошо», и он не знает «ни одной коротенькой молитвы». Даже умирая, он не может сам помолиться – душу его отпускает не священник, а один из симпатичных персонажей романа, находящийся поблизости:

«– Джо, можешь ты повторить то, что я скажу?

– Повторю всё, что скажете, сэр, – я знаю: это хорошее.

– Отче наш…

– Отче наш!.. да, это очень хорошее слово, сэр.

– Иже еси на небесех…

– Иже еси на небесех… скоро ли будет светло, сэр?

– Очень скоро. Да святится имя твое…

– Да святится… твое…

Свет засиял на темном мрачном пути. Умер!

Умер, ваше величество. Умер, милорды и джентльмены. Умер, вы, преподобные и неподобные служители всех культов. Умер, вы, люди; а ведь небом вам было даровано сострадание. И так умирают вокруг нас каждый день».

Нарочитое, мелодраматическое чтение «Отче наш» на смертном одре производит странное

 © Е.Л. Мураткина, 2006

ощущение – и приводит писателя к странному выводу: идея смерти почему-то *не совмещается с христианством*.

Нечто подобное записал в дневнике Толстой, бывший 25 марта/6 апреля 1857 г. свидетелем публичной смертной казни в Париже: «*Целовал Евангелие и потом – смерть, что за бессмыслица!*» (XLVII, 121).

«Предметом, на который неизменно была устремлена душа Толстого, была – смерть, не как метафизический, хоть и неизбежный конец жизни (как у Пушкина), но как ее завершение и ее отрицание, как загадка, являющаяся загадкой самой жизни» – так определил эту сквозную тему толстовских художественных размышлений П.М. Бицилли[1]. В раннем творчестве писателя она оказалась прямо связанной с Диккенсом.

Вскоре после чтения «Холодного дома» Диккенса и путешествия за границу Толстой написал небольшой рассказ «Три смерти» (1858) – своеобразный триптих о смерти барыни, ямщика и дерева. Проблема смерти и проблема смысла смерти не переставала мучить Толстого после Севастополя, после Парижа. Как, на каком основании можно примириться с неизбежной смертью? И какие теории прогресса могут помочь в этом деле? Кто лучшие и «счастливейшие» в смерти? Тяжело и мучительно умирает молодая и богатая дама, судорожно цепляясь за жизнь, за христианские утешения, умирает с отчаянием, плачем, ропотом на судьбу. Просто и спокойно умирает от такой же мучительной болезни мужик в тесной избе; просто и спокойно смотрят на эту смерть и он сам, и все окружающие его. Красиво и покорно умирает дерево в лесу, падая под ударами топора на росистую траву. Оставшиеся живые деревья «еще радостнее красовались на новом просторе»; взошедшее солнце осветило вечную жизнь в лесу, «и ветви живых дерев медленно, величаво зашевелились над мертвым поникшим деревом». Вот – идеал смерти, смерти, лишенной всяких ложных утешений, смерти на груди природы и в единстве с нею. Лучший и счастливейший в смерти тот, кто отходит от жизни просто, спокойно, покорно, величаво, красиво. Живому же остается в назидание вечная языческая мудрость: «Спящий в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий!».

Но и здесь, среди живущих, – какая разница между «пользующимся жизнью» мужем умирающей дамы, который, лицемерно вздыхая, пожевывает бутерброд, бессознательно радуясь, что это не он, а жена его умирает!.. Какая разница между этим человеком, который якобы «пользуется жизнью», и вечным трепетанием жизни деревьев над погибшим собратом! «Лучшая и счастливейшая» и жизнь, и смерть – только на груди природы, в вечном единении с нею. Таков глубинный смысл этого рассказа Толстого, тоже направленного своим острием против духовных результатов «цивилизации» и прогресса, против культуры, уводящей человека от природы.

Но есть еще и другая сторона в этом рассказе, о которой сам Толстой говорит в письме к А.А. Толстой: это – противопоставление христианского языческому. Принцип этический – христианство, эстетический – язычество: примиримы ли они? и как? и почему? Вот что говорил сам Толстой об этом своем рассказе:

«Моя мысль была: три существа умерли – барыня, мужик и дерево. – Барыня жалка и гадка, потому что лгала всю жизнь и лжет перед смертью. Христианство, как она его понимает, не решает для нее вопроса жизни и смерти. Зачем умирать, когда хочется жить? В обещания будущие христианства оба верит воображением и умом, а все существо ее становится на дыбы, и другого успокоения (кроме ложнохристианства) – нету, – а место занято. – Она гадка и жалка. Мужик умирает спокойно, именно потому, что он не христианин. Его религия другая, хотя он по обычаю и исполнял христианские обряды; его религия – природа, с которой он жил. Он сам рубил деревья, сеял рожь и косил ее, убивал баранов, и рожались у него бараны, и дети рожались, и старики умирали, и он знает твердо этот закон, от которого он никогда не отворачивался, как барыня, и прямо, просто смотрит ему в глаза. <…> Дерево умирает спокойно, честно и красиво. Красиво – потому что не лжет, не ломается, не боится, не жалеет. Вот моя мысль, с которой вы, разумеется, не согласны, но которую оспаривать нельзя – это есть и в моей душе, и в вашей<...> Во мне есть, и в сильной степени, христианское чувство; но и это есть, и это мне дорого очень. Это чувство правды и красоты, а то чувство личное – любви, спокойствия. Как это соединяется – не знаю и не могу растолковать; но сидят кошка с собакой в одном чулане – это положительно» (LX, 265–266).

М.М. Бахтин в своем анализе этого толстовского рассказа обратил внимание на то, что все три изображенные им «смерти» «внутренне замкну-

ты» и связаны одна с другой лишь на чисто фабульном уровне. Толстой рассматривает отдельные моменты бытия как нравственные данности; давать им оценку – дело исключительно авторское…[2] Смерть барыни изуродована деятельностью ее разума – как и смерть Ивана Ильича в позднейшей повести. Оппозиция *разум – природа* станет с тех пор важнейшей для толстовского мышления вообще.

Три года спустя после рассказа «Три смерти», когда Толстой заканчивал и отделывал для печати своих «Казаков», набросанных еще в 1852 г., он вернулся к этому же ряду мыслей и чувств: в Оленине мы видим соединение «христианского чувства» с чувством природы, с философией «великого язычника» дяди Ерошки. Но там же мы видели и полную неудачу такого соединения «кошки с собакой в одном чулане»: цивилизация и прогресс уводят человека от природы и ставят его мораль в противоречие с его чувствами. Так и в рассказе «Три смерти»: счастье и красота, гармония со всем миром тем недоступнее, чем дальше человек (и вообще живое существо) уходит от этого мира первозданной природы.

От веры в благого Бога Толстой перешел когда-то к вере в благодетельный прогресс человечества. Здесь он перешел к вере в самую жизнь, к вере в человека. Этой верой Толстой жил в эпоху создания двух величайших своих произведений – «Войны и мира» и «Анны Карениной». *Жизнь есть Бог* – вот в чем весь философский смысл великой эпопеи.

Но, поставивши во главу угла непротивление и кротость, Толстой остался «мятежником». Ополчаясь против Церкви и культуры, он не останавливался перед самыми резкими выражениями, подчас звучавшими как грубые кощунства. И это далеко не все противоречия, терзавшие его. «Исповедь», законченная им в 1881 году, – бесценный человеческий документ, В ней он, подобно блаженному Августину и Ж.Ж. Руссо, делился с читателем своей попыткой осмыслить собственный жизненный путь, путь к тому, что он считал истиной. Впрочем, и все ранее созданное писателем тоже было своеобразной исповедью. Переживания героя «Детства», «Отрочества», «Юности», «Казаков», драма, раскрытая в «Семейном счастье», духовные искания Пьера, князя Андрея, Левина – что это, как не преломление сокровенной жизни самого автора? Особенно Левин выглядит почти двойником Толстого, и его история в романс уже содержит непосредственную прелюдию к «Исповеди». Исходные предпосылки к созданию «Исповеди» опровергают расхожее мнение, будто человек задумывается над вечными вопросами лишь под влиянием трудностей и невзгод. Кризис настиг Льва Толстого в период хор благодарных читателей... И внезапно всплывает холодный убийственный вопрос: «Зачем? Ну а потом?» Очевидная бессмысленность жизни при отсутствии в ней внутреннего стержня поражает пятидесятилетнего писателя, словно удар. «Жизнь моя остановилась». Это не просто оцепенение перед ужасом небытия, которое Толстой пережил в Арзамасе, а постоянный фон его существования в, казалось бы, счастливые 1870-е годы.

Свою «Исповедь» Толстой начал с утверждения, что, потеряв в юности веру, с тех пор жил без нее долгие годы. Справедлив ли он к себе? Едва ли. Вера была. Пусть не всегда осознанная, но была, Молодой Толстой верил в совершенство и красоту Природы, в счастье и мир, которые обретает человек в единении с ней. Здесь было кое-что и от Руссо, и от стихийного чувства родства со всем мирозданием. Толстовский Оленин из «Казаков» стремился к этому растворению в Бытии, а его приятель дядя Ерошка уже полностью в нем растворен. Он живет словно зверь или птица. Смерть его не тревожит «Умру – трава вырастет». Тот же покой растворения грезится Андрею Болконскому, когда он смотрит на старый дуб...

Но этого смутного чувства оказалось недостаточно. Звучал голос совести, подсказывая, что в одной лишь Природе не найдешь источника для нравственной силы. Быть может, наука знает, в чем смысл жизни? Но для науки жизнь – просто процесс, естественный процесс, и больше ничего. А если так, то жить бессмысленно. Ведь в конечном счете торжествует смерть. Она-то и есть последняя и самая достоверная правда. Что бы ни происходило на Земле, все поглотит мрак. И тут – конец смыслу. Подтверждение своему пессимизму Толстой искал и в древней, и в новой мудрости: в библейской Книге Экклесиаста, в изречениях Будды, в философии Артура Шопенгауэра. Все сходилось либо к побегу в бездумность, либо к радикальному отрицанию жизни. Если она лишь обман, с ней надо поскорее разделаться.

«Вопрос мой, – пишет Толстой, – тот, который в пятьдесят лет привел меня к самоубийству, был самый простой вопрос, лежащий в душе каждого человека, от глупого ребенка до мудрейшего старца, – тот вопрос, без которого жизнь не-

возможна, как я и испытал на деле. Вопрос состоит в том: "Что выйдет из того, что я делаю нынче, что буду делать завтра – что выйдет из всей моей жизни?" Иначе выраженный, вопрос будет такой: "Зачем мне жить, зачем чего-нибудь желать, зачем что-либо делать?" Еще иначе выразить вопрос можно так: "Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожился бы неизбежно предстоящей мне смертью?"» (XXIII, 16).

Проблема смерти стояла перед Толстым еще с ранней молодости: он был свидетелем многих смертей близких к нему и любимых им людей. 20 сентября 1860 г. в Гиере от туберкулеза скончался его старший брат Николай. Человек, которого «обожали» все окружающие[3], скончался у него на руках. Смерть брата потрясла его прежде всего в метафизическом смысле.

«Для чего хлопотать, стараться, – писал он А.А. Фету, – коли от того, что было Н.Н. Толстой, для него ничего не осталось. Он не говорил, что чувствует приближение смерти, но я знаю, что он за каждым шагом ее следил и верно знал, что еще остается. За насколько минут перед смертью он задремал и вдруг очнулся и с ужасом произнес: "Да что же это такое?" Это он ее увидел, *это поглощение себя в ничто.* А уж ежели он ничего не нашел, за что ухватиться, что же я найду? Еще меньше» (LX, 223)

Если бы, однако, смерть была только «поглощением» личности «в ничто», если бы *ничто* было подлинно *ничем*, то смерть была бы только отвратительна, но далеко не так загадочна. Почему смерть есть в то же время и какое-то просветление? Солдат, раненный в стычке с горцами, «казалось, похудел и постарел несколькими годами, и в выражении его глаз и складке губ было что-то новое, особенное. Мысль о близости смерти уже успела проложить на этом простом лице свои прекрасные, спокойно-величественные черты» («Как умирают русские солдаты», 1858; V, 234).

В конце жизни, споря с официальной религией, проблему смерти и бессмертия человека Толстой решал опять-таки по особенному: «Видимая мною жизнь, земная жизнь моя, есть только малая часть всей моей жизни с обеих концов ее – до рождения и после смерти – несомненно существующей, но скрывающейся от моего теперешнего познания» (XLV, 118). Страх смерти Толстой считает голосом животного *я* человека, указанием на то, что он живет ложной жизнью. Для людей, которые нашли радость жизни в духовной любви к миру, страха смерти не существует. Духовное существо человека бессмертно и вечно, оно не умирает после прекращения телесного существования. Все, чем я живу, сложилось из жизни моих предков. Духовное *я* человека уходит корнями своими в вековое прошлое, собирает в себе и передает другим духовную сущность тех людей, которые жили до него. И чем больше человек отдает себя другим, тем полнее входит его духовное *я* в общую жизнь людей и остается в ней вечно.

Пути человека к истинной жизни конкретизируются в учении о нравственном самоусовершенствовании человека, которое включает в себя пять заповедей Иисуса Христа из Нагорной проповеди в Евангелии от Матфея. Краеугольным камнем программы самоусовершенствования является заповедь о непротивлении злу насилием. Злом нельзя уничтожить зло, единственное средство борьбы с насилием – воздержание от насилия: только добро, встречаясь со злом, но не заражаясь им, способно в активном духовном противостоянии злу победить его. Толстой допускает, что вопиющий факт насилия или убийства может заставить человека ответить на это насилием. Но подобная ситуация – частный случай. Насилие не должно провозглашаться как принцип жизни, как закон ее.

Зло современной общественной морали Толстой видит в том, что правительственная партия, с одной стороны, и революционная – с другой, хотят оправдать насилие разумными основаниями. На отступлениях от нравственных норм нельзя утверждать правила жизни, нельзя формулировать ее законы. С позиции этих вечных нравственных истин Толстой развертывал беспощадную критику современных ему общественных институтов: церкви, государства, собственности и семьи.

Чаще всего Толстой воспринимал смерть не как метафизически случайный, хотя и неизбежный, *конец* жизни, но как ее *завершение* и ее *отрицание,* как загадка, которая является загадкой *самой жизни.* В этом же плане рассматривал феномен смерти и Диккенс – прежде всего в своем историческом романе «Повесть о двух городах» (1859) – романе, который оказался в кругу толстовского чтения также накануне работы над «Войной и миром».

Как в «Войне и мире», так и в «Повести…» перед читателем восстанавливалась в живых «домашних» образах давнопрошедшая эпоха. У Диккенса это эпоха Великой Французской революции и лет, непосредственно ей предшествовавших.

«Это было самое прекрасное время, это было самое ужасное время – век мудрости, век безумия, дни веры, дни безверия, пора света, пора тьмы, весна надежд, стужа отчаяния <…> – *словом, время это было очень похоже на нынешнее,* и самые горластые его представители уже и тогда требовали, чтобы о нем – будь то в хорошем или в дурном смысле – говорили не иначе, как в превосходной степени».

Уже с первых страниц, едва начинает завязываться сюжетный узел, в «Повести о двух городах» выявляется интересующая нас тема *жизни и смерти*. Один из пассажиров дилижанса, некий мистер Джарвис Лорри, получает на пути депешу и, ознакомившись с нею, произносит загадочную фразу: «*Возвращен к жизни*». Речь идет об узнике Бастилии под номером «Сто пятый. Северная башня». Некогда его звали доктор Манетт, он был знаменитым молодым врачом, а в крепости за восемнадцать лет превратился в жалкое существо лишившееся памяти. И вот он – призрак, «возращенный к жизни»:

«– Вас давно похоронили?

– Почти восемнадцать лет тому назад.

– Я думаю, вам хочется жить?

– Не знаю, не могу сказать».

Вопрос, заданный человеку, «похороненному» в крепости на восемнадцать лет, – хочется ли ему жить? – только на первый взгляд представляется вопросом «праздным». *Жизнь,* в представлении большинства людей – это безусловная ценность. Но ведь и *Смерть* – тоже своего рода ценность: во всяком случае именно она сопоставлена с *Жизнью.*

Ценность Смерти закреплена в том лозунге, который скандируется возле парижской гильотины:

«Каждый день по мостовой громыхали телеги, битком набитые осужденными на смерть. Миловидные девушки, красивые женщины, черноволосые, белокурые, седые; юноши, мужчины в цвете лет, старики; дворяне и простолюдины – всё это было пряным питьем для гильотины, красным вином, которое изо дня в день вытаскивали на свет из мглы страшных тюремных подвалов и везли по улицам, дабы утолить ее ненасытимую жажду. Свобода, Равенство, Братство *или Смерть*! Последнюю ты, не скупясь, жалуешь всем, о Гильотина!»

К известному лозунгу Великой Французской революции Диккенс просто добавляет необходимую, но прямо вытекающую из существа изображенных им революционных событий альтернативу, которая всё ставит на свои места…

Для обывателя *Смерть* вообще прибавляет некоей «интересности» в человеке. Вот в том же романе в «мирном» Лондоне толпа народа рвется на суд, который должен приговорить подсудимого к четвертованию:

«Интерес, с каким возбужденные зрители, задыхаясь, глазели на этого человека, был отнюдь не возвышенного свойства. Если бы подсудимому угрожал не такой страшный приговор, если бы из предстоящей ему казни отпало хоть одно из зверских мучительств, он на какую-то долю утратил бы свою притягательность. Все упивались зрелищем этого *тела*, обреченного на публичное растерзание, этого существа с бессмертной *душой*, которое вот-вот на глазах у всех будут кромсать и рвать на части». Антиномия растерзанного *тела* и бессмертной *души* получает философскую наполненность, выводящую опять-таки на проблему соотношения *Жизни* и *Смерти*.

Наконец в заключительных главах романа эта проблема решается под собственно христианским углом зрения. До них формально главным действующим лицом был Чарльз Дарней (он же Шарль Эвремонд), муж Люси Манетт. Как французского аристократа (хотя он формально отказался от своей собственности в пользу народа) его заключают в тюрьму и приговаривают к смерти на гильотине. Но тут вступает в дело подлинный герой – пьяница и ленивый адвокат Сидней Картон. Пользуясь внешним сходством с Дарнеем, он подменяет его в тюремной камере – и гибнет на гильотине вместо него. Он считал себя до сих пор пропащим человеком, погрязшим в пьянстве и разврате, – и свою великодушную смерть ради любимой им Люси и ее мужа (его соперника!) рассматривает как искупление, как возрождение к подлинной духовной жизни на краю телесной могилы…

«Мир последних романов Диккенса с его самоотречением, искуплением, воскресением, – пишет Э. Уилсон, – похож на мир поздних произведений Толстого, на “Преступление и наказание” Достоевского, на мир Дмитрия и Ивана Карамазова. Перед нами мир христианского Нового Завета – правда, с прорывами в трансцендентальное. Сидней Картон, который действительно приносит свою жизнь в жертву, должен бы проповедовать самую христианскую идею. В известной степени он ее и проповедует. Когда осужденных везут на казнь, маленькая швея говорит ему: “Если бы не вы, милый незнакомец, разве я была бы так спокойна… могла бы вознесись сердцем к Тому, Кто положил жизнь Свою

за нас, чтобы мы верили и надеялись?" – и когда голова девушки слетает с плеч под ножом гильотины, а вязальщицы отсчитывают "Двадцать две", чей-то голос (то ли Сиднея Картона, то ли авторский) комментирует: "Я есмь воскресение и жизнь – сказал Господь – верующий в Меня если и умрет, оживет, и всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовеки!". И эта христианская нота вплетается в основную идею книги, показывающей, как оба социальных режима Франции – старый строй маркизов Эвремондов и новый якобинский строй Дефаржей – опирают личностную этику христианства, ставя над ней свои классовые интересы и абстрактные принципы»[4].

Между тем, другие английские исследователи (например, Джон Гросс) полагают, что Диккенс, выступивший в этом романе с открыто «христианскими» позициями и многократно цитировавший евангельские тексты, – *вряд ли христианин*. Ведь самопожертвование Сиднея Картона продиктовано не его внезапным «христианским» просветлением, а простой человеческой любовью к Люси. А подвиг самопожертвования во имя любви – это многократно воспетый еще с античности языческий подвиг. «В таком контексте Христос не имеет к делу ровно никакого отношения, а ссылки на него могут показаться верующему читателю богохульством. На той же странице, которая посвящена смерти Картона, Картон и маленькая швея вдруг оказываются "детьми Великой Матери". Но важно другое – что защиту от мирового зла роман недвусмысленно предлагает искать в личных отношениях»[5].

Как уже отмечено выше, Диккенс очень «не прямо» относился к христианской религии и англиканской церкви. «Он питал, – пишет Г.К. Честертон, – отвращение к принятым догмам, то есть, другими словами, предпочитал догмы, принятые на веру. В его душе жило смутное убеждение, что все прошлое человечества полным-полно взбесившихся консерваторов. Короче говоря, он был наделен тем неведением радикала, которое идет рука об руку с остротой ума и гражданским мужеством. Но почти все радикалы, повинуясь этому духу, не любили англиканской церкви…» Диккенса же отвращала прежде всего «религиозная чрезмерность, будь то в протестантстве или католичестве»: он, как и Лев Толстой, «любил веру простую и безыскусственную»[6].

Именно руководствуясь этой «безыскусственной», далекой от догматики официальной церкви верой и Диккенс, и Толстой в своих произведениях ставили проблемы преображения личности, духовного возрождения, искупления, самоотречения. Уже персонажам «Крошки Доррит» приходится активно вмешиваться в жизнь (как Артуру Кленнэму или даже самой Крошке Доррит, являющейся живым воплощением евангельского принципа «блаженны кроткие»). Пип из «Больших надежд» сможет искупить снобизм только отказом от мирских благ. Белле Уилфер из «Нашего общего друга» придется пройти через горнило искушений и испытаний, а Юджин Рейберн из того же романа – заглянет в глаза смерти, очистится душой, и только после этого заслужит брак с Лиззи.

Подобный путь нравственного возрождения – несомненно, под влиянием последних романов Диккенса – проходят все толстовские герои. Оба писателя самую возможность постановки этих проблем не мыслили иначе, как на широчайшей гуманистической платформе, включавшей в себя множество самых различных компонентов.

Примечания

[1] *Бицилли П.М.* Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого // Лев Толстой: pro et contra. – С. 473.

[2] *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1972. – С.118–124.

[3] См., напр.: *Фет А.* Мои воспоминания. – М., 1890. Т.1. – С. 217, 331–333.

[4] *Уилсон Э.* Мир Чарльза Диккенса. – С. 270–271.

[5] Там же. – С. 271.

[6] *Честертон Г.К.* Чарльз Диккенс. – С.139, 141.

М.Р. Очкасова

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ (на материале произведений Л.Н. Толстого как писателя-билингва)

Стиль произведений Л.Н. Толстого – стиль нового отношения к языку, образу, жанру, стиль нового отношения к роману в целом, с ярко выраженной авторской позицией в нем. 24 октября 1853 года Толстой писал в своем дневнике: «Читая сочинение, в особенности чисто литературное – главный интерес составляет характер автора, выражающийся в сочинении» [7, с. 495]. Толстой считал одинаково важным глубокое проникновение автора в суть всего, о чем он пишет, и яркое, предельно наглядное отражение действительности. Дневники Л.Н. Толстого представляются его творческой лабораторией, в которой часто определялись «гены сюжета», образы персонажей будущего произведения.

Вырабатывая собственную творческую позицию, Толстой активно читает произведения русских и зарубежных писателей – современников, достаточно много внимания уделяя начинающему Мопассану: «В романе этом («Bel ami» – *М.О.*), несмотря на загромождение его грязными подробностями, в которых, к сожалению, как будто se plait автор, видны те же серьезные запросы автора от жизни» [7, с. 122]. Стиль знаменитого французского писателя в целом соответствует представлениям Толстого о стиле романа.

Чтение французских авторов в оригинале было сопряжено у Толстого со спонтанным анализом идиостилей, что не могло не найти своего отражения и в стиле самого Л.Н. Толстого. Так, зачастую, выбирая наилучший способ выражения собственных мыслей, он комбинирует русские и французские языковые элементы

Текст двуязычного нарратива, создаваемого писателями-билингвами, занимает особое место в художественной прозе. Механизм взаимодействия французских и русских элементов в произведениях Л.Н. Толстого на разных уровнях текста представляет собой процесс соотнесения (корреляции) французской языковой единицы с русским текстовым окружением, выступающим в данном случае как «семантический актуализатор» – термин А.В. Кунина [3, с. 171].

Как известно, повтор является важным элементом построения связанного текста. Самой общей основой для возникновения повторности в любых временных процессах являются естественные принципы материального мира – принципы сохранения, проявляющиеся в большем или меньшем пространстве предметов, процессов и, следовательно, в повторяемости их сочетаний, в повторяемости ситуаций, в постоянстве действия законов природы. Можно говорить о том, что в русско-французских текстах Л.Н. Толстого создается тема-рематическая связь (прямая, обратная или расчлененная) между французски маркированным элементом и типом русского актуализатора. Будучи носителем концептообразующей функции в русско-французских текстах, иноязычная языковая единица предвосхищает развертывание семантики русского элемента, либо подводит итог сказанному ранее, линейно организуя текст, либо вклинивается в состав русской языковой единицы, создавая кумулятивный эффект, притягивая, как бы нанизывая русские элементы на собственную семантическую ось.

В дневниковых записях писателя нередко встречаются его мысли о роли изображения природы для создания образов героев. «Пейзаж очень исключительной местности, genre очень специальный может не всем нравиться…» [7, с. 253]. Метонимическая замена «пейзаж – genre» с использованием двух языков создает дополнительный эффект отстраненности: изображение природы в живописи не всеми воспринимается однозначно, еще труднее это происходит в произведении художественной литературы. И эта трудность восприятия и понимания усиливается специфичностью собственно пейзажа как «genre».

Подобную замену автор использует и в анализе одного из важных моментов романа Ги де Мопассана «Bel ami» – разговоре главного героя со старым поэтом: «Она уже держит меня, la gueuse, – говорит он про смерть, – она уж повышатала мне зубы, повыдергала волосы, поискалечила члены и уже вот-вот готова проглотить…» [7, с. 122]. Замена прямой номинации «смерть» французским эквивалентом «la gueuse» («злодейка») создает в тексте дополнительный образ нарратора, дающего собственную оценку описываемых событий. Выбор данного фрагмента для

© М.Р. Очкасова, 2006

анализа, сопровождающегося его частичным воспроизведением, представляется неслучайным: моральные и духовные ценности занимают важное место в писательском кредо Л.Н. Толстого.

С другой стороны, спорным представляется следующее высказывание, также связанное с его трактовкой романа Мопассана: «Так что в том кругу, в котором вырос и воспитался Мопассан, изображение женской красоты и любви, совершенно серьезно и как давно решенное и признанное самыми умными и учеными людьми, считалось и считается истинной задачей самого высокого искусства – le grand art» [7, с. 129]. Мнение Л.Н. Толстого не совпадает со взглядами французского писателя, излагаемыми в его романе. Представляя свое собственное отношение к искусству, прежде всего к жанру романа, отличное от позиции Мопассана, он использует французский эквивалент *le grand art*, повторяющее русский оборот, выражающий превосходную степень «самое высокое искусство». Французская языковая единица представляет собой стилистически нейтральное словосочетание. Но, как известно, русская абстрактная лексика во многом пополнялась французскими элементами. Здесь употребление оборота *le grand art* обусловлено стремлением автора подчеркнуть отличие своего представления об искусстве от принятого многими его современниками.

Продолжая развивать свое представление о позиции писателя по отношению к текстам произведений Мопассана, дает следующую характеристику его творчества: «В первых его двух романах, в особенности в первом, "Une vie" , было это ясное, определенное и новое отношение к жизни, и было художественное произведение, но как скоро он, подчинившись модной теории, решил, что этого отношения автора к жизни совсем не нужно, и стал писать только для того, чтобы faire quelque chose de beau, так его романы перестали быть художественными произведениями» [7, с. 130]. Таким образом, Л.Н. Толстой снова возвращается к понятию прекрасного и способам его отражения в тексте и роли автора в создания эстетического кредо: Мопассан стремился создавать лишь *нечто прекрасное* (искусство для искусства), а, значит, его романы перестают отвечать основным требованиям Л.Н. Толстого. Он обращает внимание на короткие рассказы: «Но, к счастию, Мопассан писал мелкие рассказы, в которых он не подчинялся ложной, принятой им теории, и писал не quelque chose de beau, а то, что умиляло или возмущало его нравственное чувство» [7, с. 131]. Таким образом, короткие рассказы Мопассана выше оценены Толстым, чем его романы в этическом и концептуальном планах. Свое мнение Толстой выражает как прямо, так и косвенно, чаще всего с помощью в лексических элементах французского языка, которые способствуют более точному и ясному выражению мысли.

В дневниковых записях писателя, являющихся его творческой лабораторией, вырабатывается идиостиль автора, особенности его литературного творчества. Творческая лаборатория Л.Н. Толстого отражает художественный билингвизм писателя. Рассмотренные выше примеры проявления билингвизма являются одновременно представлением современной автору языковой ситуации в России.

Среди процессов, происходящих в литературном языке и способствующих его развитию, важное место занимает процесс заимствования. Вопросам, связанным с заимствованием и функционированием иностранной лексики в заимствующем языке, уделяется большое внимание в работах многих видных русских и зарубежных лингвистов. В последние годы ученые стали проявлять все больший интерес к проблеме билингвизма в связи с изменяющейся ситуацией в мире в целом: все больше появляется не только билингвов, но и трилингвов.

В зависимости от уровня проникновения в систему языка заимствоваться могут как слова и фразеологические единицы (ФЕ), так и грамматические конструкции, отдельные фонемы и морфемы и т.д. Тем не менее фонетический строй и грамматическая система языка являются относительно устойчивыми, малоподвижными, поэтому основная часть заимствований приходится на лексико-фразеологический уровень, который живо реагирует на изменения, происходящие в жизни народа, его истории и культуре. Социальные факторы, воздействующие на развитие лексического фонда, очень многообразны: «социальная структура общества, уровень производства и техники, активность политических, экономических, научно-технических, культурных контактов, интенсивное влияние научно-технического прогресса на весь спектр общественных явлений и тем самым на развитие языка, в частности, его словарного состава» [1, с. 168–187].

Французские вкрапления в русской речи двуязычных персонажей «Войны и мира» позволяют увидеть трудности, связанные с концептуализацией и номинацией в русскоязычной среде некоторых понятий и реалий описываемой в романе действительности.

Подобного рода трудности возникают в связи с тем, что в языке обнаруживаются определенные лексико-семантические лакуны. Для заполнения этих лакун билингвы имеют тенденцию прибегать к посредству другого языка, заимствуя из него соответствующие единицы и, прежде всего, лексемы. Отсюда – случаи пояснения значений русских слов французскими, как бы обнажающими «французский языковой субстрат русских слов» [2, с. 340]. Такой прием семантического дублирования русского слова французским довольно часто встречается в художественной литературе XIX века, а также в произведениях, посвященных этому периоду в истории России.

В романе «Война и мир» мы находим немало примеров подобного дублированного использования русского и французского языков. Подобные дублеты не тождественны по формально-семантическим признакам, причем французский сопоставленный элемент обычно употребляется вслед за русским. Это «двойное употребление, – пишет В.В. Виноградов, – указывает на то, что смысловая нормализация лексемы, преимущественно в сфере отвлеченных понятий, шла от французского языка. Русское слово, фраза кажутся писателю семантически зыбкими, текучими. Они недостаточно четки, недостаточно лексикализованы или потому, что двусмысленны, могут скорее выражать какое-нибудь другое значение, не то, которое хотел вложить в них автор..., или потому, что недостаточно осмыслены, требуя от читателя усилия и игры в этимологизацию. Ссылка на французское выражение в этих случаях замыкает значение русского слова, фразы в ясные и твердые семантические границы» [2, с. 263].

Проблеме исследования галлицизмов в русском языке, т.е. элементов уже освоенных системой языка-рецептора, посвящен ряд работ последних лет. В частности, А.М. Мелерович рассматривает фразеологические единицы в художественной речи и приемы их стилистического употребления на материале галлицизмов в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»: играть роль, играть комедию, играть в бильбоке земным шаром и т.д. [4, с. 288–342].

Среди языковых элементов, заимствуемых из французского языка и вводимых в текст романа в русской транскрипции, важно дифференцировать структурно-смысловые эквиваленты и аналоги. Под эквивалентом, как известно, понимают полные межъязыковые соответствия, единицы, совпадающие по смыслу и структуре. Аналоги являются частичными межъязыковыми соответствиями, совпадающими либо по форме, либо по смысловой наполненности.

При этом следует отметить, что неточный перевод может оказаться весьма интересным для исследователей языка и стиля писателя-билингва. Прежде всего это касается семантических калек, выражающих отвлеченные понятия, устойчивых выражений, дословный перевод которых не всегда возможен, а иногда приводит и к своеобразным авторским неточностям. Таковым является перевод французского фразеологического выражения ‘aller sur les brisées de qn’:

«*...Он [князь Андрей] резко закричал:*

– Да, опять просить ее руки, быть великодушным и тому подобное?.. Да, это очень благородно, но я не способен идти ***sur les brisées de monsieur****. Ежели ты хочешь быть моим другом, не говори со мной никогда про эту... про все это. Ну, прощай..."* [6, V, с. 279].

Французско-русский фразеологический словарь дает следующую дефиницию этой фразеологической единицы: ‘aller sur les brisées de qn’ – соперничать с кем-либо [8, с. 34]. В то же время в тексте присутствует перевод первой части этого выражения, т.е. глагола aller, а в авторском подстрочнике встречается перевод второй его части «по следам с этим господином», что в целом разрушает целостность фразеологического оборота и десемантизирует его. Значение выражения может быть понято читателем лишь благодаря его контекстному окружению.

«…(Графиня Ростова с дочерьми и уже большим числом гостей сидела в гостиной. Граф провел гостей-мужчин в кабинет...)

– Ну, как же, батюшка, mon très honorable Альфонс Карлыч, – говорил Шиншин, посмеиваясь и соединяя (в чем и состояла особенность его речи) самые простые народные русские выражения с изысканными французскими фразами. – Vous comptez ***faire des rentes sur l'état****, – с роты* ***доходец получить*** *хотите ?..."* [6, IV, с. 56].

С точки зрения грамматической структуры рассматриваемые языковые обороты «vous comptez faire des rentes sur l'état» и «с роты доходец получить хотите» изоморфны: это устойчивые сочетания, оформленные в виде простых предложений с составными глагольными сказуемыми, вводимыми в текст на французском и русском языках. Семантика этих ФЕ практически совпадает, при этом выражение «faire des rentes sur qn, qch» – ‘получать доход с кого-, чего-либо’

во французском языке нейтрально по своей стилистической окраске по сравнению со словом «доходец», уменьшительный суффикс которого придает ему иронически-уничижительную окраску, распространяющуюся на всю фразу. Подобное преобразование принадлежит к структурно-семантическим, представляющим собой такое «смысловое преобразование, которое сопряжено с изменением лексического состава и / или грамматической формы устойчивого выражения. В результате возникает окказиональный (индивидуально-авторский) фразеологизм» [5, с. 17].

Именно структурно-семантическое преобразование слова «доходец» фигурирует в авторском переводе французского оборота *faire des rentes sur l'état*. Уничижительная коннотация во втором варианте создает стилистический эффект градации и указывает на изменение объема смысла языковой единицы в русском переводе («с роты доходец получить хотите»).

Французские языковые элементы, вплетенные в ткань произведения, появляются не только в речи двуязычных персонажей, но и в авторских ремарках. Подобное употребление зачастую становится эвфемистичным, смягчая отрицательную коннотацию, содержащуюся в равнозначном русском элементе. Рассмотрим два примера:

«...У графа Аракчеева был совершенно особенный характер приемной... Иные задумчиво ходили взад и вперед, иные, шепчась, смеялись, и князь Андрей слышал ***sobriquet*** *"Силы Андреича" и слова "дядя задаст", относившиеся к графу Аракчееву...»* [6, V, с. 122].

«...На этот полусовет были приглашены: шведский генерал Армфельд, генерал-адъютант Вольцоген, Винцингероде, которого Наполеон называл белым французским подданным, Мишо, Толь, вовсе не военный человек – граф Штейн и, наконец, сам Пфуль, который, как слышал князь Андрей, был ***la cheville ouvrière*** *всего дела...»* [6, VI, с. 35].

В обоих случаях французские языковые единицы замещают русское слово или фразеологическое выражение, которые приравниваясь к ним по смыслу и функции в предложении. В первом случае французский эквивалент выступает как заместитель русского слова «прозвище», но с менее выраженной отрицательной коннотацией. Он свидетельствует о почтительном отношении к высокопоставленному лицу со стороны князя Андрея, употребляющему эвфемизм вместо прямой номинации. Во втором случае эвфемизм, создаваемый на основе метафоры (ср. с русскими образами «движущая сила», «основной двигатель»), дает больший стилистический эффект и помогает автору более ярко представить образ генерала Пфуля и его роль в русской армии. Здесь французский фразеологизм *la cheville ouvrière* переводится автором в подстрочнике описательным способом.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: переводческое и лингвистическое восприятие понятия эквивалентности далеко не всегда совпадают, поскольку переводчики художественных текстов (а в нашем случае сам автор) не ограничиваются только лингвистическим уровнем, но и дают свою трактовку содержания произведения, при которой неизбежно имеет место субъективная, индивидуальная интерпретация текста. Следует также учитывать, что важнейшим компонентом любого художественного текста является компонент культурный, экспликация, раскрытие которого при художественном переводе способствует адекватному восприятию и оценке иноязычных вкраплений в текст художественного произведения, уяснению концептуального содержания определенных фрагментов художественного текста и текста литературного произведения в целом.

Библиографический список

1. *Будагов Р.А.* История слов в истории общества. – М.: Просвещение, 1977. – 270 с.

2. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – М.: Высш. шк., 1982. – 529 с.

3. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1996. – 381 с.

4. *Мелерович А.М.* Семантическая структура фразеологических единиц в современном русском языке как лингвистическая проблема: Дис. … д-ра. филол. наук. – Л.: изд-во ЛГУ, 1982. – 446 с.

5. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари: Астрель, 2001. – 865 с.

6. *Толстой Л.Н.* Война и мир // Собрание сочинений в 20-ти томах. Тома IV–VII. – М.: Гослитиздат, 1961–1963.

7. *Толстой Л.Н.* Что такое искусство? – М.: Современник, 1985.

8. Французско-русский фразеологический словарь (ФРФС) / Под ред. В.Г. Гака. – М.: Русский язык, 1991. – 1056 с.

Т.Л. Чаплыгина

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ И АННА АХМАТОВА

Преамбула. *Актуальность темы «Арсений Тарковский и Анна Ахматова» определяется необходимостью изучения связей Тарковского с поэтами Серебряного века, что позволит более чётко определить место творчества Тарковского в современном ему литературном процессе. Предметом исследования являются близкие обоим поэтам философские темы слова, памяти, жизни и смерти. В статье предпринимается попытка, сопоставив творчество поэтов, определить традиции Ахматовой в лирике Тарковского, отметив их трансформацию.*

В литературоведении лирика Тарковского в сравнении с поэзией Ахматовой не получила должного освещения. Эта тема раскрывается учёными лишь как анализ цикла стихотворений Тарковского, посвященного Ахматовой [4], при этом проводится его текстологическое исследование [3].

Представляется важным дальнейшее изучение темы в более широком аспекте. Оба поэта стремятся соединить разорванную связь времён. Однако Тарковский, младший современник Ахматовой, сформировался в послереволюционную эпоху, прошлое осталось только в его детских воспоминаниях. Поэты принадлежали к разным поколениям, но их связывала крепкая дружба, продолжавшаяся двадцать лет. Они встретились в 1946 году в Москве в доме поэта и переводчика Георгия Шенгели, где иногда останавливалась Анна Ахматова. В мемуарной литературе дружба поэтов представляется как творческий диалог, в котором проявляется подлинный масштаб их личностей [7].

Тарковский в письме к Ахматовой называет себя её «поздним учеником»: «Ещё в ранней юности научился я благоговеть перед Вашей высокой Музой – и кланяюсь Вам за это. “В то время я гостила на земле”. Так Вы писали в 1913 году. Тогда было мне шесть лет. Теперь мне 57. <…> моя жизнь прошла под Вашей звездой» [10, с. 330]. О духовной близости поэтов Е. Ольшанская вспоминает: «Арсений Александрович рассказал мне, что однажды в 1965 году ему приснился очень светлый сон, полный загадочного. Днём он встретился с Анной Андреевной, и она неожиданно начала рассказывать с мельчайшими подробностями его же сон, о чём он с удивлением ей сообщил. Она ответила, что так с ней уже бывало. И вскоре написала четверостишие, сказав, что, сочиняя, думала о нём: “А там, где сочиняют сны, / Обоим – разных не хватило, / Мы видели один, но сила / Была в нём, как приход весны”. ‹…› Анна Андреевна подарила Тарковскому свою новую книгу с надписью: “Арсению Тарковскому, автору чудесных и горьких стихов”» [6, с. 375].

Она написала рецензию на первый сборник поэта (рецензия была опубликована только в 1976 году). Арсений Александрович посвятил Анне Андреевне стихотворение «Рукопись», в котором раскрыл роковой смысл судьбы поэта:

Я кончил книгу и поставил точку
И рукопись перечитать не мог.
Судьба моя сгорела между строк
Пока душа меняла оболочку. [9, т. I, с. 189]

Ахматову взволновали эти стихи. Она с удивлением повторяла: «Судьба моя сгорела между строк», а потом сказала Тарковскому, что это стихотворение должна была написать она. Е. Ольшанская утверждает, что стихотворение «Жизнь, жизнь…», написанное Тарковским в 1965 году, тоже посвящено Анне Андреевне, хотя прямое посвящение отсутствует. Ахматова предчувствовала смерть и боялась её. Стихотворение Тарковского начинается так:

Предчувствиям не верю, и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет… [9, т. I, с. 242]

Дружба поэтов продолжалась до самой смерти Ахматовой, которую Арсений Тарковский воспринял как личное горе. На вечере, посвящённом 50-летию книги Ахматовой «Чётки», Тарковский сказал: «Мир Ахматовой научит нас душевной стойкости, честности мышления, способности к широте охвата явлений, полноте чувств, благородству духа, умению сгармонировать себя в мире» [9, т. II, с. 222]. Эту характеристику можно отнести и к самому Арсению Тарковскому.

Поэтов объединяло трепетное отношение к русскому слову, признание его сакральности, величия. Тарковский называл себя «гражданином державы русской речи». В стихотворении «Когда у Николы Морского…», посвящённом памяти Ахматовой, поэт пишет: «Смиренное чуждое сло-

 © Т.Л. Чаплыгина, 2006

во / Светилось темно и сурово / На воске державного рта» [9, т. I, с. 312]. Метафора «держава», эпитет «державный» подчёркивают объединяющую поэтов идею служения русскому слову. Ахматова высоко ценила поэзию Тарковского, считала, что в его стихах «слова, которые мы как будто поизносим каждую минуту, делаются неузнаваемыми, облеченными в тайну и рождают неожиданный отзвук в сердце» [2, с. 188].

Поэты часто обращаются к теме творчества, им присуще ощущение пророческого дара (Ахматова «Я так молилась: "Утоли…"», «О, это был прохладный день…», «Нам свежесть слов…». Тарковский «Меркнет зрение – сила моя», «Жизнь, жизнь…»). В этом отношении привлекает внимание перекличка следующих строк: «Но я предупреждаю вас, / Что я живу в последний раз…» [1, т. IV, с. 205] и «И если я приподымаю руку, / Все пять лучей останутся у вас» («Жизнь, жизнь…») [9, т. I, с. 272] . В отличие от Ахматовой поэт у Тарковского может быть не только пророком, но и теургом, преображающим мир («До стихов», «Первые свидания»).

Одну из своих задач поэты видят в именовании вещей: «Многое ещё, наверно, хочет / Быть воспетым голосом моим: / То, что, бессловесное, грохочет…» [1, т. IV, с. 303]. Тарковский вторит Ахматовой: «За то, что Адамовы я повторяю труды, / Спасибо скажу» («За хлеб мой насущный, за каждую каплю воды…») [9, т. I, с. 367]. При этом необходимо подслушать язык явлений и передать его на бумаге, что не всегда удаётся. Ахматова сожалеет по этому поводу: «У меня не выяснены счёты / С пламенем, и ветром, и водой…» [1, т. IV, с. 303]. Тарковский в стихотворении «На берегу» продолжает тему, заявленную Ахматовой, как бы осуществляя её мечту, подробно описывает «язык» воды:

И вправду чуден был язык воды,
Рассказ какой-то про одно и то же
На свет звезды, на беглый блеск слюды,
На предсказание беды похожий. [9, т. I, с. 185]

Разной является и природа творческого дара поэтов. Чтобы увидеть это отличие, сравним стихотворения Ахматовой «Они летят, они ещё в дороге…», «Последнее стихотворение» и произведение Тарковского «До стихов». В них раскрыт процесс рождения художественного произведения до оформления его в слове. «Предпесенная» тревога Ахматовой включает в себя голоса «незримых» людей и «невыносимо» яркий свет, при этом раскалённый ветер «опаляет сознание». Каждое стихотворение рождается своим путём. «Одно – словно кем-то встревоженный гром, / С дыханием жизни врывается в дом». Другое «крадётся», третье «...тайное бродит вокруг – / Не звук и не цвет, не цвет и не звук, – / Гранится, меняется, вьётся…» («Последнее стихотворение»), [1, т. IV, с. 359]. Поэт напряжённо, всеми чувствами воспринимает окружающую действительность.

Тарковский создаёт свою вариацию на тему рождения поэтического слова. Созданный им новый мир появился из «цвета» и «тона», из «тысяч радуг и ладов». Для Тарковского обязательными составляющими творческого процесса является чувство цвета и звука. Оно предстаёт как неоромантическое свойство, предшествующее рождению слова: «Но слово лучше у немого, / И ярче краски у слепца» («Стань самим собой»), [9, т. I, с. 69] . Способность видеть невидимое и слышать то, что другие не слышат, находит выражение в образе слепого («Слепой»).

Предметы в художественном мире Ахматовой имеют самые разные характеристики, свойственные физическим явлениям. «Ахматова в творчестве – сенсуалист. Особенно её ранняя лирика насыщена звуковыми, зрительными, осязательными образами, почти не знает отвлечённости. Форма, линия, вес, свет, фактура, цвет, запах, вкус осмысляются как первоэлементы бытия [13, с. 135]. Благоухание шиповника в реальном мире приводит к рождению поэтического слова о нём, возникает тесная связь между предметом и словом:

Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово. [1, т. V, с. 374]

У Тарковского соотношение образов «шиповник» и «слово» раскрывается по-другому:

Я завещаю вам шиповник,
Весь полный света, как фонарь,
Июньских бабочек письмовник,
Задворков праздничный словарь. [9, т. I, с. 228]

Шиповник, «полный света», гудит, «как струны в запертом рояле». Образ рождается из цвета и звука. Он отождествляется не с одним словом, а со словарём и письмовником (букварём), становится текстом мира, приобретает обобщённое значение. Приведённые наблюдения подтверждают наши предположения о различных путях рождения поэтического слова, о разных способах художественного обобщения в творчестве Ахматовой и Тарковского.

Это отличие определяет степень участия читателя в индивидуальном творческом процессе поэтов. Для Ахматовой важно осознание присут-

ствия в её жизни собеседника, которого она воспринимает как друга, как тайну, как клад. Она вступает с читателем в диалог, при этом её волнует мнение предполагаемого собеседника, которому она отводит ведущую роль в диалоге: «Там те незнакомые очи / До света со мной говорят, / За что-то меня упрекают / И в чём-то согласны со мной…» («Читатель») [1, т. IV, с. 359]. В поэзии Тарковского образ собеседника не объективируется. Поэт не представляет, как Ахматова, разговор с читателем «до света». Для Тарковского характерно стремление донести свою истину. Проблема адресата решается им в символистской традиции, в стремлении к соединению субъекта и объекта, «я» и «ты» или «вы»: «А всё-таки уставлю / Свои глаза на вас / Себя в живых оставлю / На миг или на час» («Я долго добивался…») [9, т. I, с. 75].

При этом для Тарковского важен текст. Залогом встречи поэта и читателя является публикация стихотворения – значимое событие для автора. В произведении «Стихи попадают в печать…» поэт, используя романтические образы, излагает своё представление о взаимоотношениях с читателем. Книга сравнивается с ладьёй, отпущенной в дальнее плавание «без вёсел», образы прошлого современников – с погашенными свечами, которые разгорятся только при встрече:

И это не книга моя,
А в дальней дороге без вёсел
Идёт по стремнине ладья,
Что сам я у пристани бросил.
И нет ей опоры верней,
Чем дружбы неведомой плечи.
Минувшее ваше, как свечи,
До встречи погашено в ней. [9, т. I, с. 323]

Тарковский чувствует своё предназначение в том, чтобы раскрыть в стихотворении «минувшее» читателя, быть хранителем прошлого человеческого сообщества. Такой взгляд на творчество восходит к мифологеме о поэте, в которой подчёркивается его священная роль: «Поэт как хранитель обожествлённой памяти выступает хранителем традиций всего коллектива. Нести память, сохранять её в нетленности нелегко (Ей противостоит тёмная сила Забвения, воплощённая в мёртвой воде загробного мира). ‹…› Память, носителем которой является поэт, воплощена в созданных им поэтических текстах, связанных с событиями, имевшими место при акте творения [12, с. 31].

Память является определяющей идеей творчества обоих поэтов. Она становится аккумулятором исторического сознания Ахматовой, формируя его. «Комплекс, объединяющий в себе воспоминательность, эпичность и историчность, был очень существен для Ахматовой после Anno Domini. И отныне многое определяет в её творчестве и в её жизненной позиции: уроки истории несут поэту утешение историей, искупление ею, спасение в ней» [11, с. 380].

Историзм Ахматовой – одна из важнейших составляющих и направляющих сил её творчества. Закономерно, что лирическая героиня Ахматовой чувствует «бег времени». Лирический герой Тарковского время воспринимает статично. Он живёт не в историческом, а в «большом» времени. Ахматова в 1960 году, когда ещё не вышел ни один сборник Тарковского, отмечала внеисторическую обобщенность его поэзии: «Поражает в его стихах полное отсутствие суетности. Я много об этом думаю. Может быть и хорошо, что его не печатают. Он прочно отделён от читателя, и читатель ничего из него не выдразнивает, как выдразнивал из Пастернака в последние годы! Таким образом, и непечатание идёт поэту на пользу» [14, с. 431].

Пространство памяти Тарковского заполняется образами предметов, характерных для быта начала века, живущими в сознании с раннего возраста («Вещи»). Первое восприятие истории поэтом произошло в детстве. Арсений Тарковский посвящает лету 1914 года два стихотворения: «Затмение солнца. 1914» и «1914», которые перекликаются между собой: «В то лето народное горе / Надело железную цепь» («Затмение солнца. 1914») и «То лето судьба увенчала / Венцом всенародного горя» («1914»). Детская память поэта сохранила образ дезертира, который на прощание оставил ему ружейный патрон. Этот взрослый человек смотрел, «словно из церкви икона». Поэт запомнил «печать отчуждения в глазах, обожженных войной».

В стихотворении «1914» лирический герой передаёт детские ощущения, связанные с предчувствием войны. Ему кажется, что тогда вся природа, каждое растение на своём языке предупреждали о начале грозных событий: «Листва их кричала мне в уши» [9, т. II, с. 75]. Способ описания воспоминаний соответствует эстетическим взглядам поэта, использование приёма олицетворения усиливает экспрессию стихотворения.

Анна Ахматова в стихотворении «Памяти 19 июля 1914», посвящённом событиям войны, передаёт состояние души зрелого человека:

Из памяти, как груз отныне лишний,
Исчезли тени песен и страстей.

Ей – опустевшей – приказал всевышний
Стать страшной книгой грозовых вестей. [1, т. IV, с. 118]

Она пишет подлинную историю, «книгу грозовых вестей». Тарковского волнует душа, раненная трагическими событиями. Сформированное в детстве подобное отношение к истории осталось у поэта навсегда. В его стихах присутствует внимание к конкретным подробностям жизни в разных её проявлениях. Он «кожей чувствует историю», слышит «гул погибельной Цусимы». Для него, прежде всего, важно, как душа превозмогает трагические явления жизни, поэтому Тарковский выделяет самые значимые для неё события: «Он не создаёт целостного изображения того или иного исторического периода. Поэт, как в кино, зорко выхватывает те или иные отдельные «кадры» времени, характерные подробности, штрихи и сцены, которые точно передают конкретные приметы исторического момента, связанные с голодной юностью, войной» [8, с. 84].

Для Ахматовой важна как историческая память, так и поминовение близких людей. Л.Г. Кихней отмечает, что мотив поминовения – один из магистральных в поэзии Ахматовой, это моральный аспект концепции памяти, поминальный плач…» [5, с. 80]. Эту традицию унаследовал Тарковский. Он написал «Реквием по Анне Ахматовой» (по словам Е. Ольшанской) – цикл стихотворений, состоящий из семи произведений, который был изъят из его книги, готовящейся к публикации. Впервые цикл был опубликован в сборниках «Стихотворения» (1974) и «Волшебные горы» (1978), в него вошло четыре стихотворения. В последнем сборнике, а также и в трёхтомнике, цикл представлен шестью произведениями. Седьмое стихотворение «Всё без неё не так. Приоткрывая…» в виде фрагмента впервые появилось в печати благодаря Е.М. Ольшанской, которая получила его от поэта в подарок. Полностью это произведение было опубликовано Д. Баком, который, работая с архивом Тарковского, установил расположение стихотворений цикла в таком порядке, какой задумал автор. Ранее неизвестное произведение было расположено после первого «Стелил я снежную постель…».

Во втором стихотворении «Всё без неё не так. Приоткрывая…» звучит мотив глубокого одиночества человека, потерявшего близкого друга. Это стихотворение и «Рукопись» перекликаются между собой. Сгорела «между строк» не только судьба Ахматовой, но и судьба её духовно близкого человека: «Всё без неё не так. Приоткрывая, / Откладываю в сторону тетрадь; / И некому стихи мне прочитать; / И рукопись похожа беловая / На черновик…» [3, с. 271]. За последними строками кроется душевная смута, вызванная тяжёлой потерей. В центре стихотворения приводится посмертный портрет Анны Андреевны, в котором отражены черты, характерные для прижизненного изображения облика поэта, ставшего символом эпохи:

. . . . . горбоносый
Антиохийский профиль. Горький рот
Среди живых подобий не найдёт
И не ответит больше на вопросы
Полуулыбка, для которой нет
Ни зеркала земного, ни сравнений.

Две последние строки представляют собой реминисценцию из стихотворения Ахматовой «Когда человек умирает…», в котором поэта волнует тайна изменившегося после смерти портрета человека, когда «губы улыбаются другой улыбкой». Тарковским запечатлён момент перехода поэта из времени в вечность, из бытия в небытие, что соответствует главной идее цикла.

Интертекстуальный анализ творчества поэтов позволяет сделать вывод о том, что Тарковский «договаривает», воплощает отдельные мысли Ахматовой. Поэтов объединяет понимание сакральной природы слова, верность пророческому дару, способность к именованию явлений, что присуще эстетике акмеизма. В то же время преображение мира в поэзии Тарковского, рождение слова, романтическое освещение взаимоотношений поэта и читателя, способ раскрытия исторических событий свидетельствуют о том, что Тарковский не только продолжает традиции Ахматовой, но и трансформирует их.

Библиографический список

1. *Ахматова А.А.* Собрание сочинений: В 6 т. – М., 1999.

2. *Ахматова А.* [Рецензия] // День поэзии. – М., 1976. Рец. на: Тарковский А. Перед снегом. М., 1962.

3. *Бак Д.* «Ахматовский цикл» Арсения Тарковского: к истории текста // Контрапункт. – М., 2005.

4. *Дзуцева Н.* Чернота, окрылённая светом… (Цветаева и Ахматова в поэтическом мире Арсения Тарковского) // Дни Андрея Тарковского на Ивановской земле. – Иваново, 2002.

5. *Кихней Л.Г.* Поэзия Анны Ахматовой: Тайны ремесла. – М., 1997.

6. *Ольшанская Е.* Анна Ахматова и Арсений Тарковский (к истории взаимоотношений двух

поэтов) // Russian literature. XXX–III. 1991. 1 oct. Vol. 30.

7. *Ольшанская Е*. Поэзии родные имена. Воспоминания, стихи, письма. – Киев, 1995.

8. *Ратгауз Г.* Неизгладимая печать // Лит. обозрение. – 1990. – №7.

9. *Тарковский А*. Собрание сочинений: В 3 т. – М., 1991–1993.

10. *Тарковский А*. Письма Анне Ахматовой // Вопр. лит. – 1994. – №6.

11. *Топоров В.Н*. Об историзме Ахматовой // Russian literature. XXXIII (III). 1990. Amsterdam.

12. *Топоров В.Н*. Об «эктропическом» пространстве в поэзии (поэт и текст) // От мифа к литературе. – М., 1993.

13. *Федорчук Ирина*. Лирическая картина мира в творчестве Ахматовой. – Szezecin, 1999.

14. *Чуковская Л.К*. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962: В 3 т. Т.2. – М., 1997.

ИСТОРИЯ

В.Н. Маин, Н.Ю. Иванченко

ПЛАНЫ НЕМЕЦКОГО КОМАНДОВАНИЯ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОГО СЕВЕРО-ЗАПАДА

Формально фашисты никогда не объявляли о том, что они отказываются от международных правил ведения войны, которые были зафиксированы в различных международных декларациях и конвенциях. Все выработанные международными конвенциями акты требовали, чтобы при применении военного насилия строго соблюдались установленные в цивилизованном мире правила и обычаи ведения военных действий.

Еще в 1939 г., наряду с разработкой военных стратегических планов Государственная тайная полиция Германии (Гестапо) приступила к разработке генерального плана «Ост» – плана массового уничтожения и порабощения народов Восточной Европы, включая народы СССР. План предусматривал уничтожение, разобщение, выселение и превращение в рабов славянских народов, ликвидацию их государственной самостоятельности и национальной культуры. «Расовая теория», провозглашавшая мнимое господство одной нации над другой, являлась идеологической основой злодеяний гитлеровцев. В 1940г. был окончательно разработан план нападения на СССР (План «Барбаросса»). Директива Верховного командования фашистской Германии №21[1]. В инструкции к этому плану от 13 марта 1941г. говорилось о задачах борьбы с СССР, о расчленении страны, об установлении на отдельных территориях политической власти рейхскомиссаров. Руководство экономической политикой на оккупированной территории поручалось рейхсмаршалу Герингу.

13 мая 1941 г. правительство фашистской Германии утвердило директиву «О военной подсудности в районе “Барбаросса” и об особых полномочиях войск». Директива предписывала уничтожить всех партизан и подозреваемых в сочувствии к ним, незамедлительно расстреливать всех сопротивляющихся «новому порядку»[2]. Эта директива создала «законную» основу для массовых зверств нацистов на оккупированной территории.

Накануне войны, 20 июня 1941 г. на секретном совещании рейхслейтер А. Розенберг разъяснял задачи Германии в войне с Россией. В этой речи говорилось о необходимости отделения от России Прибалтики, Украины, Кавказа и Финляндии и использовании этих областей для обеспечения германского народа сырьем и продовольствием. «Мы не берем на себя никакого обязательства по поводу того, чтобы кормить русский народ продуктами из этих областей изобилия»,[3] говорил Розенберг.

В своей книге «Майн Кампф» Гитлер писал: «…интересы завоевания “жизненного пространства” требуют от германской “империи” двинуться по пути прежних орденских рыцарей, чтобы добыть немецким мечом землю для немецкого плуга, а для народа – хлеб насущный…»[4]. Гитлер уточнял: «Если мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, мы обращаем свой взор в первую очередь к России. Это громадное государство созрело для гибели…»[5].

После прихода немецких фашистов к власти, Гитлер 3 февраля 1933г. заявил: «Когда политическое могущество Германии станет реальным фактом, то наилучший способ её использования – захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация»[6]. Высказывания Гитлера подтверждают сведения о том, что фашистская Германия готовилась к войне задолго до 1940 г. Таким образом, одновременно с идеей о войне, у нацистов зрели планы будущей оккупационной политики. Так, 10 ноября 1937 г., на совещании политических и военных руководителей фашистской Германии Гитлер разъяснил, что значит завоевание новых территорий и их германизация: «Речь идет не о приобретении пространства, пригодного для сельского хозяйства. Для решения германского вопроса может быть только один путь – путь насилия»[7].

Таким образом, преступное гитлеровское командование еще до нападения на Советский Союз тщательно разрабатывало планы чудовищного истребления всех славянских народов и особен-

© В.Н. Маин, Н.Ю. Иванченко, 2006

но русского: «Надо любыми средствами добиваться того, чтобы мир был завоеван немцами. Если мы хотим создать нашу великую Германскую Империю, мы должны, прежде всего, истребить славянские народы: русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов,»[8] – подчеркивал Гитлер, воспитывая молодое немецкое поколение в духе покорности вышестоящему, презрения к другим нациям, вселяя в них идеи о расовом превосходстве немецкой нации и необходимости расширения территории Германии путем ведения захватнических войн.

В начале июня 1941 г. германское правительство издало инструкцию о поведении должностных лиц на территории СССР, намеченной к оккупации «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими»[9]. О бесчеловечном содержании этой инструкции можно судить по ее шестому пункту: «Вы должны уяснить себе, что вы на целые столетия являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции и новой Европы. Поэтому, вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жесткие, и самые беспощадные мероприятия, которые потребует от вас государство»[10].

Начальник гестапо Гиммлер по особому поручению правительства разработал генеральный план «Ост» – план покорения огнем и мечом народов Восточной Европы. План предусматривал поголовное уничтожение значительной части населения Польши и западной части Советского Союза и выселение миллионов людей в Западную Сибирь, на Северный Кавказ, а также в Африку и Южную Америку. На уничтожение и принудительное выселение, (а фактически такое же уничтожение) обрекался 51 млн. человек. В качестве рабочего скота предполагалось оставить 14 млн., а для господства над ними, управления и колонизации переселить на эти территории 8–10 млн. немцев[11]. Министерство Розенберга особенно подчеркивало, что задача плана «Ост» состоит в том, чтобы «разгромить русских как народ, разобщить их. Только если эта проблема будет рассматриваться с биологической, в особенности с расово-биологической, точки зрения (т.е. с “точки зрения” физического истребления) и если в соответствии с этим будет проводиться немецкая политика в восточных районах, появится возможность устранить опасность, которую представляет для нас русский народ»[12].

Германские власти заблаговременно создавали команды и технику для массового истребления населения. Законом стали слова Гитлера: «Мы обязаны истреблять население – это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развить технику истребления населения. Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви»[13].

Преступления против советского народа были не только запланированы, но и обрели характер строжайших воинских приказов. «Войну против России, – учил Гитлер немецкую армию, – нельзя вести по-рыцарски. Это – борьба идеологий и различных рас, и ее нужно вести с беспрецедентной, безжалостной и неукротимой жестокостью... Германские солдаты, виновные в нарушении международного права, не будут наказываться»[14]. Установленные международным правом нормы ведения войны и обращения с военнопленными и гражданским населением, были отброшены прочь в вооруженных силах гитлеровской Германии, и во всех ее гражданских учреждениях. Гитлер наметил проведение на территории СССР преступной политики, направленной на уничтожение людей. «В Великороссии, – поучал он, – необходимо применение жесточайшего насилия»[15].

Из многочисленных документов подтверждающих политику, проводимую нацистами, планомерного и методического истребления населения, можно констатировать, что германские власти поощряли в своей армии грабежи и насилия. В марте 1941 г., еще до вторжения на территорию СССР, начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил гитлеровской Германии Кейтель издал директиву: «Об установлении оккупационного режима на подлежащей захвату территории Советского Союза»[16]. В соответствии с этой директивой, основным средством фашистского управления на оккупированной территории являлся массовый, ничем не ограниченный террор, лишение населения всех политических и даже просто человеческих прав. В мае 1941 г. последовала новая директива: «О военной подсудности в районе “Барбаросса” и особых полномочиях войск»[17]. Эта директива заняла центральное место среди бесчисленных документов, предписывающих беспредельную жестокость ко всему населению СССР. Она была, концентрированным выражением планов истребления и закабаления советских людей, планов германских монополий, предписывала прояв-

лять «полную безжалостность» к советским военнослужащим и к гражданскому населению, беспощадно уничтожать всех партизан и тех советских людей, которые окажут малейшее сопротивление оккупантам. Всех виновных и невиновных, совершивших какие-либо действия или заподозренных, было приказано немедленно расстреливать без суда. С германских солдат и офицеров не только снималась всякая ответственность за преступления в отношении военнопленных и мирных жителей, но, напротив, на них возлагалась безусловная обязанность осуществлять преступления и злодеяния. Распоряжение предусматривало организацию широких карательных операций против населения, вводило преступную систему круговой поруки, массовых репрессий, неограниченных насильственных мер[18]. Следует подчеркнуть, что со всех солдат и офицеров гитлеровской армии снималась всякая ответственность за любые действия «даже в тех случаях, когда эти действия одновременно представляли воинское преступление»[19].

В инструкциях германского Верховного командования совершенно четко определяется ответственность немецких офицеров за то, чтобы обращение с гражданским населением было беспощадным. Например, в приказе командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала фон Рейхенау от 10 октября 1941 г. «О поведении войск на Востоке» дается совершенно чудовищное указание о том, что: «Снабжение питанием из полевых кухонь местных жителей и военнопленных, которые не работают на вермахт, является такой же неправильно понятой гуманностью, как и раздача сигарет и хлеба»[20].

Обращение германского командования к своим солдатам, найденное у убитого лейтенанта Густава Цигеля, уроженца Франкфурта-на-Майне, еще раз подтверждает, что германские власти заранее разработали и осознанно проводили политику массового уничтожения советских людей. Оно гласило: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание. Убивай всякого русского, советского... Убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься навеки»[21].

Германские монополии неуклонно проводили свою волю через гитлеровское правительство и командование армии. Они поставили целью полное уничтожение не только советского строя, но и всех активных приверженцев социализма, которые были названы «большевистскими комиссарами и коммунистической интеллигенцией»[22].

В директиве от 16 сентября 1941 г. говорилось: «Человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит. Устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости»[23]. Не менее позорным документом германского правительства явилась директива Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии об уничтожении захваченных в плен политработников Красной Армии и служащих советских учреждений от 12 мая 1941 г. Директива объявляла политработников и служащих государственных, коммунальных и хозяйственных учреждений особенно опасными для осуществления планов колонизации Советского Союза, их предписывалось не считать военнопленными и уничтожать немедленно, не допуская их эвакуации в тыл. Часть советских служащих разрешалось оставлять в живых, в случае если они могут понадобиться для выполнения указаний оккупационных властей. Однако в последующем предполагалось уничтожать и их[24].

Директивы и приказы гитлеровского правительства и германского военного командования говорят об организации и проведении массового истребления пленных красноармейцев и гражданского населения в намеченных к оккупации районах СССР[25]. Распоряжение германских оккупационных властей говорят об использовании военнопленных во временно оккупированных Восточных областях[26]. Приказ Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии начальникам лагерей предписывал клеймить советских военнопленных особым знаком[27], что унижало человеческое достоинство и приносило невероятные физические муки.

В отношении той части военнопленных, которым сохранялась жизнь, был предусмотрен чудовищно жестокий, каторжный режим, обрекавший их на постепенную смерть. Разрабатывал его по заданию германских властей генерал-лейтенант Рейнеке – начальник Управления по делам военнопленных при ставке Верховного главнокомандования. На секретном совещании в Берлине в марте 1941 г., инструктируя своих подчиненных, он подчеркивал, что лагеря для русских военнопленных рекомендуется устраивать под открытым небом[28]. Германское военное командование считало себя необязанным предоставлять советским военнопленным снабжение.

А Розенберг возглавлял созданное в начале апреля 1941 г. «Центральное бюро по подготовке ре-

шения вопроса о восточном пространстве». Деятельность этого бюро развернулась в двух главных направлениях: оно составляло планы раздела и немецкой колонизации территории Советского Союза, а также разрабатывало планы истребления советских людей. 17 июля 1941 г. бюро было преобразовано в имперское министерство по делам оккупированных восточных областей. В первоначальных планах «Центрального бюро» предполагалось создание на территории Советского Союза ряда марионеточных государств, всецело подчиненных Германии, но возглавляемых буржуазными националистами. Этот план был отвергнут германским правительством, которое сочло его излишне либеральным. Выдвинули и приняли другой план, в котором не существовало даже фиктивной видимости каких-либо национально-государственных образований. По этому плану вся территория Советского Союза становилась германским колониальным «восточным пространством». Обосновывая этот план, Розенберг 20 июня 1941 г. заявил, что Советский Союз в полной мере перестанет быть «субъектом европейской политики» и станет «объектом германской мировой политики»[29].

Еще до нападения на Советский Союз, политическое и военное руководство третьего рейха начало разрабатывать планы «германизации» восточных земель, которые предполагали переселение в эти земли немецких колонистов и частичное онемечивание местного населения. В этих планах значительное внимание уделялось Прибалтике и Российскому Северо-Западу. Территория трех балтийских республик после их оккупации должна была административно подчиняться рейхскомиссариату «Остланд». Граница «Остланда» первоначально проходила по линии бывшей государственной границы между странами Прибалтики и СССР. Некоторые должностные лица рейха, в их числе А. Розенберг, рейхсминистр по делам оккупированных восточных земель, выдвигали предложения передвинуть границу «Остланда» на восток, присоединив часть Ленинградской области к Эстонии и часть Псковской области – к Латвии (Эстония и Латвия при этом подлежали переименованию соответственно в «Пейпусланд» и «Дюналанд»). На новые территории предлагалось частично переселить эстонское и латышское население, освободив от него западную часть Прибалтики для поселения немецких колонистов. Финноязычное же население Ленинградской области – ингерманландцев – следовало переселить в Финляндию[30]. Имелись и другие планы: заселить немцами и часть Ленинградской области – территорию исторической Ингрии (Ингерманландии). По заданию рейхсфюрера СС Г. Гиммлера, профессор К. Мейер – руководитель аппарата рейхскомиссара по укреплению германской народности, разработал и 28 мая 1942 г. представил ему проект, согласно которому Ингрию, Крым, Херсонскую область и район между Клайпедой и Белостоком предполагалось подготовить для немецкой колонизации[31]. Исходя из проекта Мейера, Гиммлер в январе 1943 г. предложил план германизации Ингрии, рассчитанный на 20 лет: здесь планировалось поселить 350700 немцев[32]. В связи с новыми планами появились предложения не включать Ингрию в административное подчинение «Остланду», а образовать на ее территории особый округ и подчинить его непосредственно Берлину. В немецкой прессе стали обыгрываться мотивы об изначально «германском» характере Ингрии для обоснования переселенческих планов[33].

Свои виды на территории Советского Северо-Запада имела и воевавшая на стороне Германии Финляндия. Основной целью Финляндии в войне было возвращение территорий, утраченных в результате «Зимней войны» 1939–1940 гг., однако правящие круги этой страны и некоторые общественные течения проявляли интерес и к землям, лежащим за пределами этих территорий, на которых проживало этнически родственное финнам население. Аннексионистские замыслы в отношении Восточной Карелии и Ингрии циркулировали в Финляндии еще с 1918 года. С началом войны ингерманландский и карельский вопросы снова стали вызывать в этой стране повышенный интерес. Немцы ничего не имели против финских притязаний на Советскую Карелию, но наивно было бы рассчитывать, что они уступят своим союзникам Ингрию и Эстонию, у немцев были свои виды на эти территории[34].

Таким образом, планы немецко-фашистского командования в отношении оккупации территории Северо-Запада разрабатывались самым тщательным образом еще до вторжения на эти земли. Те директивы и предписания, которые были приняты вермахтом и осуществлены немецкими войсками были направлены на уничтожение населения, изъятие культурных ценностей, использование экономических богатств, разрушение социальных, жизненно необходимых сфер существования общества.

Примечания

[1] ГАРФ, ф. Р. -7021, оп. 2, д. 141, л. 115–123.

[2] ГА РФ, ф. Р.-7445, оп. 2, д. 145, л. 118–122.

[3] Там же, д. 146, л. 45.

[4] *Дашичев В.Н.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. – М., 1973. – Т. 1. – С. 50.

[5] Совершенно секретно! Только для командования. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. – М., 1967. – С. 96.

[6] Там же. – С. 43.

[7] Совершенно секретно!... – С. 55, 57.

[8] *Никитин М.Н.* Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей. – Л., 1943. – С. 5.

[9] ГАРФ, ф. Р.-7021, оп. 148, д. 12, л. 59–63.

[10] Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР, 1941–1944 гг. – М., 1968. – С. 3.

[11] *Безыменский Л.* Особая папка Барбаросса. – М., 1972. – С. 250–253.

[12] Военно-исторический журнал. – 1960. – № 1. – С. 95.

[13] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. В 7 т. – М., 1958. – Т. 3. – С. 337.

[14] *Деборин Г.А., Тельпуховский Б.С.* Итоги и уроки Великой Отечественной войны. – М.: Мысль, 1975. – С. 89.

[15] Совершенно секретно!... – С. 178.

[16] Преступные цели – преступные средства. – С. 20.

[17] Там же. – С. 27.

[18] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. – М., 1960. – Т. 1. – С. 358–359.

[19] Там же. – С. 29.

[20] ГАРФ, ф. Р.-7021, оп. 148, д. 454, л. 25, 25-об.

[21] ЦГА СПб., ф. 9421, оп. 1, д. 247, л. 7.

[22] Военно-исторический журнал. – 1959. – № 2. – С. 82.

[23] *Деборин Г.А., Тельпуховский Б.С.* Итоги и уроки Великой Отечественной войны. – М.: Мысль, 1975. – С.90.

[24] Там же. – С. 359.

[25] ГАРФ, ф. Р.-7021, оп. 148, д. 101, л. 1–77.

[26] Там же, д. 11, л. 80–120.

[27] Там же, ф. Р.-7445, оп. 2, д. 145, л. 165–166.

[28] Нюрнбергский процесс... – Т. 3. – С. 440.

[29] *Деборин Г.А., Тельпуховский Б.С.* Указ. соч. – С. 92.

[30] *Мусаев В.И.* Планы «германизации « и «финнизации» Советского Северо-Запада // Актуальные вопросы истории Великой Отечественной войны. – СПб.: Нестор, 1999. – С. 38.

[31] Там же. – С. 38.

[32] Там же. – С. 38.

[33] Там же. – С. 39.

[34] Там же. – С. 39.

К.Г. Максимова

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Модернизационные преобразования рубежа XIX–XX вв. стали сложным переломным моментом в истории России. Изменения произошли на всех уровнях жизни страны. Новые экономические отношения глубоко повлияли не только на политическую сторону жизни государства, но и на социальную. Изменился уклад жизни всех социальных слоев российского общества, на смену традиционным ценностям и идеалам пришли новые. Судить о результатах экономической и политической модернизации невозможно без подробного рассмотрения социальной трансформации общества.

Анализ социальной картины российского общества конца XIX века представляется наиболее эффективным с точки зрения концепции модернизации. Тем более что на рубеже XX–XXI веков, Россия вновь оказалась вовлечена в процесс модернизационных преобразований. Исследования различных подходов к проблеме социальной модернизации рубежа XIX–XX вв. в современной исторической науке, систематизация знаний по этому вопросу поможет более детально и эффективно разобраться в проблеме.

Теория модернизации стала попыткой преодолеть очевидные «неработающие» положения формационной теории.

Становление модернизационной школы прошло в несколько этапов. Оформление основных постулатов теории приходится на середину 1950-х годов.

© К.Г. Максимова, 2006

Последователи модернизационной школы объясняют тип развития и характер социальных и политических систем современных обществ тем как проходил процесс модернизации, был ли он самобытным и представлял естественный процесс или же «гонку» за уже модернизированными системами. Одним из центральных в модернизационной теории является вопрос о трактовании понятия «модернизация».

Первоначальная парадигма модернизации основывалась на представлении об однозначном «преодолении отсталости» в экономическом, политическом и социальном развитии, а соответственно и в интенсивном заимствовании ценностей, норм и стереотипов поведения людей западной цивилизации. Такие идеи получили название «вестернизация», что на данном этапе служило синонимом понятия модернизация. Систематический теоретический подход к изучению проблем модернизации был представлен исследователем М. Леви[1] (Модернизация и структура общества: среда международных отношений. 1966). Он определил модернизацию как применение неодушевленных источников энергии и использование средств, позволяющих умножить эффект усилий. Им была предпринята попытка, определить основные различия между модернизированными и не модернизированными обществами. Общество первого типа представляет собой глубоко разветвленную организацию. Человек, в данном обществе, не склонен совершать поступки, не предусмотрев широкого круга их последствий, не соразмерив своих ожиданий с возможностями. Он также не склонен оценивать других людей на основе «приписываемых» им в силу традиций статусных свойств таких, как этническое происхождение, родовитость, принадлежность к классу. Не модернизированное общество живет мелкомасштабными группами и использует мускульную энергию животных и человека. В данном обществе, случайно связанные элементы опыта приобретают значение традиций и силы эмоциональных мотивов поведения. Человек, в таком обществе, не эмансипирован или слабо эмансипирован от своих природных или родоплеменных зависимостей. Модернизация рассматривается Леви как процесс вторжения в среду традиционных обществ элементов западноевропейской культуры. Но автор приходит к выводу, что реальный результат такого вторжения приводит к извращению традиционных инфраструктур, не способных в короткие сроки воспринимать то, что в других местах создавалось в течение длительного времени.

Д. Эптер[2] использовал ряд аналитических категорий М. Леви в своей монографии «Политика модернизации», однако, она значительна уже по масштабам и целям в сравнении с работой М. Леви. Он не рассматривает модернизацию в масштабах целостного процесса трансформации традиционного общества в современное, но фокусирует внимание на более частной проблеме переходного периода между традиционализмом и индустриализацией. Большее внимание он уделяет не различиям между относительно модернизированными и относительно немодернизированными обществами, а ходу самого процесса. Пересмотр вестернизаторской концепции нарастал на протяжении 1960–1970 годов. В центре критики ранней теории модернизации встал вопрос неспособности объяснить разнообразие переходных обществ, а также проблема роли традиций в процессе модернизации. С середины 1960-х годов изучением этих вопросов занимается Ш. Эйзенштадт[3]. Он вводит термин посттрадиционное общество- общество переходного типа, то есть вышедшее из традиционного состояния, но не ставшее модернизированным. Ш. Эйзенштадт указывает, что модернизированные общества отнюдь не свободны от традиций. Традиции, по его мнению, не должны рассматриваться исключительно в негативном аспекте. Их надо изучать и выделять те, которые способствуют безболезненной модернизации. Таким образом, каждое общество, опираясь на свой традиционный опыт, создает собственный вариант модернизации.

К середине 1970-х годов была сформулирована новая парадигма модернизации. Главным представляется то, что произошел отход от вестернизаторской однолинейной модели исторического развития к полицентричной и многовариативной. Но следует отметить, что такой подход, не был лишен недостатков. Одним из существенных можно назвать верность основам культуры modernity как центрального смысла и цели развития не западных обществ, однако, с учетом локальных особенностей. На практике стала очевидна несостоятельность данной концепции. Нарастает критика теории модернизации как прогресса по западному образцу и к середине 1980-х годов вновь намечается смена парадигмы модернизации – «модернизация в обход modernity»[4].

Появление и разработка этой концепции были связаны с именами таких исследователей как

Ш. Эйзенштадт, А. Турен, А. Абдель-Малек. А. Абдель-Малек, критикуя утвердившееся в теории модернизации ключевые понятия «перехода» и «развития», вводит термин «трансформация», в связи с этим, если «развитие» подразумевает ориентацию на западные образцы, то «трансформация», по мнению исследователя, является внутренней перестройкой общества в соответствии с присущими ему законами. Данная трактовка более соответствовала реальным событиям.

Ответом на это стало сложившееся к началу 1990-х годов представление о развитие благодаря двум взаимосвязанным механизмам: дифференциация и интеграция. Данная взаимосвязь признавалась необходимой для сохранения жизнеспособности общества. Разработка механизма интеграции в современной социологии принадлежит Э. Дюркгейму. «Проблематика интеграции, поддержание общих идей, целей, ценностей модернизирующих обществ является одной из центральных в современных теориях модернизации, но во взаимосвязи с дифференциацией, то есть экономическое развитие, динамика общества определяются процессами дифференциации, его устойчивость, стабильность политической и социокультурной сфер – интеграцией»[5], – суть данной концепции.

В 1980–1990 годы мир стал свидетелем двух сдвигов глобального значения, которые стимулировали определенную корректировку модернизационной парадигмы. Во-первых, это грандиозные трансформации в Восточной Азии, которые сопровождались ускоренной модернизацией стран «конфуцианско-дальневосточной цивилизации», следующих по японскому пути (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур), и превращение их в серьезных конкурентов для наиболее развитых стран мира. Вторым фактором стала социально-политическая трансформация стран социалистического лагеря.

Таким образом, мировые события этого периода дали новый толчок разработке модернизационной теории. Постсоциалистические страны стали объектом исследования для совершенствования и проверки модернизационной перспективы. В этом направление работали П. Штомпка, К. Мюллер, Э. Тириакян. Э. Тириакян определяет новейшую, скорректированную им версию теории модернизации как «неомодернизационный анализ».

Основное содержание новой теории состоит в следующем: успех модернизации находится в прямой зависимости от степени гармонизации ценностей и приоритетов с теми ограниченными ресурсами, которыми располагает общество. Дисгармония между культурными, политическими и экономическими ценностями и приоритетами и наличными ресурсами может создавать проблемы в процессе модернизации. Модернизация не может интерпретироваться как единый процесс системной трансформации. В конкретном обществе отдельные сектора, социальные группы действительно могут сознательно беспрерывно следовать по пути модернизации. Некоторые группы могут делать это лишь на протяжении определенного временного отрезка. А некоторые, вообще, могут отказаться идти по модернизационному пути[6].

Активное освоение теории модернизации в нашей стране началось в постсоветский период. Во многом концепция модернизации помогает высветить особенности российского исторического процесса, особенно тип капиталистической эволюции, его тупики и противоречия, приведшие к революционным потрясениям. В отечественном обществознании предприняты попытки собственного трактования модернизационной теории, а так же рассмотрения различных аспектов российской истории, с позиций модернизационного подхода[7].

При изучении современной историографии процессов социальной модернизации России конца XIX – начала XX веков необходимо определить критерии «социальной модернизации». По мере становления модернизационной теории менялось и совершенствовалось понимание этого термина.

В отечественной историографии советского периода само понятие «социальная модернизация» не встречалось. Это обстоятельство вызывает определенную сложность в выделении критериев этого процесса. Несмотря на это советской исторической наукой признавалось появление новых явлений и тенденций в общественной жизни России на рубеже веков и в жизни отдельных слоев общества. Обобщая точки зрения историков на положение отдельных классов российского общества в конце XIX – начале XX вв., можно выделить несколько характерных черт или критериев инновационных процессов, которые происходили в обществе в рассматриваемый нами период.

Одним из главных критериев, который выделяется почти всеми исследователями – это трансформация традиционной сословной структуры; появление новых классов и слоев; возможность перехода из одного социального состояния в другое по личному усмотрению[8].

Другим критерием признавался – рост общественно-политической сознательности населения[9].

Еще одним критерием процесса социальной трансформации принималось повышение уровня грамотности среди всех слоев общества[10].

Некоторые исследователи выделяли одной из черт рассматриваемого нами процесса – изменение уклада жизни и мировоззрения людей, под воздействием экономических преобразований в стране[11].

На современном этапе можно выделить два подхода в историографии по вопросу определения социальной модернизации. Представители первого направления (В.Г. Хорос, Д. Филд, В.А. Красильщиков) концентрируют свое внимание на модернизационных преобразованиях, касающихся сугубо социальной сферы[12]. Другой подход представлен исследователем Б.Н.Мироновым[13]. Согласно его точке зрения под понятием «социальная модернизация» подразумевается модернизация общества в целом. Обобщая можно сказать, что социальная модернизация – это процесс кардинальных изменений в социальной структуре, проявившейся в формировании современных классов и слоев, в эволюции социальных ролей и ценностных установок.

Историографию второй половины XX века, посвященную модернизации российского общества конца XIX – начала XX вв. целесообразно разделить на два этапа:

Советская историография, охватывающая период с шестидесятых по девяностые годы XX века. Начало периода определяется шестидесятыми годами потому, что появившаяся на Западе в пятидесятых годах модернизационная теория только в это время получила отклик в работах советских историков.

Период с начала девяностых годов XX века до сегодняшнего дня определяется тем, что смена политического курса и начало «перестройки» в 1985 году не повлияло еще существенным образом на состояние исторической науки. Только работы конца девяностых годов уже могут рассматриваться как новый взгляд на проблему.

В отечественной историографии 1960-х вплоть до начала 1990-х годов исследований, посвященных социальной модернизации России конца XIX – начала XX века основанных на использовании модернизационного подхода не было. В 60-е годы XX века, некоторые исследователи социальной истории, были знакомы с модернизационным подходом, но в силу господствующей идеологии, данный подход считался, несостоятельным и не использовался. Основной причиной этого служило идеологическое противоборство между буржуазной историографией и марксистско-ленинской.

Несмотря на то, что в работах советских историков термин «социальная модернизация» не встречается, процессы социальной трансформации нашли отражение, в первую очередь при характеристике проблемы изменения сословной структуры российского общества, формировании классов пролетариата и буржуазии. В центре внимания находились вопросы численности, состава и облика этих социальных групп.

Наибольшее количество работ было посвящено истории рабочего класса, объяснением этому служит доминирующая точка зрения в историографии на решающую роль пролетариата в осуществление русской революции. Интерес к изучению положения пролетариата не ослабевал на протяжении всего этого периода[14].

Основные тенденции развития советской историографической науки 1960-х – начала 1990-х годов по проблемам истории рабочего класса применимы и к изучению положения крестьянства России конца XIX – начала XX века. Первостепенное значение уделялось экономическому аспекту, положению крестьян в системе аграрных отношений, участию их в капиталистических отношениях[15]. В рамках этих исследований рассматривались вопросы взаимоотношений города и деревни, эволюция социального облика крестьянина под воздействием капиталистических отношений. В работах П.Г. Рындзюнского содержатся выводы о том, что большая часть крестьянства, под влиянием буржуазно-капиталистических отношений, «находилась в переходном состоянии полупролетариев, что способствовало его революционизированию»[16]. Вместе с этим, на практике чувство коллективизма в сознании крестьян прочно сохранялось еще в начале XX века. Этому в немалой степени способствовало сохранение института круговой поруки, которая была отменена лишь в 1903 году. Сильна была семейная зависимость, так чтобы выйти из деревни крестьянин должен был получить разрешение родственников[17].

Рассматривая положение и облик отдельных социальных групп российского общества в конце XIX – начале XX века в историографии необходимо уделить внимание освещению вопросов образовательного и культурного уровня населения. По данному вопросу отмечена тенденция роста грамотности рабочих, с одной стороны,

а с другой традиционно-грамотного дворянства.

В советской историографии изучением русской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. занимались В.Р. Лейкина-Свирская, Л.К. Ерман[18].

Подводя итог, можно сказать, что в рамках исследований по социальной истории в данный период рассматривались такие проблемы как:

– рост политической сознательности различных социальных групп и участие их в общественно-политических объединениях начало XX века, в том числе и среди женщин;

– изменение отношения общества к образованию – общий рост грамотности (отмечена тенденция роста грамотности среди рабочих, в большей степени, чем российского общества в целом, значительно увеличилось число студентов-крестьян).

Вместе с этим делались выводы о сохранении традиционного уклада жизни у большей части населения России. Проблемы изменения сознания, менталитета, формирование новых ценностей в работах советских историков поднимались фрагментарно, в недостаточном объеме.

С начала девяностых годов XX века в отечественная историческая наука начинает использовать новые научные подходы. Многие исследователи обращаются к изучению социальной истории России, к характеристике положений отдельных социальных групп на рубеже XIX–XX веков. Важным представляется то, что авторы работ подходят к рассмотрению данной темы с позиций теории « модернизации», опровергая господствующую в советской историографии точку зрения на несостоятельность данной концепции.

Фундаментальным трудом по социальной истории России, рассматриваемого периода, является монография Б.Н. Миронова. Социальная история, по его мнению, должна осмысливаться и концептуализироваться в терминах «модернизации». Суть социальной модернизации, в соответствии с его точкой зрения, состоит в генезисе личности, малой демократической семьи, становлении гражданского общества и правового государства. В ходе социальной модернизации городские и сельские обыватели в юридическом, социальном и политическом отношениях превращались из верноподданных его величества в граждан[19]. Автор приходит к выводу, что в России, в императорский период социальная модернизация происходила, но находилась в стадии зарождения.

Анализ истории России рубежа веков в контексте общемирового процесса модернизации, представлен в работе В.Г. Хороса. Он считает, что великие реформы 1860-х годов, в частности судебная реформа объективно открыли дорогу модернизации России[20]. Автор подробно рассматривает роль отдельных социальных групп и их реальные возможности участия в процессах модернизации. Одним из активных поборников модернизации, по мнению автора, могла бы стать российская буржуазия. Но она появилась слишком поздно и в своей массе была политически инертной, если не сказать консервативной. Соответствовала духу модернизации, с точки зрения автора и русская интеллигенция. «Так или, иначе, интеллигенция в России составляла тот слой людей, который более других был ориентирован на модернизацию». По мнению автора, русская интеллигенция могла наиболее эффективно решить проблемы, возникшие под воздействием новых условий, была немногочисленна и самое главное, в сознании многих русских интеллигентов не произошел тот сдвиг, не сформировались те ценности и установки, которые соответствовали духу модернизации[21].

Таким образом, в соответствии с трактовкой автора, главным препятствием на пути социальной трансформации было отсутствие той силы в обществе, которая смогла бы активно участвовать и отвечать на проходившую модернизацию в стране. Вопрос о том, какой социальный слой мог выполнить задачу динамизации развития страны, осуществить ее модернизацию неоднократно рассматривался исследователями[22].

Проблема социальной модернизации раскрывается в работах, касающихся характеристики отдельных слоев российского общества в период конец XIX – начало XX вв[23]. В данных исследованиях раскрываются проблемы формирования новых социальных слоев (пролетариата и буржуазии), изменение менталитета, быта российского общества.

В исторической науке на современном этапе изучается ранее не рассматриваемые аспекты социальной истории России конца XIX – XX века, либо исследуются в ином контексте, на основании новых источников. Темой специального исследования в изучении состояния крестьянского сословия в эпоху модернизационных перемен на рубеже веков стало соотношение обычая и закона в быту крестьян[24]. Говорить о том, что крестьянам были знакомы нормы действующего законодательства, не следует, но развитие капиталистических отношений открывало перспективу складывания в деревне новых условий, которым бы отвечали не традици-

онные правовые обычаи, а издаваемые законы.

Таким образом, современной историографической наукой процесс социальной модернизации освещается с иных, нежели ранее позиций. В центре внимания историков продолжают оставаться проблемы разрушения традиционной сословной структуры. Дискуссионными вопросами остаются вопросы о численности и составе социальных групп.

Новым направлением в историографии стало изучение соотношения традиционализма и модернизма в сознании, быту и жизни российского общества. Исследователи приходят к выводу, что существенное сохранение традиций, сильное влияние религии определило самобытный вариант российской модернизации, а не являлось негативной чертой, тормозившей обновление страны. Западные буржуазные ценности на российской почве значительно трансформировались. На современном этапе развития исторической науки этот факт уже не воспринимается как элемент отсталости России, а, напротив, служит доказательством постепенного и стабильного ее развития в конце XIX века.

В центре внимания историков оказались вопросы результативности социальной модернизации, степени участия различных слоев общества в процессах модернизации и причины ее неудач. Большая часть исследователей согласны с выводом о незавершенности модернизации российского общества к 1914 году. Факторами, которые действительно задерживали инновационный процесс, были политика правительства, это признают все исследователи, а так же позднее вступление России на путь капиталистического развития и отсутствие реальной общественной силы, способной быстро воспринять новые условия.

Примечания

[1] Критика теории модернизации: научно-аналитический обзор. – М.,1985.– С. 23–28.

[2] См.: Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. – М., 2000. – С. 11.

[3] См.: Современные буржуазные теории общественного развития. – М.,1984. – С. 230–231.

[4] *Зарубина Н.Н.* Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. – СПб., 1998. – С. 132.

[5] См.: Там же. – С. 135.

[6] См.: Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. – М., 2000. – С. 43.

[7] См: *Красильщиков В.А.* Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М., 1998; *Он же.* Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. – 1993. – №7. – С. 40–56; *Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г.* Модернизация: От равенства к свободе. – СПб., 1998; *Поткина И.В.* Индустриальное развитие дореволюционной России: Концепции проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. – М., 1994; *Согрин В.В.* Современная российская модернизация: Этапы, логика, цена // Вопросы философии. – 1994. – №11. – С. 3–18; *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Волны политической модернизации в истории России: К обсуждению гипотезы // Полис. – 1998. – №2. – С. 39–51; *Ерасов Б.С.* Одномерная логика российских модернизаций // Общественные науки и современность. – 1995. – №2; Российская модернизация XIX–XX веков: Институциональные, социальные, экономические перемены. – Уфа, 1997; Модернизация в социокультурном контексте: Традиции и трансформации. – Екатеринбург, 1998; *Лейбович О.Л.* Модернизация в России: к методологии изучения современной отечественной истории. – Пермь, 1996; *Зарубина Н.Н.* Составляющие процесса модернизации: Эволюция понятия и основные параметры // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. – 1998. – № 4. – С. 25–37; *Она же.* Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. – СПб.,1998; *Она же.* Самобытный вариант модернизации // Социс. – 1995. – №3; Авторитаризм и демократия в «третьем мире». – М., 1991.

[8] См.: *Крузе Э.Э.* Положение рабочего класса России в 1900–1914. – Л.,1976; *Рындзюнский П.Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. – М.,1983; *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911гг. – М.,1979.

[9] См.: Там же

[10] См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. – М.,1981.

[11] См.: *Крупянская В.Ю., Полищук Н.С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала конец XIX – начало XX вв.– М.,1971; *Крузе Э.Э.* Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 . – Л.,1981; *Дубровский С.М.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. – М.,1975.

[12] См.: *Хорос В.Г.* Русская история в сравнительном освещении. – М., 1994. – С. 8; Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. – М., 2000. – С. 59; Мо-

дернизация и конфликт ценностей. – М.,1993. – С. 71.

[13] См: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) . – СПб., 2000. – Т. 2. – С. 304.

[14] См.: *Рашин А.Г.* Формирование рабочего класса России. – М., 1958; *Крузе Э.Э.* Петербургские рабочие в 1912–1914 гг. – М.; Л., 1961; Рабочий класс и рабочее движение в России 1861–1917. – М., 1966; Рабочий класс России 1861–1900. – М., 1972; Рабочий класс от зарождение до начала XX в. – М., 1983; Положение рабочего класса Москвы накануне первой русской революции. – М., 1987.

[15] См.: *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). – М.,1966; *Он же.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России 1861–1904 гг. – М.,1984; *Рындзюнский П.Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России. – М.,1966; *Он же.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половине XIX века. – М., 1983; *Дубровский С.М.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. – М., 1975; *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. – М., 1978.

[16] *Рындзюнский П.Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. – М., 1983. – С. 264.

[17] См.: *Рындзюнский П.Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России. – М., 1966. – С. 302.

[18] См.: *Ерман Л.К.* Интеллигенция в первой русской революции. – М., 1966; *Лейкина-Сверская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. – М., 1971; *Она же.* Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. – М., 1981.

[19] См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи. Кн. 2. – СПб., 2000. – С. 289.

[20] См.: *Хорос В.Г.* Русская история в сравнительном освещении: пособие для учащихся ст. классов с углубленным изучением истории, гимназий и лицеев. – М., 1994. – С. 4.

[21] Там же. – С. 100.

[22] См.: Модернизация в России и конфликт ценностей. – М.,1993; Опыт российских модернизаций XVIII – XX века. – М., 2000.

[23] См.: *Боханов А.Н.* Крупная буржуазия России в конце XIX – 1914 г. – М.,1992; Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. – М., 2001; Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революция 1861 – февраль 1917. – СПб., 1997; Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. – Кострома, 2003.

[24] См.: *Шатковская Т.В.* Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. – 2000. – №11–12; *Миронов Б.Н.* Социальная истории России периода империи. Кн. 2. – СПб., 2000.

А.А. Рыбкин

НОВЫЙ ЭТАП ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Для Российской империи эра террора началась в XIX веке в виде отдельных покушений народовольцев на чиновников и императора Александра II. С разгромом народовольческих организаций в 1880-х гг. завершается первый этап терроризма. Однако в начале XX века политический терроризм становится по настоящему массовым явлением, универсальным средством борьбы за власть. На переход политического терроризма в России на новый этап повлиял ряд факторов.

В разное время через революционные потрясения, связанные с развитием капитализма прошли многие страны мира. Российская империя, вставшая на путь капитализма позднее, чем страны Запада столкнулась с проблемами, им порожденными к началу XX века. Интенсивное развитие промышленности, привело к появлению в обществе такого класса как пролетариат. Взаимоотношения наёмных работников с собственниками предприятий требовали постоянного совершенствования правового поля. Однако правительство слишком медленно изменяло рабочее законодательство, поэтому столкновение интересов рабочих и предпринимателей приводило к конфликтам между ними. В этих условиях для его разрешения местные власти использовали силу. Отсутствие у крестьян к началу XX необходимого количества земли, неотмененные выкупные платежи привели к самовольному захвату крестьяна-

© А.А. Рыбкин, 2006

ми земель, лесов, поджогу экономий и поместий. Против них посылаются воинские и полицейские команды, которым оказывается сопротивление. Ограничения в правах некоторых национальностей приводило к пополнению рядов политических партий вступавших в открытую борьбу против самодержавия и использовавших террористические акты в достижении целей своей деятельности. Сословное деление общества, оказывало влияние на умонастроения людей принадлежащих к тому или иному сословию, а накапливающиеся между ними противоречия должны были привести к социальному взрыву. Буржуазное развитие страны разрушало основы целостного мира православной культуры. Оно нарушило единение верховной власти с народом, следствием чего стал кризис монархического государства. К этому можно добавить падение авторитета церкви в конце XIX века и как следствие «падение нравов и ослабление религиозных начал среди населения», особенно в деревне. Поэтому постепенно сознанием определенной части общества овладевает революционная идея[1]. В своих душевных чаяниях часть революционеров приходило либо к народническому социализму, либо к марксизму, в котором нравственные нормы честного труда, не принятия эксплуатации и насилия соответствовали православию. Социологические учения обещали человеку вернуть упорядоченность бытия, проповедовали борьбу за счастье обездоленных, а место Бога в его душе занял народ[2]. Сознание другой части общества, оказалось не способным реагировать на происходившие изменения социально-политической обстановке, быстрой смене систем человеческих и политических идеалов и ценностей. Поэтому она враждебно встречает попытки подмены христианских ценностей революционными, а отрицание самодержавия, как крамолу и смуту. В итоге в российском обществе резко выделяются группы, настроенные как революционно, так и антиреволюционно[3]. Столкновения между ними неизбежно увеличивали сумму насилия в российском обществе, втянутого к тому же в противостояние с властью.

Незавершённость и половинчатость реформ 60–70-х гг. XIX века приводили к нарастанию противоречий между правительством и обществом. Место диалога занимает насилие[4]. И хотя в 80-х годах XIX самодержавию удается справиться с террором народовольцев. Однако нежелание власти провести демократические реформы, пойти на встречу требованиям общественности вновь возвращают идеи террора на рубеже веков к жизни.

В конце XIX века на идеологию террора оказывают влияние заимствованные с Запада идеи анархизма и социализма. В то же время происходит обновление народнической идеологии, подразумевающий возможность использования в политической борьбе за улучшения социально-экономического положения в обществе, насильственные средства, в том числе и террор – индивидуальный или массовый. Знакомы с этими идеями были не только революционеры, но и либералы, считавшие неизбежным рост террора в стране, где правительство не задумывается о последствиях своей политики и не ищет диалога с обществом[5].

В первые годы XX века недовольство народа существующим строем достигает критической отметки, а правящие круги все ещё не решаются провести необходимые реформы. В этой ситуации за дело берутся революционеры с радикальными средствами борьбы. Внутренняя и внешняя политика самодержавия не смогла предотвратить революцию 1905–1907 гг., во время которой политический терроризм достигает своего апогея.

Новый этап терроризма начинается с убийства в начале 1901 г. П.В. Карповичем министра просвещения Н.П. Боголепова. Этот теракт был сочувственно воспринят революционерами и оппозиционно настроенным студенчеством. Он не вызвал осуждения и среди либералов[6]. Это обстоятельство позволило таким лидерам эсеров, как Г.А. Гершуни, М.Р. Гоцу и В.М. Чернову приступить к систематическому террору. В обществе сочувственно встретили убийство эсерами 2 апреля 1902 г. министра внутренних дел Д.С. Сипягина, и его приемника на этом посту В.К. Плеве 15 июля 1904 г. Убийство 4 февраля 1905 г. великого князя Сергея Александровича воспринималось обществом как воздаяние по заслугам[7].

Действия террористов одиночек, а также массовый террор способствовали росту недоверия правительства к обществу. В ответ на теракты после роспуска I Думы, правительство ужесточало репрессии против революционеров, стремясь физически уничтожить своих противников. Поэтому одной из причин размаха террора в 1905–1907 гг. можно выделять и столыпинское кровопускание, или, по мнению премьера «врачебные меры», что наряду с умиротворением увеличивали, если можно так выразиться, сумму насилия в обществе[8].

Важным моментом распространения терроризма в России явилась его пропаганда. Террористический акт без широкой огласки – нонсенс, террористам обязательно нужен эффект[9], а «успешный террористический акт всегда побуждает к подражанию, и террор стал проявляться всё чаще и чаще»[10]. Удачные террористические акты, описанные в центральных партийных газетах, перепечатывались и распространялись в листовках на местах. В результате огромное число людей знало, кто убит и за что убит. Растиражированные в партийной литературе операции террористов, способствовали привлечению в террор новых людей. Письма эсеровских боевиков из тюрьмы и каторги служили для многих участников революционного движения в XX веке символом мужества и преданности революционному движению. Теракты совершались по всей территории России, их жертвами становились полицейские, губернаторы, министры, великий князь.

Развитие терроризма показало неспособность правительства справиться с ним при помощи силовых методов. Из-за отсутствия свободы собраний, слова, легальных политических партий, террор продолжал оставаться формой диалога общества с властью. Кроме того, он стал средством способным заставить пойти власть на уступки и реформы. После убийства В.К. Плеве наступила либеральная весна П.Д. Святополк-Мирского. Теракт против великого князя Сергея Александровича заставил царя подписать рескрипт на имя А.Г. Булыгина. Принятию манифеста 17 октября 1905 г. предшествовала записка С.Ю. Витте, в которой он докладывал, что одними репрессиями уже не справится, так как «казни и потоки крови только ускорят взрыв. За ним наступит дикий разгул низменных страстей». Николаю II пришлось пойти на уступки[11].

В начале XX века терроризм используется в партийных интересах. Политические партии России активно включают в свою деятельность террористические методы борьбы. Партия социалистов-революционеров и Российская социал-демократическая рабочая партия, Союз русского народа непосредственно использовали террор в политической борьбе. Для революционеров он выступал как агитационное средство, способ противодействия произволу царской администрации. Для монархических партий – это необходимость борьбы с «крамолой» и «бунтовщиками, то есть теми, кто открыто глумился над всем, что дорого русскому человеку[12]. Либералы не принимая участия в совершении террористических актов, использовала террор в своих интересах. Конституционно демократическая партия, даже оказавшись в Государственной Думе, не пожелала поддержать правых и выступить с осуждением революционного террора[13]. Деятельность политических партий способствовала выходу террора на новый организационный уровень, заключавшийся в образовании внутри политических партий, специальных организаций, занимающихся проведением террористических операций, исходя из тактических установок своей партии. Создание ПСР Боевой организации и успешно выполненные ею террористические акты, привели к росту популярности эсеров. В годы первой русской революции боевые организации, боевые дружины появились и в других партиях.

Развитие революции 1905–1907 гг. способствовало тому, что террор из удела избранных стал массовым. Многим боевикам было не важно, в сущности, от имени какой партии они совершали выстрелы и «экспроприации». Нередко боевики переходили из одной партии в другую, если там было больше простора для боевой деятельности[14]. В действиях участников боевых организаций политическая подоплека постепенно уступала место личным интересам, а проводимые ими экспроприации напоминали обычные ограбления.

По мысли П.А. Кропоткина, терроризм – это порождение особых условий политической борьбы в конкретный исторический момент, поэтому он может как умереть, так и воскреснуть[15]. Так и произошло в Российской империи, где правительству удалось справиться с народовольческим террором, но не с проблемами, его породившими. Поэтому в начале XX века политический терроризм снова оказывается востребованным в рамках политической борьбы. На новом этапе своего развития он получает идеологическую подоплёку из синтеза анархических, марксистских, неонароднических идей, вошедших в той или иной степени в программы революционных политических партий. Развитию насилия в стране способствуют отсутствие легальных способов выражения политической воли общества и отдельных его классов, нежелание правительства провести либеральные преобразования. В этих условия политические партии включают в свою деятельность террористические методы борьбы. Успешные действия террористов против царских сановников, заставляют власть пойти на уступки из-за страха перед новы-

ми террористическими актами. Умелая пропаганда терактов с одной стороны, способствовала к росту популярности политических партии и притоку в их профессиональные боевые организации, занимавшиеся только террористическими актами, новых членов. С другой – увеличивала число противников крайних методов борьбы и революционных идей. В годы первой русской революции сторонники монархии также использовали террористические методы для борьбы с революционерами. Массовость террора не только способствовало изменению сознания самих террористов, большинству из которых было неважно, чью программу они отстаивают, но и возможность прикрытия уголовных преступлений политическим словами: «террористический акт» и «экспроприация». Всё большее количество людей, подчас совершенно невиновных, становятся жертвами проявлений терроризма. Следствием этого становится постепенный отказ общества от террористических средств борьбы с правительством. Жёсткая политика правительства в отношении революционеров в конце 1905 года, на определённом этапе способствовала увеличению насилия в обществе, однако в конечном счёте показала свою эффективность. Таким образом, второй этап политического терроризма, в России начавшись на рубеже XIX–XX веков, и достигнув своего максимума в 1905–1906 гг., практически сходит на нет в 1907 г. и в последующие годы.

Примечания

[1] Первая революция в России: взгляд через столетие. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – С. 62; *Розенталь И.С.* Революция // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 448; *Яковенко И.* Православие и исторические судьбы России // Общественные науки и современность. – 1991. – №2. – С. 55.

[2] См.: *Горинов М.М.* Евгений Преображенский: становление революционера // Отечественная история. – 1999. – №1. – С. 41.

[3] См.: *Поликарпов А.* Откуда есть – пошёл терроризм Российский // Родина. – 1998. – №3. – С. 22; *Иерусалимский Ю.Ю., Кокорина Е.А.* Историография черносотенно-монархического движения в 1905–1097 гг. // Вестник МГУ. Серия 8. (История). – 1994. – №3. – С. 35; *Размолодин М.Л.* Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. – Ярославль: Александр Рутман, 2001. – С. 18.

[4] *Хобсбаум Э.* Век империи 1875–1914. – Ростов на Дону, 1999. – С. 430.

[5] См.: *Шацилло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация, программы, тактика. – М.: Наука, 1985. – С. 113–114, 306–307.

[6] *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – С. 127.

[7] См.: *Спиридович А.* Записки жандарма. – М., 1991. – С. 162; *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). Т. 1. – М.: Современник, 1990. – С. 236–237.

[8] *Иерусалимский Ю.Ю., Кокорина Е.А.* Историография черносотенно-монархического движения в 1905–1907 гг. // Вестник МГУ. Серия 8. (история). – 1994. – №3. – С. 37; *Леванов Б.В.* Из истории терроризма в России (вторая половина XIX века – начало XX века) // Проблемы истории политических партий и органов власти России. Ч. I. Статьи, материалы и тезисы IX Всероссийской научной конференции обществоведов. – Владимир: ВГПУ, 2004. – С. 7.

[9] *Будницкий О.В.* «Кровь по совести» терроризм в России (вторая половина 19 в.– начало 20 в.) // Отечественная история. – 1994. – №6. – С. 206.

[10] См.: *Спиридович А.* Записки жандарма. – М., 1991. – С. 184.

[11] См.: *Спиридович А.* Записки жандарма. – М., 1991. – С. 184; *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. – СПб.: Петрополь, 1991. – С. 271; *Будницкий О.В.* «Кровь по совести» терроризм в России (вторая половина 19 в.– начало 20 в.) // Отечественная история. – 1994. – №6. – С. 205; *Ерошкин П.Н.* Самодержавие накануне краха. – М., 1975. – С. 31–32.

[12] *Острецов В.* Черная и красная сотня. – М., 1991. – С. 12.

[13] Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 1. Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии 1905–1911. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – С. 488; *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). Т. 1. – М.: Современник, 1990. – С. 424; Первая революция в России: взгляд через столетие. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – С. 496.

[14] *Будницкий О.В.* «Кровь по совести» терроризм в России (вторая половина 19 в.– начало 20 в.) // Отечественная история. – 1994. – №6. – С. 208.

[15] См.: *Кропоткин П.А.* Записки революционера. – М., 1990. – С. 266.

ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

В.Е. Завязкин

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

Привычки, нравы и обычаи каждого времени, замечает Виолле-ле-Дюк, материально воплощены в мебели, утвари, одежде[1]. Расширим эту мысль: манеры и обыкновения, характеры и традиции любого времени находят свое материальное воплощение, не ограничиваясь лишь только предметами обихода. Тем сложнее среди упрощений и обобщений научного анализа, ориентированного на синтез и описание событий и явлений, не упустить разнородность деталей, вариативный космос «вещественных» проявлений духа любой и вместе с тем предельно конкретной эпохи. Многое зависит от масштабирования исторического взгляда как на современность, так и на прошлое, которое можно рассматривать с любой степенью приближения, и следует «прибегать то к телескопу, то к микроскопу, то делать снимок мозга, то бурить землю, чтобы взять геологические образцы»[2]. Количество частностей, деталей, тонкостей, различимых историческим зрением, неуклонно падает, растворяясь в глубинах хроноса, в пушкинском «дыму столетий». И велик соблазн уложить субъективное время прошлого в логарифмическую шкалу настоящего, нарочно или, напротив, невольно забыв, что «единого масштаба, под который можно было бы подогнать все цивилизации и эпохи, не существует, ибо не существует человека, равного самому себе во все эти эпохи»[3].

Каждая эпоха становится исторической, когда порождает «программные заявления», и художественной – когда делает такие заявления языком искусства. Не только в виде «высказываний», но и на наглядном уровне, на котором сущностные признаки соответствующего периода, что называется, «видны». Как сказал Раскин, «великие народы пишут автобиографии в трех манускриптах – в книге своих деяний, в книге своих слов и в книге своего искусства. Ни одну из этих книг невозможно постичь без двух других»[4]. Причем «книга искусств» является наиболее конвенциональной: каждая эпоха дает ей иное, собственное наполнение, складываемое из тех возможностей для выражения, которые предоставляет в распоряжение творческой деятельности «дух времени». И тогда как творчество есть основополагающая функция духа (равно как познание, религия или миф), искусство, подобно любому конвенциональному понятию, укорененному в истории человечества, подвергнуто исторической модификации: то, что понималось под «искусством» в III веке до н.э., не совпадало с тем, что вкладывали в это слово при Карле Великом; то, что было искусством для Леонардо, Маринетти готов был отправить в корзину для мусора.

Различия в произведениях искусства эпох и цивилизаций, безусловно, свидетельствуют и о различии в самоощущениях человека, в способах его постижения мира и самого себя – тела и духа, будь то бушмен, чья деревянная маска говорит о борьбе изо дня в день за жизнь, и о борьбе – из ночи в ночь – с первобытным страхом, или эллин, создавший Аполлона Бельведерского, творение неколебимого мира света. Произведения различных эпох и тем более культур могут говорить об уровне развития тех культур, которым они принадлежат и которую представляют, но каждое из них обычно молчаливо в присутствии «чужаков». Чтобы «разговорить» их, нужно постараться обратиться через их посредство к художнику прошлого, к «Другому», но не в «психосоматическом», а в «археопсихологическом» понимании. Психоантропологическое рассмотрение подразумевает внимание, в числе прочего, к повседневной жизни как основному «поставщику» подсознательного. Так происходит регулярное, периодическое – изо дня в день – формирование мироощущения человека. «Другой» же в нашем случае – это не alter ego художника, его схематичное шизоидное расщепление, а человек иной эпохи, чьи укорененные привычки, усвоенные формы поведения и трафареты восприятия жизни отличны – скажем, от современных. Картина мира «Другого» складывается в результате устойчивой серии мыслительных навыков, углубленных в сознании, в его слоях. А в их основе лежит историческая память, включающая текущую систему и историю смыслов и являющаяся

© В.Е. Завязкин, 2006

«объективацией» коллективного субъективного. Иными словами, люди разных веков и цивилизаций отличались, прежде всего, образом своего мышления, поведения, реакцией на окружающую среду и внутренний мир. Как ни развита была индивидуальность отдельного человека, «психологическая матрица» его эпохи накладывала на его сознание особый отпечаток – складывалась ментальность. Ее надо понимать в качестве выражения группового сознания в историческом времени и географическом и в то же время как «не сформулированная четко и не вполне осознаваемая (или не осознаваемая вовсе) *манера* мыслить, подчас лишенная логики умственных образов, которые присущи данной эпохе или определенной социальной группе»[5].

Историческую ментальность нельзя полностью приравнивать к таким явлениям, как «сознание» или «сфера бессознательного», хотя между этими тремя явлениями существует глубокая связь. Более того, она не существует сама по себе, как абстрактно-общее понятие, но является имманентным качеством *субъекта*, который становится таковым только через посредство *деятельности*, художественной деятельности. В ее результатах учитываются широкие культурные параметры, включающие идеологические, экономические, социальные и индивидуальные факторы поведения, а также речь, коллективную память, чувство времени, символику пространства и т.п. Пространство этих параметров и есть поле репрезентации исторической ментальности, которое, подобно тому, как Архимед вычислял площадь круга методом исчерпания, мы можем заполнять «штриховкой», постепенно увеличивая ее плотность, где каждая линия – один из социокультурных факторов.

Что понимать при этом под репрезентацией, в свое время, основываясь на лексикографических значениях, дал Роже Шартье в журнале «Анналы». По мнению ученого[6], репрезентация обнаруживает две противоположные группы смыслов: с одной стороны, она позволяет видеть нечто отсутствующее, предполагая четкое различение между репрезентирующим и репрезентуемым; с другой, она являет присутствие, демонстрирует некую вещь или личность. Нас должно интересовать первое значение, когда репрезентация является «инструментом опосредованного познания», который позволяет увидеть отсутствующий для непосредственного восприятия феномен через его изображение, образ. Такие образы могут быть как исключительно материальными, так и работающими в «регистре символической связи».

В любые времена роль искусства не была только художественной. Часто оно служило другим, важным по своей сути, но внехудожественным по своей природе целям – культовым, пропагандистским и пр., в общем, функционально-прикладным. При этом все эти функции могут характеризоваться как символические, поскольку удовлетворяют не только природным потребностям человека, но и его социально-культурным конвенциям. Существование в символическом пространстве – отличительная черта homo sapiens. Искусство и человека нельзя отделить друг от друга, как невозможно разделить историю искусства и историю цивилизации. И это, вместе с эмпирическими знаниями и вкусовыми предпочтениями, обуславливает всякое суждение об искусстве.

Хотя «отношения, связывающие пластическое выражение с другими аспектами цивилизации, пока еще слишком мало изучены, слишком сложны и слишком часто характеризуются отставанием или отклонениями»[7], следует, а то и просто необходимо, несмотря на безусловные трудности, затрагивать эти проблемы, создаваемые столь тонкими связями и столь вопиющими, на первый взгляд, противоречиями, сообщая им рассудочную ясность философского понимания в просторном хронологическим и географическом диапазоне. Но: произведение искусства, «коренящееся в иррациональных сферах инстинкта и воображения», не может быть измерено одной лишь меркой разума, а подвергнуть более-менее полному анализу процессы рождения и трансформации идей и форм, способов воздействия искусства и его смыслонаполнения во всей их интенсивности значило бы примерно то же самое, что изложить всю историю мирового искусства, а то, пожалуй, и всю историю западноевропейской цивилизации.

«Замкнутых исторических организмов не существует»[8], особенно если это пространство *повседневности*. В таком контексте культура зиждется на смыслополагании, на признании неких реалий и идей ценностями и нормативами, включенными в непрерывный процесс традиции и наследования аксиологической иерархии. Одной из «золотых нитей» генетической связи между эпохами и произведениями, проходящих через всю ткань мировой истории искусства, выступает классическая традиция, с течением времени превратившаяся в *идею классики*, пестую-

щую обращение к некоторым критериям, ценностным и сравнительным суждениями и формам для проверки своего рода «правильности» протекания означенного процесса.

«Удаление камней глупости», небольшая картина Иеронима Босха, выполнена в манере мягкой, напоминающей эмаль и, по мнению де Тольная[9], еще слишком зависимой от традиции. Наивное использование символических атрибутов, схематическая композиция, угловатость персонажей при недостаточной их соотнесенности друг с другом и с окружающим пейзажем, наконец, колористическое решение с особым применением красного, синего, белого и серого тонов – все это говорит о том, что доска принадлежит к раннему периоду творчества художника. Надпись золотом «Meester snijt de keye ras / Myne name is lubbert das» («Мастер, вырежи камень скорей / Мое имя Лубберт Дас»), сделана в стиле, аналогичном тому, что использовался в конце XV века для надписей на цеховых гербах. Текст надписи связан с финальной сценой то ли фарса, то ли бурлеска, имевшего хождение при жизни художника. Сюжет таков, что некий человек поймал изменяющую ему жену, что называется, на месте преступления, как кажется, со священником, который тут же его и благословляет. Но подруге жены удается уверить бедолагу в том, что он-де ошибается, что он не своем уме и страдает от камня в голове[10], что камень этот следует немедля удалить. И тот, не долго думая, предается в руки врачевателя.

Не исключено также, что картина являет собой своего рода адаптацию специального «предмета», предназначенного для выставления на показ в ходе религиозных шествий Славного Братства Богородицы, членом которого Босх стал в 1486 году. На рубеже XV–XVI веков голландские художники, случалось, получали муниципальные заказы изготовить изображения, *punt*, на повозку для таких шествий. На одном из них есть почти прямая отсылка к сюжету рассматриваемой картины, где, взявшись извлечь из головы простофили «камень глупости», бродячий медик вырезает оттуда только тюльпаны. Уже в первом словаре, суммировавшим лексический состав голландского языка, содержалось слово «tulpe», имевшее коннотацию глупости. Можно предположить, что именно эта игра слов легла в основу изображения тюльпана в картине Босха. Конечно, там есть еще множество удивительных деталей, но если эти объекты некогда и имели *символическое значение*, то, к сожалению, за столько веков оно от нас ускользнуло, оставив только *символические формы*, хранящие свои загадки. Одна из них: откуда в картине Босха появился тюльпан?

Вопрос не праздный, если вспомнить, что художник писал «Удаление камней глупости» в промежутке между 1475 и 1480 гг., умер в 1516 г., а тюльпаны, согласно наиболее близкой ко времени Босха датировке, появились в Европе не раньше 1554 года – посредством нескольких «официальных» каналов. Но все они не объясняют, как появился тюльпан более чем на полстолетия раньше в картине одного из самых загадочных художников европейского искусства. Остаются, значит, «неофициальные» пути, тем более что разница между фактической датой события и его документальной фиксацией иногда составляла столетия.

Первое письменное упоминание об этом цветке мы встречаем у Омара Хайяма (1040–1123 гг.). Персидские поэты звали их ласково и мелодично «лале», воспевая свежесть и нежность хрупкого цветка. Предполагается, что название головного убора, похожего на бутон тюльпана, – тюрбана – было использовано для обозначения цветка европейцами, когда он стал символом Оттоманской империи. Это дает возможность предположить, что тюльпан был известен европейцам, в частности в «Нижних Землях» несколько ранее формальных упоминаний. Например, сведения о нем могли донести крестоносцы, возвращавшиеся с Востока. Или маркитанты из Испании, под господством которой Голландия находилась вплоть до 1566 года и внутри которой вплоть до конца XIII сохранялись арабские анклавы. Они могли привозить ткани или книжные миниатюры персидского происхождения, украшенные тюльпанами, и Босх мог их видеть, как мог видеть вышеописанный *punt*. Увидеть неизвестный цветок – и поместить в свою картину, не называя его, опираясь исключительно на визуальный строй растения, на его *форму*.

Однако не исключено, что в картине Босха – вообще не тюльпан. А крупный одиночный цветок не совсем определенного цвета, но ближе к желтому, вытянутой формы, с угловатыми краями лепестков и слишком уж прямыми очертаниями – это еще не открывшийся цветок... скажем, граната. Известный с древнейших эпох, гранат был предметом бесчисленных мифов, легенд и произведений искусства, привлекая внимание художников на протяжении веков – от Рафаэля до Сезанна,

от Гомера до Шекспира. Распространение культуры этого растения изначально носило не экономический, а символический характер – религии и мифа. При желании можно выстроить длинный ряд символических значений граната, и каждое из них может дать основание для вполне достоверной интерпретации рассматриваемой детали в картине Босха как цветка граната. Такой подход сам по себе может приводить к небезынтересным, но подчас сомнительным выводам, причем не на уровне обобщений, а именно при разборе частностей, конкретных деталей и обстоятельств. Однако так же, как в случае с тюльпаном, предпосылкой ему будет служить явление, которое, как кажется, имело место в европейском искусстве с незапамятных времен, наблюдаемое по сей день и заслуживающее пристального исторического взгляда. Речь о *миграции символических форм*.

Формально-иконографические исследования, как правило, направленные на выявление лейтмотивных значений символических форм, слишком часто оказываются в интерпретационном тупике, не в силах преодолеть, с одной стороны, зависимости от авторитета содержательных данных, а с другой – чувственного опыта. Тогда как даже пресловутый спиритуализм, те «отвлеченные символика и аллегория, которые заняли место классических поэтических вымыслов с их приоритетом наглядности»[11] оказался с «прорехами», сквозь которые просачивался сенсуализм из сфер магии, анимизма и иконопочитания. С одной стороны то, как вещи представляются субъективному восприятию, «пересозданные в нематериальные впечатления», а не как они даны объективному опыту, принималось христианством легче, чем культ тела и натурализм Античности. Но с другой, по мере привыкания к новым правилам, все больше обнаруживалось сохраняющееся пространство, доступное для эзотерического воображения, когда «риторическое преобразование» формы и усложнение содержания в качестве источника символического смысла имели уже не только авторитет Священного Писания и апокрифов. Более того, такой источник мог не совпадать с источником собственно иконографической символической формы, не был ему идентичен и ускользал от «символического покрытия», делая его недоступным, а истолкование – невозможным. Другими словами, символическая форма, способная существовать с латентным символическим смыслом, может быть прочитана как *художественный образ*, поскольку в сфере символов есть нечто, что дает возможность духу «взойти от зримого к незримому», недоступное при этом рационализации и затрудняющее постижение произведения искусства «позитивными» подходам.

Документальная история с такой точки зрения является одновременно «и самым ценным, и самым рискованным» подходом, поскольку «есть еще громадные области прожитого, которые вообще могли не оставить свидетельств»[12], но могли оказать влияние, результатами которого мы оперируем, подчас даже не подозревая об этом. Такое влияние не обязательно укоренено или даже зафиксировано в том, что в начале работы было названо «программными заявлениями» на уровне понятийных высказываний. Напротив, когда ответ на вопрос о «символах толкования» недоступен, не логичным ли выглядит постановка вопроса о способах реализации ментальности.

Люди любых эпох искали собственные формы упорядоченья видимого мира. «Искали» в данном контексте не означает умышленного, интентированного действия. Скорее оно проистекает из подспудной потребности в формальных конвенциях, в их обновлении. Потребность в символе заставляет художника «низко оценивать фактическое соотношение воспринимаемого мира, подталкивая его к поиску специфически символических способов письма»[13] и, что называется, оглядываться по сторонам. Почерпнутые извне, заимствованные утилитарные формы могут переосмысливаться в формы символические. Другими словами, они или вообще наполняются абсолютно новыми содержаниями, или, при сохранении изначальных смыслов, помещаются в иной контекст восприятия. Цветок в картине Босха, естественно и безусловно, далеко не единственный пример «кочующих» образов и форм. Например, артефакт ирландского стиля VII века *Imago Hominis* со страницы Эхтернахтского Евангелия своей орнаментальностью в изображении *человека* напоминает богатый декор искусства Ислама, затейливый, абстрактный и беспримесный. Но новое мировоззрение, принесенное Исламом и изменившее культурный облик покоренных народов, еще не сформировалось на тот момент до конца: наивысший расцвет мусульманской культуры пришелся на IX–XII века.

С точки зрения взаимопроникновения культур не подлежит сомнению огромное влияние на европейскую цивилизацию крестовых походов.

Затем пилигримы – истинно верившие в душеспасительность приобщения к различным реликвиям, поклонения останкам святых и молений в храмах по всему континенту, они вполне могли быть «переносчиками» символических форм, создавать те каналы коммуникации между художниками, мастерами удаленных друг от друга местностей, между тенденциями и способами становления, отставленных на значительные друг от друга расстояния, которые невозможно отследить историческим оком в силу высокой степени их случайности и неупорядоченности. Но не исключено, что линеарность нортумбрийской фантазии непосредственно и самостоятельно «переварила» раннехристианские символические мотивы. Так что можно предположить, что *миграция форм имеет место не только в географических координатах, но и во временнымх, исторических*, например, как во времена великого переселения народов. Хотя «невеликие» переселения наблюдаются и сегодня – для переноса формы едва ли нужны легионы.

История неоднократно демонстрировала, как одновременно, а подчас синхронно зарождались и развивались едва ли не противоположные процессы. В доступном нашему историческому взгляду промежутке времени «наследование» символических форм начинается с переиначивания языческого репертуара форм. При этом многоплановость формы отражается в многослойности содержания, и наоборот. Уплотняясь и конкретизируясь, символические формы, а также и функции [искусства] становятся «фигурами истории культуры, мотивами, темами, *образами* и, далее, идеалами и чувствами»[14]. Это наводит на мысль о том, что критерий многозначности символа и, как следствие, произведения укоренен, во-первых, в связях искусства с повседневностью, а во-вторых, в художественной воле художника, пронизанной неосознанным, повседневным, автоматизмами поведения, внеличными аспектами индивидуального сознания. То есть kunstwollen в известном смысле не только составная часть «намерения» художника, но и инструмент выведения из принципов формообразования, которых, по свидетельству Зедльмайра[15], немного, всего многообразия признаков *стиля* произведения искусства. Принципы стилистических построений обнаруживаются в фундаментальных изменениях духовной структуры группы людей, но простой констатации этих изменений недостаточно – нужны их причины. И они кроются в сфере исторической ментальности.

Художественная воля, рассматриваемая в качестве порождающей «реальной силы» стиля, «вылупляясь» из ментальности, точно так же не может рассматриваться как бы сама по себе и нуждается в субъекте. Другое дело, что субъектом может выступать не только непосредственный «носитель» воли и ментальности, для нас – художник, но, со времен Гегеля, – «дух», абсолютное и неколебимое основание самодостоверности самосознания, которое можно понимать как «дух эпохи», который есть реализация ментальности эпохи, репрезентированной в произведениях искусства. И именно в стиле, понятом как видимый знак единства культуры, определяется граница между индивидуальностью и исторической ментальностью, поскольку подчеркнутые экспрессивные свойства произведения связывают его с культурным и историческим контекстом, выступая фактически средствами их выражения, *проводниками репрезентации.* С одной стороны, искусство – это элемент общественного сознания и общественной психологии, общества, народа, отдельной социальной группы; оно отражает и выражает дух времени, нравственно-психологический климат определенной эпохи; это индивидуальное психическое отражение, «субъективный образ объективного мира», синтез отражения и самовыражения, порождение фантазии, интеллекта, эмоций отдельного человека; вид социальной активности, жизнедеятельности, межличностная коммуникация, разновидность духовного личностного общения и так далее, и так далее. А с другой – оно есть способность человека, которая открывает для него самые разнообразные способы освоения мира и ориентации в нем: *исключительно эстетически ориентированное освоение мира – лишь один из таких способов.*

Так, уже эйдетическая природа ментальности Средневековья оказывалась структурирована на основе чистых форм, первообразов, свободных от утилитарно-практических смыслов и ассоциаций. Поэтому в изобразительном искусстве ключевую позицию, как центральный принцип формообразования, заняла символическая форма. С одной стороны – пафос следования канону и «эйдос» царствия небесного, а с другой – повседневные, житейские смыслы: область отвлеченных идей раздваивалась. Динамика исторических событий, не позволяющая воспринимать символическую форму обобщенно, как ее навязывает эфе-

мерное понятие «стиль эпохи», подводя под единый знаменатель весьма разные явления искусства, – эта динамика дает возможность проникнуть в суть исторических сил, интенций и идеалов формообразования произведений искусства.

Дескриптивная историческая наука наделяет произведения (впрочем, и их авторов) некоторым «символическим возрастом», отсчитываемым от настоящего момента во тьму веков. Сама история получает таким образом практически однозначный вектор – от прошлого к настоящему. Однако художник как в минувшие времена, так и сегодня остается «возбудителем зрительской реакции», и такой вектор восприятия вызывает определенную интеллектуализацию эстетического восприятия, единственной «базой» под которым оказывается лишь историческое бытие произведения: все, что касается «священной древности» и уже отошло в прошлое, воспринимается как искусство с тем основанием, что в самом материальном существовании предмета на протяжении столетий кроется некая значимость и значительность. Однако же все, что мы знаем об искусстве прошлого (да и настоящего тоже), лежит на фундаменте опыта, ежедневно расширяющегося и затрагивающего и пространственные, и временные пласты реальности. И современность, в конечном счете, рассматривается в исторической перспективе, с позиции исторических истоков, с точки зрения присущих ей символических форм, часть из которых – ни что иное, как наследие прошлого. Поэтому последовательность движения исторического взгляда должна быть обратным дескриптивному – от прошлого к настоящему, что, собственно, и предложили историки школы «Анналов». Тогда понятно, что под современным в меньшей степени подразумевает специфика художественной формы – основным остается реализация ментальности: общественный климат и социальные условия, в которых творится произведение искусства и существует художник.

Примечания

[1] *Виолле-ле-Дюк Э.Э.* Жизнь и развлечения в Средние века. Культура Средних веков в памятниках исторической мысли Франции. – СПб., 2003. – С. 25.

[2] *Дэвис Н.* История Европы. – М., 2004. – С. 2.

[3] *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. – М., 1972. – С. 7.

[4] Цит. по: *Clark K.* Civilisation. A Personal View. – London, 1969. – P. 1.

[5] *Гуревич А.* Жак Ле Гофф и «новая историческая наука» во Франции. // Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – Екатеринбург, 2005. – С. 535.

[6] *Chartier R.* Le monde comme representation // Annales E.S.C. – 1989. – №6. – P. 1514–1514.

[7] *Блок М.* Феодальное общество. – М., 2003. – С. 65.

[8] *Huizinga J.* Historical Ideals of Life and Other Essays. – London, 1992. – P. 23.

[9] *Тольнай Ш. де.* Босх. – М., 1992. – С. 12.

[10] В Средние века выражение «иметь камень в голове» как раз и означало «быть не в своем уме».

[11] *Дворжак М.* История искусства как история духа. – СПб., 2001. – С. 25.

[12] *Дэвис Н.* Указ. соч. – С. 4.

[13] *Хофман В.* Основы современного искусства. Введение в его символические формы. – СПб., 2004. – С. 99.

[14] *Huizinga J.* Op. cit. – P. 75.

[15] *Зедльмайр Г.* Искусство и истина. – СПб., 2000. – С. 47.

М.Н. Грецкий, Г.Е. Лягушев

ЗАПАДНЫЙ МАРКСИЗМ

Западный марксизм (иногда обозначаемый как неомарксизм) это целая совокупность течений, противостоящих «восточному», или советскому марксизму-ленинизму в его официальной трактовке. Для этих течений характерно критическое отношение, как к капитализму, так и к «реальному социализму» 1930–1980-х годов и в то же время стремление к самостоятельной творческой разработке наследия Маркса и Энгельса. Основоположниками западного марксизма в западной литературе 1920-х годов считаются Дьердь Лукач, Карл Корш и Антонио Грамши, выступившие вначале с критикой «ортодоксов» II Интернационала, а затем и той формы марксизма, которая утвердилась в III Интернационале. Критика эта была направлена, прежде всего, против объективистско-натуралистического понимания развития общества, приводящего к историческому фатализму и к пренебрежению человеком, его сознанием и практикой. Лукач, Корш и Грамши предложили свои варианты исправления этих недостатков в интерпретации марксизма, о которых необходим особый разговор.

Здесь мы коснемся дальнейшей истории, когда в западном марксизме сформировались два основных направления, вступивших в конфликт между собой по вопросу о том, как преодолеть объективистско-натуралистическую тенденцию в марксизме. Первое направление, которое можно назвать «диалектико-гуманистическим», предлагало сугубо философский путь: поставить в центр марксистской философии человека как субъекта исторического действия, переосмыслить диалектику, представив ее как диалектику субъекта-объекта, переориентировать философию на решение только социальных проблем, рассматривая природу лишь через призму познавательного и практического отношения к ней человека. Многие представители данного направления нашли опору в ранних работах Маркса, особенно в «Экономически-философских рукописях 1844 года», в которых содержится гуманистическая концепция человека, его отчуждения и снятия отчуждения при коммунизме. В то же время были использованы идеи ряда направлений немарксистской философии, таких как экзистенциализм, фрейдизм, феноменология, неогегельянство.

Второе направление, которое можно условно назвать «сциентистским», предложило решать проблемы марксистского учения об обществе на путях его превращения в строгую науку: очистить его от абстрактного философствования, от остатков фейербахианства и гегельянства, поднять его научный уровень с помощью методов современной науки, оставив за философией сферу познания, методологии или идеологической борьбы.

Каждое их этих основным направлений в свою очередь делится на ряд течений, которые мы ниже вкратце охарактеризуем. В первое, «диалектико-гуманистическое», или собственно философское направление входят следующие течения.

1. Франкфуртская школа (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, В. Беньямин, Ю. Хабермас, А. Шмидт, О. Негт), выступившая как «критическая Теория общества» и проделавшая в лице своих различных членов значительную эволюцию. Ею был предложен свой вариант неогегельянской «отрицательной диалектики» – диалектики тезиса и антитезиса, не допускающей синтеза, ведущего, по мнению франкфуртцев, к порабощающей человека тотальности. Выходец из этой школы Юрген Хабермас, написавший, в частности, работу «К реконструкции исторического материализма» (1876), – один из крупнейших философов современности.

2. Фрейдомарксизм (В. Райх, Г. Маркузе, Э. Фромм), зародившийся в 1920-е гг. и получивший широкое распространение в 1960–1970-е гг. Это попытка соединения личностной проблематики фрейдизма или неофрейдизма с социальной проблематикой марксизма. При этом исследуются деформации психической структуры личности и ищутся пути их преодоления. Так, согласно «сексуально-экономической» социологии Райха деформации проистекают из подавления капитализмом естественной социальности человека, его стремлений к любви, труду и познанию. Эти стремления могут быть высвобождены путем «сексуальной революции», приводящей к моральной саморегуляции человека. В.Райх – один из первых критиков фашизма (Массовая психология фашизма, 1933). Вышедший из Франкфуртской школы Г. Маркузе выдвинул понятие «одномерного человека» – человека, ориентирующегося на деформированные современным ка-

© М.Н. Грецкий, Г.Е. Лягушев, 2006

питализмом потребности, конформиста, утратившего способность критического отношения к действительности. «Одномерность», по Маркузе, можно преодолеть «Великим отказом» и революционным действием, причем революционная инициатива переходит от рабочего класса, интегрированного в капиталистическую систему, к неинтегрированным маргинальным слоям (студентам, безработным, национальным меньшинствам). Э. Фромм, исследовав отчуждение человека, доходящее до утраты им своей «самости», выдвинул идею «гуманистического психоанализа», направленного на саморазвертывание внутренних потенций человека, на разрешение «исторических противоречий» и создание гуманистического общества всеобщей любви.

3. Экзистенциалистский марксизм, представленный в работах позднего Ж.-П.Сартра «Проблемы метода» (рус. пер. М., 1994) и «Критика диалектического разума» (I т. – 1960, II т. – 1985), а также в некоторых работах М. Мерло-Понги и ряда других французских философов, объединившихся вокруг журналов «Socialisme ou barbarie» (К. Касториадас, К. Лефор) и «Arguments» (К. Акселос, А. Лефевр и др.). В начале 1960-х гг. на эти же позиции перешел Р. Гароди, впоследствии эволюционировавший в направлении религиозной философии. Идеи, близкие к французскому экзистенциалистскому марксизму, разрабатывали Э. Фишер и К. Марек в Австрии, А. Шафф в Польше, К. Косик в Чехословакии, Дж. Льюис в Ангаии, З.М. Какабадзе в СССР. Экзистенциалистская концепция человека как свободного и ответственного исторического деятеля здесь соединяется с социальной проблематикой марксизма. Жан-Поль Сартр представил практически действующего индивида как источник социальной диалектики, которая преобразуется при объединении индивидов в группы (в том числе в классы) и их взаимодействие с объективными факторами. Другие философы, обратившись к гуманистической концепции молодого Маркса, попытались развить ее при помощи экзистенциалистского понимания сущности и существования человека, неогегельянской диалектики, элементов феноменологии и «философии жизни». При этом основной упор делается на человеческую субъективность, отчуждение и восстановление целостности человека.

4. Феноменологический марксизм, получивший распространение главным образом в Италии и США (Э. Пачи, П. Пиконе и их последователи, объединившиеся вокруг журналов «Au taut» и «Felos» в 1960–1970 гг.). Энцо Пачи, опиравшийся прежде всего на позднюю работу Э. Гуссерля «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (опубл. в 1954 г.), предложил марксистское объяснение исследованного Гуссерлем кризиса: виноват капитализм. В связи с этим он попытался соединить Гуссерля с Марксом путем создания категориального аппарата, сочетающего понятия феноменологии и марксизма. Цель истории (телос), по Пачи, – преодоление «объективации» (Гуссерль), или «отчуждения» (Маркс) и создание «интерсоциализма», то есть общества, построенного на отношениях людей как субъектов. Феноменологические марксисты Роватти, Вигорелли и др. разрабатывали проблематику человеческих потребностей, революционного субъекта истории и др.

5. Марксистский историцизм – течение, распространившиеся в 1950–1960 годы среди итальянских марксистов, последователен Грамши (Н. Баладони, Л. Группи. Э. Серени и др.). Исходя из идеи Грамши о «тождестве философии и истории» и его понимания марксизма как «философии практики», итальянские историцисты отвергай разделение марксистской философии на диалектический и исторический материализм, представив эту философию как целиком социальную и гуманистическую.

6. Будапештская школа (А. Хеллер, М. Вайда, Д. Маркуш, Ф. Фехер), существовавшая в Венгрии в 1960–1970 гг. (до 1974 г. когда она была осуждена как «ревизионистская»). Это последователи идей молодого Лукача, точнее, его работы «История и классовое сознание» (1923), в которой диалектика осмысливается как взаимосвязь и взаимопереходы субъекта и объекта, а во главу угла ставится понятие общества как целостности. Последователи раннего Лукача имелись и в других странах, в частности, во Франции – Л. Тольдман.

7. Группа «Праксис», сложившаяся вокруг одноименного югославского журнала, выходив шего в Загребе (Г. Петрович, П. Враницкнй, М. Кангрга, Р. Супек, М. Маркович, С. Стоянович). Исхода из идей раннего Маркса, Лукача, Грамши, Сартра, теоретики этой группы положили в основу философии понятие практики как фундаментального отношения между субъектом и объектом (исходное – не материя, а именно отношение между человеком и миром). При этом

они отвергали теорию отражения как «недиалектическую», стремясь осмыслить познание как творчески активный процесс. Они разрабатывали проблематику человека, а также пытались критически воздействовать на процесс развития системы самоуправления в Югославии.

8. Немецкий философ Эрнст Блох (1885–1977), чья достаточно оригинальная «философия надежды», лишь с некоторой долей условности может быть отнесена к марксизму. Блох строит общую концепцию развития мира, в которой субъект и объект вначале слитны, затем разделяются, а под конец должны воссоединиться. Марксизм, по Блоху, это «конкретная *утопия*», соединяющая предвидение будущего с возможностью его революционного сотворения. Связав утопию со всяким стремление к совершенству, Блох внес существенный вклад в «реабилитацию» самого понятия утопия в современной философии.

Если «диалектико-гуманистическое» направление считало советский марксизм-ленинизм недостаточно человечным, то «сциентистское» направление оценило его как недостаточно научное. К этому направлению относятся течения, рассматривающие марксистское учение об обществе как нефилософскую, конкретную науку и, соответственно, отвергающие субъект-объектную парадигму. Здесь выделяются три основных течения.

1. Французский марксист Луи Альтюсер (1918–1990) и его последователи в различных странах (Э. Балибар, Д. Лекур, П. Реймон и др.). В этом течении, нередко называемом «структуралистский марксизм» или «альтюсерианство», решается, в общем, та же проблема преодоления обьекгивистско-натуралистического подхода к обществу, что и в «диалектико-гуманистическом» направлении, однако – прямо противоположными средствами. Марксизм, считает Л.Альтюсер, не должен ни возвращаться к молодому Марксу, ни тем более синтезироваться с какими-то немарксистскими концепциями. Напротив, он должен выявить и развивать свою специфику как науки, прежде всего, через отмежевание от всего ненаучного – от любой философии субъекта, от телеологической гегелевской диалектики, от идеологии, от эмпиризма. Гуманистическая концепция молодого Маркса телеологична, это не марксизм, заявляет Альтюсер. А «перевернутая» на материалистический лад гегелевская диалектика, если в ней сохраняется та же структура, превращается из телеологической в фаталистическую. Отсюда и объективистско-натуралистический подход. Для его преодоления Альтюсер предлагает существенное переосмысление марксистской диалектики. Выдвинув концепцию «сверхдетерминации», он утверждает, что основное экономическое противоречие общества не может разрешиться само собой, – для этого оно должно быть «сверхдетерминировано» другими, относительно самостоятельными сферами (политикой, идеологией). Поэтому революция происходит не там, где экономическое противоречие наиболее развито, а там, где на него накладываются другие противоречия. Вместе со своими учениками Альтюсер выдвинул «антигегелевскую» интерпретацию «Капитала» Маркса, предложил «антиэмпиристскую» концепцию познания, дал оригинальную трактовку ленинского вклада в марксистскую философию и т.д. В Англии в 1970-е гг. возникло течение постальтюсерианства (Б. Хиндесс, П. Харст). Следует также отметить интересные попытки соединения идей Альтюсера с идеями Грамши в работах жившего во Франции греческого философа Н. Пулантзаса и западноберлинского марксиста, редактора журнала «Das Argument» В.-Ф. Хауга.

2. Гальвано делла Вольпе (1895–1968) и его последователи в Италии – деллавольпианцы» (У. Черрони, Н. Меркер, Л. Коллетти до его разрыва с марксизмом). Рассматривая марксистское учение об обществе как конкретную науку, Делла Вольпе стремился избавить ее от философских, «неопределенных» абстракций, непригодных, по его мнению, для конкретно-научной работы. В науке необходима, говорил он, ссылаясь на Маркса, «специфическая логика специфического предмета», использующая специфические, «определенные» абстракции. Со своей стороны, философия, выдвигая метод получения таких абстракций – метод движения от конкретного к абстрактному и обратно («дидактическая диалектика»), – сводится к общей методологии. Делла Вольпе разрабатывал также проблемы свободы и демократии в свете марксизма. В ходе дискуссии 1962 года другие итальянские марксисты подвергли концепцию Делла Вольпе критике, признав «методологизм» слишком узким пониманием философии.

3. Аналитический марксизм – самое современное течение (1980–1990-е годы), возникшее в Англии и США и стремящееся развивать учение об обществе как науку на основе строгих совре-

менных методов (Дж. Коэн, Дж. Элстер, Дж. Ремер, Е.О. Рант и др.). Аналитические марксисты подвергли основательной проверке, уточнению и переосмыслению многие понятия, аргументы, способы рассуждения марксистской политэкономии, диалектического и исторического материализма. При этом, у них самих выявились два разных подхода к изучению общества – макроуровневый и микроуровневый. Рассуждая на макроуровне, Дж. Коэн предложил функциональную концепцию соотношения производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки. Дж. Элстер и Дж. Ремер, рассуждая на микроуровне, занялись исследованием поведения индивидов с тем, чтобы идти от единичного к общему (это было названо «методологическим индивидуализмом»). При этом были применены методы моделирования, формализации, теории рационального выбора, теории игр и др., что дало заслуживающие внимания результаты. Так, Джон Ремер выдвинул общую теорию эксплуатации и класса, по отношению к которой Марксова теория трудовой стоимости и основанное на ней объяснение эксплуатации оказываются частным случаем. Аналитический марксизм (иногда называемый также «марксизмом рационального выбора») интересен также тем, что в нем соединяется то, что в других течениях западного марксизма оказалось противопоставленным – человек и наука. Так, в нем исследуется с конкретно-научных позиции проблематика отчуждения, которая до сих пор представлялась прерогативой сугубо философского субъектно-субъектного подхода.

Помимо рассмотренных двух основных направлений западного марксизма – «диалектико-гуманистического» и «сциентистского», следует отметить некоторые течения, не укладывающиеся в эти рамки. Это марксистски ориентированные теоретики национально-освободительного движения, исследователи проблем третьего мира и капитализма как мировой системы – Самир Амин, Андре Гундер Франк, Иммануил Валлерстейн: критические социологи Ч.Р. Миллс, А. Гоувднер и др.; представители марксистского феминизма, исследующие проблемы домашнего труда, угнетения и эксплуатации женщин в рамках «патриархальной системы» (Н.-Э.Теневен, К. Бюсн, М.Р. делла Коста и др.).

Но и этим не исчерпывается все богатство идей, концепций, подходов, имеющихся в западном марксизме. Упомянем хотя бы интересные работы по политэкономии Э. Манделя, П. Барана и А. Суши, Г. Бревермана, Козо Уно и его последователей в Японии, оригинальные общеисторические концепции Б. Рицци, У. Мелотти, Дж. Престипино, «теорию модерна» Ж. Биде (в которой, кстати, как и в концепции Мелотти и Престипино, существовавшая в СССР форма социализма рассматривается как параллельная капитализму). Немало ценных идей содержится в материалах многих конференций и конгрессов по марксизму, проходивших в последние десятилетия в Западной Европе, а также в левых журналах «New Left Review», «Science and Society», «Das Argument» и др. Все это заслуживает серьезного изучения и осмысления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ГАНЦОВСКАЯ Нина Семеновна, канд. филол. наук, проф. каф. русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

ГРАБОВА Ольга Николаевна, канд. экон. наук, докторант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

ГРЕЦКИЙ Милий Николаевич, д-р экон. наук, проф. (г. Москва).

ГУРЬЕВА Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента Ивановского гос. ун-та.

ДИДЫК Владимир Всеволодович, канд. экон. наук, доц., зам. директора ИЭП КНЦ РАН (г. Апатиты).

ЕМЕЛЬЯНОВА Елена Евгеньевна, младший научный сотрудник ИЭП КНЦ РАН (г. Апатиты).

ЗАБАРА Валерий Сергеевич, студент 5 курса физ.-мат. факультета КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЗАВЯЗКИН Валерий Евгеньевич, старший научный сотрудник отдела теории искусства и эстетики Института теории и истории изобразительных искусств Российской Академии художеств.

ИВАНЧЕНКО Нелли Юрьевна, канд. истор. наук, каф. управление персоналом Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина.

ИСАЕВ Павел Павлович, д-р хим. наук, проф. каф. математической физики и информационных технологий КГУ им. Н.А. Некрасова.

КАЛИНА Николай Алексеевич, соискатель каф. экономических теорий и военной экономики ЯВФЭИ им. А.В. Хрулева.

КОРМАНОВСКАЯ Елена Борисовна, соискатель каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

КОРШУНОВА Ольга Сергеевна, канд. пед. наук, доц. каф. теории и истории педагогики КГУ им. Н.А. Некрасова.

КОШЕЛЕВА Елена Александровна, аспирант каф. экономики труда и институциональной теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

КРИВОШЕИН Владимир Владимирович, докторант каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

КРИНИЦЫН Игорь Георгиевич, канд. биол. наук, доц., зам. директора Шарьинского филиала КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЛАВРЕНТЬЕВА Зоя Ивановна, канд. пед. наук, доц. каф. педагогики и психологии Новосибирского гос. пед. ун-та.

ЛАСЬКО Павел Алексеевич, канд. пед. наук, докторант каф. социальной педагогики КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЛЯГУШЕВ Георгий Евгеньевич, докторант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

МАИН Валентин Николаевич, д-р истор. наук, проф. каф. всемирной истории и историографии КГУ им. Н.А. Некрасова.

МАКСИМОВА Ксения Геннадьевна, соискатель каф. всемирной истории и историографии КГУ им. Н.А. Некрасова.

МАРКОВ Владимир Николаевич, канд. физ.-мат. наук, доц. каф. общей и теоретической физики Липецкого гос. пед. ун-та.

МУРАДОВА Людмила Владимировна, канд. сельскохозяйственных наук, доц. каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

МУРАТКИНА Екатерина Леонидовна, канд. филол. наук, доц. каф. английского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

НИКИФОРОВ Олег Владимирович, аспирант каф. педагогики и социальной работы ПГПУ им. С.М. Кирова.

ОСМАНОВА Гульнара Орудж кзы, канд. биол. наук, доц. каф. экологии растений Марийского гос. ун-та.

ОЧКАСОВА Мария Руфовна, канд. филол. наук, докторант каф. русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

ПАЛАШ Светлана Витальевна, канд. экон. наук, доц. каф. экономики труда и институциональной теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

ПУХОВ Николай Михайлович, канд. физ.-мат. наук, доц. каф. общей и теоретической физики Липецкого гос. пед. ун-та.

РАУДСИК Евгения Алексеевна, директор Изборского лицея Псковской области.

РОММ Татьяна Александровна, канд. пед. наук, доц., зав. каф. педагогики и психологии Новосибирского гос. пед. ун-та.

РЫБКИН Анатолий Анатольевич, аспирант каф. истории России КГУ им. Н.А. Некрасова.

СЕКОВАНОВ Валерий Сергеевич, канд. физ.-мат. наук, проф. каф. прикладной математики и информационных технологий КГУ им. Н.А. Некрасова.

СЕРОВА Наталья Александровна, младший научный сотрудник ИЭП КНЦ РАН (г. Апатиты).

СИРОТИНА Марина Валерьевна, канд. биол. наук, доц. каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

УЛЬЧЕНКО Михаил Васильевич, младший научный сотрудник ИЭП КНЦ РАН, преподаватель Филиала СПбГИЭУ в г. Апатиты.

ЧАПЛЫГИНА Татьяна Леонидовна, соискатель каф. теории литературы и русской литературы XX века Ивановского гос. ун-та.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных
А.В. Каштанов
Д.А. Смирнов

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 25.09.2006
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 12,0 л.
Тираж 1000 экз.
Изд. № 43

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(0942) 31-65-61**, факс: **(0942) 31-65-61,**
E-mail: **vestnik@ksu.kostroma.net**

Цена свободная